

II JORNADAS ANDALUZAS DE ESLAVÍSTICA

RESÚMENES DE PONENCIAS Y COMUNICACIONES

Baeza, 3-5 de octubre de 1996

ORGANIZAN

**UNIVERSIDAD INTERNACIONAL DE ANDALUCÍA
SEDE ANTONIO MACHADO**

Y

**UNIVERSIDAD DE GRANADA
ÁREA DE FILOLOGÍA ESLAVA
(DEPARTAMENTO DE FILOLOGÍA GRIEGA)**

COMITÉ ORGANIZADOR

Presidente:

Dr. Rafael Guzmán Tirado

Dr. Jiří Černý

Dra. Maria Falska

D. José Antonio Hita Jiménez

Dra. Elena Mironesko

D. Enrique Quero Gervilla

Dra. Larisa Sokolova

D. Joaquín Torquemada Sánchez

Dra. Larisa Vladímirova

*Adelgeim, Irina
Academia de Ciencias de Rusia, Moscú
Federación Rusa*

OD MITU KULTURALNEGO DO DIALOGU KULTURALNEGO: LITERATURA POLSKA W ROSJI LAT 79-90-tych.

1. Uwarunkowanie historyczne powstania w Rosji "mitu polskiego". Polonofilstwo a polonofobia - dwa bieguny emocjonalne świadomości społecznej i obyczajowej w stosunku do Polski.

2. Literatura polska (od poł. XXw.) staje się dla Rosji "przedsięwzięciem do kultury europejskiej" (F. Batjuszkow) - będąc słowiańską, pozostaje dla niej zachodnią.

3. Od lat 60-ch XXw. w ówczesnej sytuacji społeczno-politycznej, literatura polska w Rosji (oraz mit polski) grały rolę "szczepień kulturalnych" nowego języka, rozluźniających przestrzeń zamkniętą.

4. Selektynność znajomości z inną (w danym wypadku polską) literaturą: czynnik przypadkowości imion, koniunktury politycznej w wyborze utworów itd.

Stąd: sfałszowany chronologicznie obraz recepcji, niezadowalająca informacja, inna hierarchia wartościowa, o której stanowi kontekst literatury własnej i ogólny (dostępny w danej chwili) kontekst literatury światowej. Aluzje i skojarzenia jako mechanizm recepcji i stworzenia pola semantycznego kultury.

Stopień zbliżenia obrazu ogólnego literatury obcej (w danym wypadku polskiej), który miał czytelnik rosyjskojęzyczny, do obrazu rzeczywistego.

5. Model recepcji; poznawanie problemów (przeżyć) wspólnych (lub podobnych); próba zbliżenia do rzeczywistości obcej poprzez to poznawanie; reakcja na niewiadome (nową estetykę), język.

6. Kardynałe zmiany po 1985r. co do możliwości znajomości literatury obcojęzycznej (w danym wypadku polskiej), odkrycia opóźnione, "ogniwa przepuszczone". Literatura polska w tezaurusie kulturalno-historycznym czytelnika rosyjskiego lat 90-ch.

Informacja wzajemna i otwartość przestrzeni kulturalnej jako warunek przejścia do pełnowartościowego dialogu kultur.

*Akhmedov, German
Universidad Pedagógica de Daguestán, Marachkala
Federación Rusa*

KULTUR DER RUSSISCHEN REDE DER STUDENTEN-BILINGUISTEN IN DAGESTAN (INTONATIONSASPEKT)

Der höhere Sozialstatus der russischen Sprache tritt im multinationalen Dagestan als dominierende Komponente der Zweisprachigkeit und Mittel zwischennationaler Kommunikation hervor, diktiert die Notwendigkeit des guten Wissens dieser Sprache und das Streben zur Erhöhung der Kultur der Rede.

Aber der sich in der letzten Zeit abzeichnende Aufstieg der Rolle der Mutersprachen der Dagestaner in sozial-wirtschaftlichen und kulturellen Sphären, das auftretende Interesse für die Richtigkeit und Klarheit der nationalen Rede auf indirekte Weise, fanden Gleichgültigkeit in der Kultur der russischen Rede der Dagestaner.

Die Selbstberuhigung der Schulen und des Bildungswesens glaubt, daß das zu erreichende Niveau des Studiums der russischen Sprache - für immer die stabilisierende Lage - als drohende Folge erschien.

Nicht gute Beispiele der guten russischen Rede: das Auftreten der Journalisten-Bilinguisten im Fernsehen, einzelner dagestanischer Minister, Abgeordneter; Schriftsteller, Weit davon auch die Rede der Lehrer der Hochschule und Schule.

Unter diesen Bedingungen gewinnt die qualifizierte Propaganda der russischen Sprache durch kompetente Fachleute mit entsprechender Beleuchtung der Sprache der konsolidierenden Möglichkeiten und Kultur-Ästhetik-Potenzen eine wichtige soziale Bedeutung.

Unsere Beobachtungen über Intonation der Vertreter der verschiedenen Sprachen Dagestans lassen eine große Vielfältigkeit der Abweichung verallgemeinern:

a) im Aussagesatz: Ersatz der Dauer des vokalischen Zentrums durch die Intensität, die Aussprache nach dem Typ IK-2; die Erhöhung des Tones auf dem Intonations-Zentrum oder am Ende des Nachbetonungsteils; nicht richtige Lage des Intonationszentrums, wörtliche Aussprache des Satzes;

b) Im Fragesatz ohne Fragewort, Nichtunterscheidung der Frage und Bestätigung; die Aussprache mit ebener Erhöhung am Ende des Satzes; das Zeitlupentempo der Aussprache der Frage;

c) Im Fragesatz ohne Fragesatz: die kleinere Dauer der Betonungssilbe des Zentrums im Vergleich mit den anderen Betonungsvokalen des Satzes; die Erhöhung des Tons am Ende des Satzes u.s.w.

d) Akzentsabweichungen in der Intonation zeigen sich höchst klar in den Bewertungssätzen mit IK-5; IK-6; IK-7. Der Gebrauch dieser oder jener Konstruktion hängt von vielen Faktoren, objektiven wie subjektiven, ab. Im Vortrag wird darüber ausführlich berichtet.

Алексеенко, Михаил
Alekseenko, Mijail
Universidad de Szczecin
Polonia

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПЕРЕВОД (на материалах восточнославянских языков)

В докладе рассматривается соотношение сопоставительной фразеологии восточнославянских языков и переведения как междисциплинарных предметов, отличающихся друг от друга и имеющих одновременно общие области, пересечения, стыки, эмпирические и теоретические основы.

Одно из направлений современной контрастивистики - транслятологическое объединяет теоретические и прикладные проблемы контрастивистики и транслятологии.

Разработка лингвистической модели процесса перевода фразеологических средств языков, поиск оптимальных регулярных диалингвальных корреляций на материале восточнославянских языков показывает, что такая модель носит многомерный характер и ее некорректно сводить только к языковым параметрам.

Цель сопоставления фразеологических систем родственных языков - выявление и исследование диалингвальных системных соответствий/ несоответствий, типологизация их. Цель перевода фразеологических единиц - установление контекстуального функционально полноценного фразеологического соответствия в языке перевода, которое находилось бы в минимальных диалингвальных отношениях противоположения с единицей исходного языка (в идеальных случаях, имеющих место в близкородственных языках, - в отношениях тождества).

Высокая степень омологичности восточнославянских языков обуславливает необходимость поиска текстовых эквивалентов глубинного характера - на уровне компонентов семантической структуры фразеоглизмов, специфики прагматических компонентов, данных паралингвистики, этнолингвистики, культурологии, и т.п. Близко родственное воспроизведение оригинала предполагает повышенное внимание к аксиологическому коду (субъективному языку), способствующему строго однозначному соотнесению содержательной и ценностной структур переводного текста.

Данные сопоставительных фразеологических, и шире - языковых исследований, - надежная теоретическая основа современной транслятологии.

*Aлексиева, Татьяна
Aleksieva, Tatiana
Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"
Bulgaria*

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОГО СЛОВА В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Изучение систем просодических единиц родственных, в частности, славянских языков, их типологии и структурированности является одним из перспективных направлений в языкознании. Исследование выполнено на материале русского и болгарского языков и посвящено комплексному изучению фонетического слова (ФС), функционирующего как основная ритмическая единица русской и болгарской звучащей речи.

1. В результате экспериментально-фонетического исследования установлены закономерности органоизации ФС в тесной взаимосвязи с особенностями грамматического строя русского и болгарского языков и с учетом фоностилистических характеристик речевых фрагментов, в рамках которых функционируют данные просодические единицы. Анализ наиболее частотных акцентных моделей, изучение способов образования ФС и сочетаемости частей речи в рамках единой ритмической структуры позволяет отметить в каждом языке определенные тенденции, обусловленные морфологическими особенностями каждого из языков. Для русского языка характерно употребление ФС

простого грамматического типа (равных одной словоформе или сочетание знаменательного слова со служебным); в болгарском языке свыше 50% проанализированных ритмических единиц представляют собой структуры составного грамматического типа, объединяющие 2-4 словоформы.

2. Болгарское ударение, организуя ФС, создает бинарное противопоставление позиций и вариантов гласных, в то время как в русском ФС формируется более сложная система позиционных отношений и вокалической аллофонии. Различия в структурной организации русского и болгарского языков заключаются в том, что: 1) звуковые единицы в болгарской речи имеют более слабую коартикуляцию внутри слов; 2) наблюдается меньшая слитность слов в рамках самого ФС; при этом возрастает роль интенсивности в организации ФС, сохраняется тенденция к различению всех гласных, независимо от их позиции в слове, менее контрастное распределение длительности ударных и безударных слов.

*Амирова А. А.
Amirova, A. A.
Universidad de Kazán
Federación Rusa*

ГЛАГОЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ)

В отечественной литературе последнего времени интенсивно рассматриваются вопросы межъязыкового сходства (от Бодуэна де Куртенэ и далее). Указывается, что к решению названной проблемы целесообразно приступать после применения внутриязыкового сравнения (Р.Штернemann и др.); об эффективности двойного сравнения писал еще В.Гумбольдт.

Длительную традицию изучения имеет явление синонимии, являющейся составной частью проблемы внутриязыкового и межъязыкового сходства (Н.Г.Комлев, Д.Н.Шмелев, Ю.Д.Апресян, С.Г.Бережан и др.). Среди наиболее часто дискутируемых вопросов - выработка критерии синонимичности, обсуждение предельно допустимой синонимичности при включении в словари синонимов, отграничение синонимов от несинонимов, разработка понятия значения ("близость значений", "оттенка значений" и т.п.).

В истории русского языка на протяжении разных исторических периодов ряд глагольных образований с инвариантным значением систематически оказывались то в позиции наибольшего семантического сближения, доходящего до тождества значений, то расходились вплоть до антонимии, взаимозаменяясь при выполнении одной и той же функции, либо конкурируя друг с другом в борьбе за обладание одной и той же семантической информацией (сравн. избежать-убежать-отбежать, выбежать, послать-прислать и т.п.).

Реализация семантических потенций каждой единицы зависит от системы конкретного исторического контекста, непосредственного глагольного окружения, целей коммуникации, отчего меняются ее отношения с семантическими и словообразовательными партнерами. Характер синонимических отношений и степень

синонимической сближенности образований зависят, в первую очередь, от специфики семантического поля, куда входят коррелирующие единицы (поля пространственных, количественных, временных и результативных значений).

Увеличение количества синонимических конструкций совпадает с этапами общей перестройки языковой системы, вызывающей перемещения звеньев одной цепи (например, словообразовательной системы языка XVIII века).

В отношениях семантического сходства фиксируется большинство префиксов русского языка, особенно характерна синонимичность для конфиксальных образований современного русского языка. Стабильность синонимичного гнезда, наряду с непостоянством его членов, объясняется его жесткой структурой, цементируемой за счет словообразовательных компонентов. "Пустые" на отдельный исторический период клеточки заполняются в другой период в зависимости от продуктивности той или иной словообразовательной модели.

Это постоянный, не прерывающийся во времени процесс движения языковых единиц от различия к тождеству и от тождества к различию через этап семантического сходства - отражение диалектики языка, стремящегося к состоянию относительного равновесия.

*Ampel-Rudolf, Miroslawa
Escuela Superior de Pedagogia de Rzeszów
Polonia*

OGRANICZENIA W TWORZENIU I UŻYCIU NAZW ODCIENI KOLORÓW

1. Przedmiotem analizy przedstawionej w referacie są systemowe struktury językowe służące do nazywania odcieni kolorów oraz możliwości i ograniczenia użycia tych struktur.

2. Celem referatu jest określenie ograniczeń w użyciu nazw odcieni i próba ich wyjaśnienia.

3. W systemie języka polskiego dysponujemy kilkoma możliwościami przekazywania informacji o wartości koloru charakteryzowanego obiektu. W codziennej komunikacji najczęściej wykorzystywane są nazwy kolorów podstawowych. W pewnych sytuacjach, dla właściwego zrozumienia komunikatu konieczne jest jednak podanie bardziej szczegółowej informacji o wartości koloru. Służą temu między innymi nazwy odcieni;

a) słowotwórcze derywaty modyfikacyjne;

czerwonawy, niebieskawy

b) formy z modyfikatorem, wykładnikiem nadrzędnej predykcji:

jasnoniebieski, ciemnożółty

c) użycie nazwy odcienia, którą możemy zdefiniować przez ostensję:

bananowy

4. Poszczególne rodzaje nazw odcieni tworzymy wykorzystując określone schematy dla każdego z typów. Jednakże nałożone są na nie pewne ograniczenia. Mogą one mieć podstawy semantyczne, mogą być związane z wiedzą o świecie pozajęzykowym itp.

a)* kolor *groszkowy*

- b)* kolor *jasnobiały*, * kolor *jaskrawoczarny*
c) błędne użycie nazwy (kolor) *bananowy* na określenie koloru ciemnożółtego.

*Aparicio Cortés, Elena
Alcorta, Vizcaya*

"ВОЙНА И МИР" ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

Se describen las primeras reacciones críticas a la publicación de *Guerra y Paz* de L.N.Tolstói en Rusia, las opiniones de los críticos literarios de las tres escuelas literarias rusas de mediados del siglo XIX: la llamada crítica real de N.G.Chernyshevski y N.A.Dobroliúbov, la crítica estética de A.V.Druzhinín, P.V.Annenkov y V.P.Botkin y la crítica orgánica de Apolón Grigóriev.

Se comentan los juicios de las autoridades militares, veteranos de la guerra de 1812 que contrastan la descripción tolstoiana de la guerra napoleónica con sus propias impresiones y recuerdos, entrados, en su mayoría en la veracidad histórica de la descripción de la batalla de Borodino.

Se mencionan los juicios de algunos escritores importantes como F.M.Dostoievski, A.A.Fet, N.S.Leskov, V.G.Korolenko, prestando especial atención a la labor desarrollada por I.S.Turguénev como difusor de *Guerra y Paz* de L.N.Tolstói en Rusia y en Europa. Se resalta la importancia y el extraordinario éxito de esta obra del gran escritor ruso.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ДРЕВНЕРУССКИЕ ТЕКСТЫ

*Баранов В.А.
Baranov, V. A.
Universidad de Udmurtia, Izhevsk
Federación Rusa*

Автоматизированная подготовка словарей - активно развивающаяся область лексикографии. При работе над словарем важное значение имеет отбор лексикографируемых единиц. Проблема состава словарника снимается, если речь идет о словаре автора или, например, о словаре на основе одного или нескольких уникальных текстов, так как в таком случае учитываются все словоупотребления. В то же время в произведениях одного автора можно заметить различное отношение к слову, его употреблению. В частности, это зависит от жанра (стиля) сочинений, времени их написания, от функции разделов текстов и т.д. Необходимость обнаружения аналогичных употреблений в большом корпусе обрабатываемого материала, выявления частных и общих закономерностей функционирования слова заставляет исследователя внимательно

относится к структурным особенностям текстов. Пожалуй, наибольшей структурной сложностью обладают древнерусские тексты. Они включают в себя фрагменты разных жанров, разных авторов, разного времени, приписки, пометы, комментарии, примечания, исправления и т. п.

Автоматизированный комплексный анализ текста, предполагающий техническую помощь в формировании словаря, указателей, конкордансов, в выявлении статистических характеристик текста, должен производиться с учетом структурно-функциональных особенностей текста. Для этого уже на подготовительном этапе работы необходимо выявление этих особенностей - структурное минимизирование текста. Для древнерусских текстов такими универсальными структурными характеристиками являются: заглавия, основной текст, озаглавленный раздел, пронумерованный раздел, не принадлежащий основному тексту фрагмент, фрагмент другого жанра, фрагмент, принадлежащий другому автору, фрагмент, написанный в другой время, текст на поле, примечания, комментарии и некоторые другие. Примером автоматизированной обработки древнерусских письменных памятников является работа с новгородскими богослужебными текстами древнейшего периода.

Изучение древнерусского слова - это комментирование словоупотребления в конкретных контекстах и выявление частных и общих закономерностей функционирования слова с учетом структурно-функциональных особенностей памятников.

*Baschmakoff, Natalia
Universidad de Joensuu
Finlandia*

THE WORLD AS A LIVING ORGANISM IN VELIMIR KLEBNIKOV'S AND VLADIMIR STERLIGOV'S ART

Vladimir Sterligov (1904-1973), the last great name of the so-called classical Russian avantgarde of the early 20th century, was originally identified with cubism and suprematism, but set out in 1960 to establish his own school.

Sterligov noted, that in cubism straight and curved lines had not progressed beyond outlining the object. Malevich, in his suprematism, had exhausted the opportunities for using the straight line. On the other hand, no one had yet managed to develop a three-dimensional curved line and outline the ball-like space limited by it. Then Sterligov's "bowl-dome space" (*chashekupol'noe prostranstvo*) was born. Sterligov himself preferred to speak of a two-stage complementary convex and concave space than a ball, since the complementariness was able to both construct and fragment the space.

These same thoughts were also echoed by the poet Velimir Khlebnikov (1885-1922), one of the first great visionaries of the 20th century, who spoke of complementary convex and concave lenses as well as the world which could be equated with a plant, and thus as the complexity of living lenses probing the pulsations of light and sound.

Perceiving the world at the same time as both observer and observed emphasizes the

randomness, the startlingness of the observation. Both Sterligov and Khlebnikov permitted the unseen event existing in the observer's internal world to emerge and vice versa. The decisive link, the "bowl-dome space", separating the observation into a unique event was the "present moment of the soul of the ego" (seychas moye dushi).

In this way the deeply spiritual, metaphysical reality becomes an indivisible part of the material reality. The external space is fused with the internal experience. The world becomes a living organism via personal experience of the ego. This leads to a certain strangeness which the viewer feels upon entering Sterligov's world: the painting is an aesthetic-prayer-like experience. In Sterligov's language both the bowl and the dome always have a religious significance: the **temple**, the pinnacle of the collective-individual nexus of the faithful, and the **chalice**, the essence of the individual-collective bond.

Башнева, С.К.

Bashieva, S. K.

Universidad de Kabardino-Balkaria, Nalchik

Federación Rusa

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ ФЕ

1. Семантическая организация ФЕ и ее функциональное назначение неразрывно связаны между собой. Особую роль в этом процессе играет стилистическое значение фразеологизма. К его определению, как и толкованию других понятий стилистики, наблюдается неоднозначный подход. Несогласованность в терминологии привела к тому, что в лингвистике нет четкого определения понятия "стилистическое значение".

2. Необходимо различать стилистическое значение в лексике и стилистическое значение во фразеологии, так они, несмотря на точки соприкосновения, имеют качественные различия и не тождественны по своей сути.

Генетически стилистическое значение присутствует в слове редко, оно чаще всего возникает в нем при употреблении его в контексте, то есть является факультативным. Стилистическое значение же ФЕ возникает в момент ее моделирования, создается как основными компонентами образного устойчивого выражения, так и оценкой предмета, признака, действия, обозначаемых ФЕ, обусловлен несколькими факторами, взаимосвязанными и взаимообуславливающими друг друга, является тем механизмом, который регулирует возможности реализации, уместности ФЕ в том или ином контексте и т.д.

3. Стилистическое значение ФЕ находится в сложных отношениях как с другими компонентами коннотативного блока, так и с предметно-логическим и грамматическим макрокомпонентами общего фразеоло-гического значения. С одной стороны, оно влияет на них, а с другой - и само испытывает их воздействие.

4. Объем информации, заключенный в стилистическом компоненте, зависит от объема ассоциаций, которые представлены во внутренней форме фразеологизма, от особенностей его моделирования, а также его компонентного состава и т.д.

5. На характер стилистической маркированности ФЕ влияет комплекс факторов:

- а) факторы, определяющие эмотивно-экспрессивные качества фразеологической единицы;
- б) структурно-грамматические особенности ФЕ;
- в) стилистическая маркированность компонентов ФЕ;
- г) способы, участвующие в моделировании ФЕ (поуроневые и тропические) и т.д.

Basylev, V.

Universidad Lingüistica de Moscú

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Политический дискурс - это один из способов формирования модели мира у общества и индивида в устно-слуховом артикуляционном ритуализированном контакте. Социальная действительность есть то, что порождается по ходу взаимодействия участников общения и является следствием интерпретативных процессов.

Особая роль в таком общении принадлежит ритуалу как социорегулятивному типу поведения, реализующегося, в частности, через информативность, структурируемую языком, и загадке (политической загадке) как особому классу словесных текстов, создаваемых на адекватном языке и структурирующих информативность ритуала.

Политическая загадка есть игра вопроса и проблемы, проблемы понимания и толкования. Она допускает неопределенный (тот же загадочный) ответ, помещаемый в пространство между истиной и ложью, который может оказаться неверным, но правильным.

Возможно существование двух преобладающих типов такого дискурса: с приоритетом личности говорящего (политический идиолект с минимальной ориентированностью на формульность клише) или с приоритетом говорящей личности (политический идиолект с максимальной ориентированностью на формульность клише). Иначе говоря, возможно преобладание человека в языке или же языка в человеке. Но обе эти возможности противопоставлены "верbalному нулю" в вербальном ритуале (умолчанию).

Описание интересующего нас типа дискурса основано на материалах "Поучения" Владимира Мономаха (XII в.), переписке Ивана Грозного (XYI в.), советском фольклоре и российском политическом фольклоре 90-х годов.

Базилевский, Андрей

Bazilievska, Andrei

Academia de Ciencias de Rusia, Moscú

Federación Rusa

СЮРРЕАЛИЗМ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сюрреализм - и конкретно-исторический термин, и типологическая переменная. Как программно оформленное течение авангарда сюрреализм в польской литературе отсутствовал. В то же время направление, аналогичное сюрреализму, существует в ней непрерывно, весь XX век. "Крипто-сюрреализм" живет здесь преимущественно как поэтика, но и как мировоззрение. Признание роли случайности, понимание искусства как игры-познания, стущение образов в видения- символы, отказ от воссоздания реальности в пользу фантазии, поэтики сна, абсурда, субъективные деформации языка, - все это по существу утвердилось в литературе в целом. Психический автоматизм, ассоциативный гротеск, "дурманящий" сдвиг знаков, ставшие консолидирующими признаками сюрреализма, в Польше явились достоянием многих индивидуальных художественных миров. В высокой степени черты сюрреализма присущи произведениям А.Вата, Ст.И.Витковича, К.И.Галчинского, С.Грабинского, Б.Лесьмяна, Б.Шульца.

СЛАВЯНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА "БАХАЗАР"

Преимущественное внимание коллекция, издаваемая с 1991 г., уделяет литературе гротеска - прежде всего поэзии и драматургии. Публикуются переводы текстов, ранее неизвестных русскому читателю, главным образом - сочинения польских авторов (Ст. И. Витковича, С. Мрожека, С. Мисаковского, Ч. Милоша, Я. Твардовского, Т. Карповича, З. Херберта и др.), а также просветительские альманахи. Коллекция ставит своей целью содействие межславянскому диалогу, обогащение общего культурно-информационного поля.

Bednářková ,Božena

Universidad de Olomouc

Republika Checa

O JEDNOM (NE)VALENČNÍM DATIVU

Předkládaný příspěvek je částí šířejí koncipované práce, jež si chce chce komplexně všímat jazykového jevu v mluvnicích tradičně označovaného jako volný dativ. Sledujíc danešovský třírovinnyj přístup k syntaxi klade si zamýšlená práce za cíl postihnout a osvětlit onen jev na rovině formálně gramatické, sémantické a komunikativně pragmatické. Vzájemné prolínání těchto tří rovin se samozřejmě nevylučuje, spíše se naopak přirozeně předpokládá.

Tzv. volnému dativu je věnována větší či menší pozornost jak v tradičních mluvnicích, tak i v akademické Mluvnici češtiny, jev takto označovaný se stal předmětem zájmu i několika dílčích studií. Náš příspěvek, sleduje volný dativ z hlediska jeho popisu na rovině formálně gramatické,

je současně již delší dobu chystanou reakcí na stati publikované v poslední době. V souvislosti s porůznu publikovanými tvrzeními vzniká, dle našeho názoru, několik otázek a případných pochybností:

- a) Do jaké míry odpovídá koncept dativu vázaného na jiný větný člen (a sémantické omezení na názvy částí těla) proklamovanému pojetí valence?
- b) Jaká jsou kritéria pro hodnocení volného dativu jednou jako dativu posesivního, jindy jako dativu (in)commodi a jaká jsou kritéria pro odlišení jednoho dativu od druhého (respektive jednoho významu od druhého)?
- c) I v případě, že by se taková kritéria našla, je vůbec možné použít je k hodnocení případné (ne)valenčnosti doplnění slovesa?
- d) Může zúžení sémantického okruhu použitelných výrazů pro lexikální obsazení role posesa být inkorporováno do hodnocení (a)gramatičnosti vět a (ne)valenčnosti dativního doplnění?

Naše úvahy o tzv. volném dativu nejsou završeny jednoznačnými odpověďmi. Je-li východiskem učení o valenci v nejnovější, reprezentativní syntaxi češtiny (tj. v Mluvnici češtiny III, 1988), otevírají se spíše otázky nové. Valence je záležitost formálně gramatické roviny, ale vychází přitom ze sémantiky slovesa (bezpochyby pokud jde o valenci pravou). Věty typu Pohladil jí ruku se vskutku jeví jako neúplné, alespoň z hlediska úplnosti strukturní, gramatické. I tento dílčí příspěvek, doplněný o konfrontační hledisko česko-anglické, tak ukazuje, že otázky slovesné valence a intence nemohou být považovány za uzavřené.

*Бижева, З. Х.
Bizheva, Z. J.
Universidad de Kabardino-Balkaria, Nalchik
Federación Rusa*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ РЕМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В иерархической системе аспектов предложения коммуникативный аспект занимает особое место, так как потребности коммуникации обуславливают семантику предложения и его структурную организацию. Тема-рематическое членение предложения и его отсутствие влияют на выбор структурной схемы и характер ее реализации.

Исследование неполных и односоставных предложений, присоединительных и вставных конструкций и обособленных членов предложения с точки зрения коммуникативного синтаксиса позволяют заключить, что данные синтаксические единицы, формирование и существование которых связано с потребностью выделить для адресата речи что-то важное, новое в сообщении, относятся к синтаксическим конструкциям, актуализирующими рематический компонент высказывания.

Коммуникативная функция указанных конструкций, заключающаяся в выделении, усилении ремы предложения, определяет и его структуру. Кроме того, специфика актуализации рематического компонента предложения в данных конструкциях обусловлена природой суждений, выражаемых в них.

Неполные и односоставные предложения, присоединительные и вставные конструкции, обособленные члены предложения, представляя собой рематический

компонент высказывания, предназначенный для эксплицитной передачи новой информации, могут содержать в своем составе фрагменты, сообщающие новые сведения имплицитным способом.

Рема высказывания выделяется в перечисленных структурах по-разному. В неполных и односоставных предложениях актуализация ремы выражена в наиболее полной мере. В них сообщается основное содержание высказывания. В присоединительных, вставных и обособленных конструкциях актуализируются рематические компоненты или коммуникативные центры, выражающие сообщение, добавочное к основному содержанию высказывания.

*Bobran, Marian
Escuela Superior de Pedagogía
Rzeszów, Polonia*

SEMANTYKA SKŁADNIOWEGO TRYBU OZNAJMUJĄCEGO JĘZYKA POLSKIEGO I ROSYJSKIEGO

W wystąpieniu zamierzam przedstawić fragment ze swoich badań nad problematyką trybu języka polskiego i rosyjskiego, które w całości opublikowałem w załączonej książce.

Będzie to w miarę wyczerpująca informacja o bezpośredniej zależności między rozwiniętą przez Jakobsona Bühlerowską teorią komunikatywnej funkcji języka i oznajmującego trybu składniowego, jako jednej z form całego paradygmatu.

Z poszczególnych rodzajów komunikatywnej funkcji języka wynika binarny układ struktury każdego poprawnie zbudowanego wypowiedzenia w ten sposób, że przekazywane przez nie treści (dictum) są zintegrowane z funkcją poznawczą języka, wartość zaś modalna wypowiedzenia (modus) pozostaje w ścisłym związku z funkcją ekspresywną i impresywną. Następstwem tej zależności jest podział wszystkich trybów składniowych wypowiedzenia na dwie podstawowe klasy: 1. tryb realny (indicativus) powiązany z funkcją poznawczą; 2. Tryby irrealne (modus irrealis), powiązane a funkcją ekspresywną i impresywną. Tryb oznajmujący, służący głównie do przekazywania informacji, może być także nacechowany ekspresyjnie i modalnie.

Ten właśnie problem odpowiednio uporządkowany i zilustrowany materiałem faktograficznym w jakimś sensownym skrócie (limit czasu 15 minut) zamierzam przedstawić w ewentualnym swoim wystąpieniu.

Böcker, E.

*Universidad Católica de Lovaina
Bélgica*

**ОТКУДА И КУДА? ПЕШКОМ ИЛИ НЕТ?
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ПРЕПОДАВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ.**

В преподавании русского языка как иностранного большое место отводится глаголам движения, о которых в данный момент существует уже много литературы. Несмотря на это, в учебниках удивительно мало внимания уделяется практике этого явления. Имеется в виду не только малочисленность упражнений, но также и их содержание: часто сомнительные или трудные случаи не рассматриваются вовсе.

То, что больше всего смущает иностранных студентов, это сравнение глаголов движения с глаголами совершенного и несовершенного видов. Часто они ошибочно предполагают, что определенные глаголы движения соответствуют глаголам совершенного вида, и это предположение вызывает много ошибочных употреблений.

В данном докладе я собираюсь, пользуясь ошибками студентов, доказать, что классический прием объяснения глаголов движения часто ведет к неправильному употреблению этих глаголов, и во многих случаях, даже к избежанию этого употребления.

Боева, Людмила

Boeva, Liudmila

Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"

Bulgaria

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО "НИЗШЕГО" БАРРОКО

В сложном комплексе проблем, связанных с теорией барокко, менее разработанными являются вопросы о так называемом "низшем" барокко в славянских литературах. На Западе "низшее" или, как его иногда определяют, "бюргерское" барокко более ясно очерчено, все равно речь идет о чешском, польском, украинском или испанском барокко "эпохи Гонгоры и Кеведо".

Русское барокко включает в себя два этапа: конец XVII - "аристократическое барокко" Симеона Полоцкого и его кружка и начало XVIII века - петровскую эпоху, творчество Феофана Прокоповича, Дмитрия Ростовского, Стефана Яворского. К "низшему" барокко известный исследователь А. Морозов предлагает отнести старообрядческую литературу, произведения Аввакума, стихотворцев Выговской школы.

В болгарской литературе барокко представлено в основном литературой католической эмиграции, это высокое, "ученое" барокко. К "низшему" барокко можно отнести представителей "павликянской" общности. Резко отличающиеся идеологически, противостоящие друг другу как сакральные модели, произведения русских и болгарских барочных авторов используют ту же знаковую систему, сходные структуры, рассчитанные на то, чтобы изумить, поразить читателя. Красочные, живописные формы изображения,

страстная трагичность, причудливое экспериментаторство, поиски нового на грани между различными видами искусств характеризуют и восточнославянских, и южнославянских мастеров как высокого, так и "низшего" бароко.

Бойко, В. Г.

Boiko, V. G.

Universidad Estatal de Moscú

Federación Rusa

КУЛЬТУРНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН БИБЛИИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

В славянском языкоznании имя Ф.Скорины традиционно связывается с возникновением восточнославянского книгопечатания. Доктор свободных наук и медицины внес огромный вклад в историю славянской духовной культуры, сделав перевод 22 книг Библии.

В то же время собственно в истории русского литературного языка Скорина занимает периферийное положение, потому что его чисто лингвистическая практика никогда не ставилась так высоко, как просветительская и общекультурная деятельность, и до сих пор не получила однозначной оценки.

Вопрос о языке "Библии русской" Скорины (БС) решался еще с половины прошлого столетия и решается до сих пор по-разному в зависимости от того, какие признаки при этом являются дифференциальными, и элементы какого языкового уровня кладутся в основу анализа. В результате суть многих исследований сводилась лишь к констатации полиязыкового хаоса в тексте, смешения в нем элементов восточнославянских (русского и белорусского) и западнославянских (чешского и польского) с определенным ц-сл. влиянием.

Эта характеристика отражает объективную реальность текста БС, изначально представляющего собой совершенно индивидуальное и искусственно образование без каких-л. внутренних законов, не совпадающие ни с одним из живых восточнославянских или западнославянских языков и не имеющие аналогов среди других современных ему письменных текстов.

С нашей точки зрения, проблема заключается прежде всего в неадекватном восприятии этой "реальности" в совершенно определенных условиях возникновения данного текста и его бытования, с одной стороны, и в условиях довольно значительного временного и качественного отстранения от реалий соответствующей культурно-языковой ситуации, с другой стороны. Осмысление этой реальности и с точки зрения современного языкового сознания может быть принципиально различным в зависимости от набора разных критериев определения типологии языка письменного текста.

Феномен языка БС до настоящего времени остается непонятным прежде всего потому, что именно в лингвистических работах о Скорине более всего ощущимо некоторое абстрагирование от реалий соответствующей культурно-языковой ситуации, а именно ситуации межславянского пограничья, испытавшего на себе не только влияние ц-сл. традиции, идущей из Московской Руси, но и одновременное воздействие традиции западнославянской и вообще европейской.

Сознательный или случайный выбор Скориной чешского текста для перевода Библии не был предметом внимания, так же как и не учитывалось то обстоятельство, что в БС нет ни одного упоминания о том, с какого языка "выложена" на "русский" Библия, хотя ссылки на древнегреческий, древнееврейский и латынь, а равно и сведения о личности самого переводчика очень частотны.

Лингвистический анализ текста БС дает основания утверждать, что БС - переходное явление между лингвистической адаптацией и переводом в собственном смысле слова, своего рода "адаптированный перевод", сущность которого заключается в максимальном системном выражении грамматической семантики языка-источника.

При тождестве этой семантики с восточнославянской она передается средствами ц-сл. или русского языков. Эти отношения составляют ядро механизма порождения текста.

Такая адаптация находится в тесной связи с идеей языковой гомогенности славян в 14-16 вв., характерной прежде всего для ареала *Slavia Latina*, согласно которой все славянские локальные языки и диалекты осмысливались как варианты одного и того же "славянского" языка. Распространение этой идеи в пограничном ареале *Slavia Latina/Slavia Orthodoxa* было сопряжено и с соответствующим характером лингвистической практики.

Для характеристики языка БС релевантной является позитивная позиция по отношению к древнечешскому языку, возможная и естественная как для самого переводчика, так и для восприятия этого текста в соответствующих условиях.

Бондарко, А. В.

Bondarko, A. V.

Instituto de Estudios Tipológicos

Academia de Ciencias de Rusia, Moscú

Federación Rusa

ИДЕИ Р. О. ЯКОБСОНА И ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Освещение в трудах Р.О.Якобсона проблемы инвариантности /вариативности и связанной с ней проблемы эквивалентности при существовании различий - одно из наиболее значительных достижений системно-функционального направления в лингвистике XX в. Теория Р.О.Якобсона дает ключ к познанию важнейших аспектов соотношения универсальных смыслов и языковых значений, заключающихся в себе идеоэтнические элементы. Эта теория оказала значительное влияние на дальнейшие исследования.

2. В докладе раскрывается принцип множественности способов существования системных значений грамматических форм и множественности возможных типов их взаимодействия с лексической, синтаксической и контекстуальной средой.

3. Могут быть выделены два типа инвариантности: 1) абсолютная инвариантность общих значений; 2) относительная инвариантность основных значений, не распространяющаяся на периферийные употребления. Если инвариантность общих значений (та, которую имел в виду Р.О.Якобсон) является прототипической, то инвариат-

ность основных значений, будучи ограниченной, относится к окружению прототипа.

Чернокожев, Николай

Chernokozhev, Nikolai

Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"

Bulgaria

БАЛКАНСКИТЕ ОБЩУВАНИЯ С ЕВРОПА ПРЕЗ XIX В. - РАВНИЦА, МЕДИАТОРИ, ЦИВИЛИЗОВАНЕ ИЛИ КОЛОНИЗИРАНЕ

Отделните балкански народи през XIX в. общуват с Европа с различна интензивност. В резултат едни балкански култури ретранслират европейското - като идеи, образи и предметност - в други балкански култури. Медиаторите, в определени случаи, обслужват свои цели, легитимирайки се чрез етикетите на Европа и европейското поражда показателни културни жестове и реагирания и предопределя особеностите на културните контакти на равницето на ежедневността, провокира негативи нагласи. Подобна ситуация поставя под въпрос смисъла, а и възможността на културата-посредник.

Чонгарова, Ирина

Chongarova, Irina

Universidad de Plovdiv

Bulgaria

ВОСПРИЯТИЕ "ЧУЖОГО" СЛАВЯНАМИ ПО ДАННЫМ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

"When two cultures come together,
several cultures collide" S. Tella

При встрече двух языков (в нашем случае русского и болгарского) и двух культур (соответственно русской и болгарской) возникает интересная проблема "третьих" культур (например, армянской, еврейской, цыганской), которые определенным образом присутствуют в первых двух, но воспринимаются по-разному носителями русского и болгарского языков.

Различия в способе восприятия действительности отражаются как в языке, так и в специфических нормах поведения. Раскрытие зависимости между языковыми и социальными явлениями может являться предметом комплексного социолингвистического анализа. Однако даже ограничивая материал исследования данными славянских одноязычных и двуязычных словарей, можно сделать интересные выводы о восприятии "чужого" славянами.

Конкретным поводом для написания работы послужил наш опыт включить в круг тем, преподаваемых болгарским студентам, изучающим русский язык, информацию о таком актуальном для русской и болгарской социокультурной ситуации феномене как цыганская культура.

Присутствие цыганского этноса в русском и болгарском языках исследуется на базе данных русских и болгарских словарей. Исследуемые словари позволяют провести интересные наблюдения над сходствами и различиями в восприятии цыган носителями русского и болгарского языков. В докладе приводится также материал двухязычных польско-русских, чешско-русских словарей.

Čmejrková, Svetla

*Academia de Ciencias de la República Checa, Praga
República Checa*

WHO IS YOU? SECOND PERSON SINGULAR AS A MEANS OF REPRESENTATION IN RUSSIAN AND CZECH LITERARY TEXTS (A CONTRASTIVE VIEW)

In a dialogue, it is not always easy to establish who is meant by the speaker's *you*. You may include the interlocutor, the speaker himself/herself, and other people as well. In a narrative type of speech, the patterns based on the second person singular are even less transparent. The usage of *you* is typical of the contexts in which the author puts forward various kinds of possible situations: the situations of the past he/she recalls in his mind, the situations of the future he anticipates, those he knows or those he fancies and introduces into the scene. The meaning of the second person vacillating between the addressee and the speaker and representing any imaginable person is as ambiguous as the meaning of the tense form depicting the events. The events are portrayed and projected onto an imaginary time axis that the addressee is supposed to follow. They are usually characterized by the feature of illusiveness: the key signature "imagine that..., suppose that..." is either hidden in the subtext or overtly expressed in the text. The projection of an event, whether past and real, or hypothetical and even fictitious, is a characteristic feature of the genre of " очерк" in Russian, built in a specific modal, personal, temporal and spatial key, as well as of other genres of Russian Literature.

There is an effort on the part of Czech translators to avoid this linguistic structure that is considered to be culture bound. They prefer 1) impersonal patterns, 2) constructions with the third person, 3) patterns containing the word *Člověk* in a pronominal function, 4) the first person plural, or, sometimes, the second person plural, that is not so intimate as the second person singular in Czech. Czech preferences will be compared to those of English.

Михеич за день не успокоился: где теперь, в войну, возьмешь такой топор? Никакого *не возьмешь*, а этот был словно игрушечка... (Распутин 1980:7). Děda Michějíč se sa celý den nedokázal uklidnit. Kde vezme dneska za války takovou sekuru. K sehnání není žádná, a tahle byla jako na míru... (Czech translation 1978).

Не оборотень ли это с ней был? В темноте разве *разберешь*? А они, говорят, могут так прикинуться, что и среди бела дня *не отличишь* от настоящего... (Распутин 1980:20). Nebyla s vlkodlakem? Copak se to po tmě pozná? Dovedou se prý tak proměnit, že je člověk ani v pravé poledne nepozná... (Czech translation 1978).

*Collado Cañas, MªJosé
García Fernández, Francisco
Universidad de Granada*

EL LENGUAJE DEPORTIVO Y SU UTILIZACION EN EL RUSO MODERNO

Los contenidos fundamentales del presente trabajo, en el ámbito teórico, consisten en una introducción general a la lengua rusa deportiva y una descripción de sus peculiaridades morfosintácticas. Se pretende profundizar en la terminología del ruso deportivo mediante la descripción, análisis y estudio de textos rusos, así como la comparación con otros materiales afines en español.

Para ello nos atendremos al siguiente desarrollo:

- 1.- El lenguaje deportivo. Introducción.
- 2.- Características del lenguaje deportivo.
- 3.- Creación de la terminología deportiva.
- 4.- Cómo se forman actualmente los términos deportivos.
- 5.- Fórmulas fraseológicas y léxicas.

*Czasak, Adam
Cracovia
Polonia*

ZINAIDA AND THE GIPSY: THE BODY LANGUAGE OF LOVE IN IVAN TURGENEV AND D. H. LAWRENCE

The title of the paper refers to "First Love" (Первая любовь) by Ivan Turgenev and "The Virgin and the Gipsy" by the English author D. H. Lawrence. The paper concentrates on a comparison of social-interaction (body language) in Russian and English Literature as presented by the two above-mentioned authors. The following are considered: flirtation, deceit, openness, rejection, indecision. Turgenev's use of language and nature, and its relevance in the context of non verbal communication, also play an important role in the paper. Aspects of innocence (The Virgin, first love) and maturity (Zinaida, the Gipsy), and the way they are portrayed from an interpersonal point of view are also considered in the paper. The paper is part of a larger project on aspects of body language in Eastern European and international literature.

*Da Conceição Glória, Amália Maria
Universidad de Granada*

NOTAS SOBRE EL ARTÍCULO DE N. G. CHERNYSHEVSKI *CARTAS SIN DIRECCIÓN*

Chernyshevski escribió y redactó "Cartas sin dirección" entre el 5 hasta el 16 de febrero de 1862 con la intención de publicarlas en "El Contemporáneo", pero sus expectativas se vieron abortadas. "Cartas sin dirección" fueron publicadas por primera vez en Alemania (Zurique) solamente en 1874. Una tan cruel actitud por parte de la censura zarista es perfectamente comprensible. Chernyshevski se había convertido en enemigo del gobierno, en una figura amenazadora y peligrosa para los fundamentos sociales. En los materiales del informe "Sobre la dirección y contenido de las principales publicaciones periódicas de 1863" se escribía sobre la actividad de Chernyshevski que "El Contemporáneo" (bajo la dirección de Chernyshevski) en la sección de artículos serios había empezado a caer en una serie de utopías, la sección de crónicas actuales y política se encontraba llena de artículos de inclinación y características diletantes, en la sección de literatura ligera y bromista su actitud era frívola y cínica en relación a todos los aspectos del tejido social. Esta inclinación de "El Contemporáneo" de 1862, bajo la dirección de Chernyshevski en cooperación con N. A. Dobroliubov y otros publicistas, alcanzó tales niveles que la revista "El Contemporáneo" fue cerrada por disposición del gobierno durante ocho meses.

En 1859 la contundente y negativa actitud por parte del poder en relación a la obra del publicista radical afectó a todos los aspectos de su vida profesional. Como prueba de ello tenemos la irritación incontenta, con que fue acogido su artículo "Sobre las nuevas condiciones de la vida agrícola" por los círculos gubernamentales. Aunque este incluía la segunda parte del artículo de "Notas" de autoría de K. D. Kavelin, publicista e historiador liberal muy respetado, la actitud e intención del autor de "Eslavófilos y la comuna" no pasó desapercibida a sus oponentes políticos.

"Cartas sin dirección" es un juicio contundente y último del Chernyshevski demócrata, en la medida en que sin el compromiso de todas las clases y grupos sociales era imposible salir de tan complicada encrucijada histórica y a la vez tan crucial para el futuro de Rusia. Además en esta obra indudablemente se reflejaron las búsquedas éticas del demócrata, creyente en que "el hombre es completamente libre".

*Daneš, František
Academia de Ciencias de la República Checa, Praga
República Checa*

THE PRESENT-DAY SITUATION OF CZECH

1. *The linguistic situation of a language* comprises several different components, has a dynamic nature, and is not detached, being embedded in the global situation of a wider geographic and cultural sphere. One of the most relevant features of our epoch is a highly vivid

social mobility, bringing forth broad contacts between cultures, languages or their varieties. Linguistic differences tend to levelling, and mixing of languages or of their varieties brings instability and variation into their structures

2. *The situation of Standard Czech.* The traditional historical and nationalistic attitudes are receding from the foreground and the whole attitudinal system as well as the respective value hierarchy is in a process of reconstruction, and the awareness of norms diminishes. The following three main motive powers of the movement in the Standard may be recognized: 1. The specific Czech diglossia (Standard vs. substandard Common Czech). 2. A continuous process of further detailed functional (stylistic) differentiation ("languages for special purposes"). 3. The massive impact of foreign languages, esp. of English (as language for a wider communication). Consequently, Standard Czech acquires some new dimensions and partly assumes a new character. It gets "decentralized", its boundaries become blurred and its structure less compact.

3. *The situation of languages of smaller nations* in unifying Europe prompts several problems: One Lingua Franca for Europe and the world vs. mothertongues of individual nations. English as a sole language of science? How far are endangered smaller languages, whose cultural values are indisputable? A possible solution: multicultural and multilingual Europe with one (or a few) Lingua (s) Franca (s) in a functional complementarity - a grandios vision with rather complicated ways to its realization.

Denchewa, Dilyana
Universidad de Plovdiv
Bulgaria

POLISH PRACTICAL GRAMMAR FOR BULGARIAN SLAVONIC PHILOLOGY STUDENT

The aim of the study is to describe teaching process to the Bulgarian students of Polish philology, to discuss mastering the Polish Practical Grammar, methods, difficulties which arise during the teaching process and the ways to overcome them.

The basic questions which Polish teacher has to solve before he starts the teaching process are:

1. What a level of knowledge in the field of practical Polish Grammar should be achieved.
2. Which grammatical categories, rules and phonetical characteristics provoke the greatest difficulties.
3. In which field the fact that the students' native language is a Slavic one is a factor, helping better acquiring and recalling the subject.

The stages, introducing grammatical rules, concerning mastering of the case and verbal systems are described in the study. The author emphasizes where exactly the greatest difficulties arise. The study is an attempt to explain these difficulties on the base of comparative analysis of grammatical means of expression in both languages.

For example the use of the -Instrumental expressing the direct object- instrument of an action is more easily acquired by students, learning Russian, than by students, who don't have

such knowledge.

Piszę ołówkiem. Jadę autobusem.
Пишу карандашом. Еду автобусом.

Forms of the Instrumental when expressing adverbial of time are easily understood by all Bulgarian students and it could be explained with the fact that in Bulgarian language the forms of the Instrumental of the same use are still alive.

Pracuję nocą i dniem.
Работая денем и нощем.

The principles to introduce conjugations according to the difficulties are discussed. These principles are current for introducing the separate types of verbs belonging to each conjugation.

For example: First conjugation verbs of the type kupowac, porownywac, dawac (with suffixes -iwa, -ywa, -owa, -wa) are more easily acquired than the verbs of the type brac, prac and drzec. This fact determines their stage of introducing.

A special attention to the grammatical category of verbal aspect existing in both languages is paid. One of the important methodological problems, concerning grammatical category of aspects is the question when exactly it should be introduced. The practice shows that it is extremely important to introduce the verbs in pairs since the beginning of teaching. It is conducted that discussing this matter and doing exercises should come after learning the forms of the present and past tenses and before introducing the future simple tense. The opposition perfective -imperfective aspect can be illustrated very successfully by applying exercises based on the contrast of the verb tenses.

*Dotchenko, Natalia
Academia de Ciencias de Rusia, Moscú
Federación Rusa*

TRANSFORMACION DEL CODIGO RELIGIOSO DE LAS LITERATURAS ESLAVAS ORTODOXAS EN LOS SIGLOS XVII-XVIII.

В докладе предпринимается попытка проанализировать основные составляющие религиозно-эстетического кода литератур Slavia Orthodoxa в эпоху их перехода от Средневековья к Новому времени. Генетически близкие в своих источках литературы Болгарии, Сербии и России пришли на порог Нового времени сильно разобщенными, что и определило их судьбу в последующие века. В каждой из литератур своеобразный синтез традиционного и нового был обусловлен, с одной стороны, исторически сложившимися контактами с европейским миром, а с другой стороны, - внутренним процессом трансформации христианских воззрений на мир, человека и слово.

Византийский исихазм как наиболее полное выражение православного вероучения дает новые аспекты для типологических сопоставлений южнославянских и русской литературы переходной эпохи XVII-XVIII веков.

Фадеева, И.Е

Fadeeva, I. E.

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Syktyvkar)

Federación Rusa

ЭСТЕТИКА СИМВОЛИЗМА И РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ (ВЛ. ЭРН И А. БЕЛЫЙ)

Одним из интереснейших русских мыслителей начала XX века является Вл.Эрн, философские, религиозные и культурологические взгляды которого представляются особенно значимыми в свете эстетической теории символизма.

Философ неословянофильской ориентации, Вл.Эрн обращается к истокам русской культуры, видя их в антично-византийской православной традиции, противопоставляя, однако, не "Восток-Запад", а два познавательные начала, обозначенные им как "Рацио" и "Логос".

"Восточнохристианский логизм" (Эрн), то есть обращение к Слову-Логосу, постижимому внерациональным путем, находит свое полное воплощение в символе. Апофатизм византийского богословия и философия символа автора Арсопагитик и Григория Сковороды- один из источников эстетики символизма, как впрочем, и его парадоксов и антиномий.

Однако литературно-эстетическая теория символизма имела еще один источник - неокантианские идеи, проводником которых был в первые десятилетия XX века журнал "Логос"(название, вызывавшее столь бурный протест Вл.Эрна). А.Белый, называвший символовистов "детьми кенигсбергского философа" , стоит, на наш взгляд, на стыке этих противоположных, но парадоксальных соединенных теоретических концепций.

Хотя, по мысли Эрна, в символике "неискаженно живет" "цельность и многозначность живого опыта", он (символ) обретает завершенность и законченность в структуре художественного целого, и это отличает его от вечной незавершенности христианского подвига и Богопознания. Символ как элемент художественной культуры тем самым приобретает условность и завершенность, не присущие реальной жизни. Антиномия жизни и культуры, заключенная в самой структуре символа, оборачивается трагизмом и катастрофичностью духовного опыта творческой личности (достаточно вспомнить мечты о "теургии" А.Белого).

Эстетическая теория символизма оказывается "серьезнее и философичнее" его практики, в которой всегда есть тяготение к некоторому аллегоризму, за исключением, безусловно, двух абсолютных гениев - Блока и Врубеля (показательно, что само разграничение символа и аллегории было не актуально для Филона или Псевдо-Дионисия).

Таким образом, русский символизм представляет собой явление парадоксальное,

антиномичное, а потому глубоко трагическое в своей основе, глубоко укорененное в духовных противоречиях современной ему русской культуры.

Fałowski, Adam
Cracovia
Polonia

ZNACZENIE DWUJĘZYCZNYCH ROZMÓWEK I SŁOWNICZKÓW Z XVI W. DLA ROSYJSKIEJ LEKSYKOLOGII HISTORYCZNEJ

Bazę materiałową stanowią trzy zabytki. a) *Ein Rush Boeck... - Ein Russich-Deutsches anonymes Wörter - und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert* (hrg. von A. Fałowski, Böhlau Verlag 1994), b) *Ein Russisch Buch by Thomas Schroue. The 16th-century Russian-German dictionary and phrase-book* (ed. by A. Fałowski and W. Witkowski, Universitas Cracow 1992), c) *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607* (ed. L.L. Hammerich and Roman Jakobson, vol. II, Copenhagen 1970).

Wszystkie Trzy zabytki pochodzą z terenu Pskowa. Zostały napisane przez Niemców i przeznaczone do nauki języka rosyjskiego. Wstępne badania porównawcze wykazały, że wywodzą się one z jakiegoś, bliżej nieznanego nam, prototypu, pochodzącego zapewne jeszcze z wieku XV. Obok słownictwa ogólnoruskiego XVI w. zawierają one także bardzo interesujące wyrazy o zasięgu regionalnym i dialektałowym, północno-zachodniorosyjskim. Znaczna część tych leksemów nie ma poświadczania, ani w dawnych źródłach pisanych, ani też we współczesnych gwarach rosyjskich. Niektóre a nich mogą być traktowane tylko jako hipotetyczne.

W referacie staram się przedstawić listę tego typu wyrazów, ustalić ich semantykę, etymologię oraz - co jest szczególnie interesujące - odniesienia do kultury materialnej i duchowej Rosjan badanego okresu. Osobną uwagę poświęcam grupie leksykalnej o pochodzeniu zachodnioeuropejskim i zachodniosłowiańskim. Akcentem "hiszpąńskim" mojego referatu jest analiza budowy słowotwórczej i genezy przymiotników pochodnych od nazwy "Hiszpania", które w analizowanych zabytkach występują jako *schpanylscko* (*Soloto*), *spanszkaia* (*soll*).

Габуниа, Зинаида

Gabunia, Zinaida

Universidad de Kabardino-Balkaria, Nalchik

Federación Rusa

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

1. Исследование широкого круга проблем, связанных с зарождением и развитием кавказоведения, уходит корнями в лингвистические традиции русского языкоznания, в которых выявляется непрерывность и преемственность в их деятельности. Заложив основы разностороннего изучения кавказских языков, русское языкоznание по существу дало начало новой отрасли науки - кавказоведению, получившему широкое признание во всем лингвистическом мире. К сожалению, в работах по истории языкоznания в хронологии идей, оказавших значительное влияние на развитие отдельных направлений в общем языкоznании, стоявших у истоков современной типологической лингвистики, теории фонем, синтаксической структуры эргативности, это несправедливо не упоминается. Многие кавказские языки получили первое научно-теоретическое описание благодаря русскому кавказоведению. Это служит подтверждением того факта, что исследования русской школы кавказоведения образуют ту начальную базу, на которой в дальнейшем возникли и развиваются национальные (местные) школы кавказоведения.

2. В настоящее время лингвистические традиции русской школы кавказоведения характеризуются многообразием форм, получивших разношаровое развитие. Наблюдения над кавказским ареалом стали по справедливости отправной точкой для создания ареальной лингвистики. Русское кавказоведение первым признало и реализовало в практике принципы комплексного подхода к изучению языка, объединяющего историко-генетический, ареально-исторический и типологический аспекты. Общелингвистические идеи русской школы кавказоведения сегодня вновь приобретают актуальность в связи с появлением научных направлений, по-новому осмысливающих лингвистические проблемы, пути решения которых были уже намечены в русской школе кавказоведения.. Это относится, например, к понятию языкового союза и к новому подходу генеалогической и типологической классификации, к проблемам социолингвистики, этнолингвистики, и являются созвучными тем направлениям, которые сложились в современной теоретической лингвистике в целом и во многом предвосхитили будущее развитие лингвистической мысли третьего тысячелетия.

Ганапольская, Е. В.
Ganapolskaiia, E. V.
San Petersburgo
Federación Rusa

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СИНХРОННОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Общеизвестно, что фразеологические единицы (ФЕ) являются наиболее сложными при толковании в иностранной аудитории ибо их значение является комплексным и имплицитно содержит в себе этапы "жизни" оборота в языке. Образовавшаяся в свое время в результате семантического стяжения более развернутого контекста, либо на основании дополнительных языковых смыслов, привнесенных лексемами-компонентами ФЕ, эта многослойность значения эксплицируется в контексте.

Анализ контекстов показывает, что хотя нередко их "тема" внешне не связана с современным значением ФЕ при привлечении текстов пословиц и рассмотрении их как минимальных контекстов функционирования ФЕ выясняется, что во многих случаях тема пословиц и свободных контекстов, содержащих соответствующий оборот, совпадает. Отсюда можно предположить, что изучение современных контекстов употребления ФЕ, а также лексем-компонентов ФЕ вне ее состава может служить ориентацией при диахроническом анализе фразеологизмов и уточнении их семантики. Идиому при этом имеет смысл рассматривать как единицу некоего семантического поля в ряду обо-ротов аналогичной семантики, т.к. многие ассоциативные значения компонентов ФЕ, а следовательно, и семантики всего фразеологизма преобращаются ими в результате функционирования фразеологизма как единицы поля.

С применением описанной методики нами были проанализированы ФЕ и пословицы семантического поля "Труд" в русском языке и выдвинуты предположения относительно происхождения ряда ФЕ этого поля. Так, например, ФЕ "как в кotle кипеть (вариться)" со значением "быть в постоянных утомительных хлопотах" в современном языке образно ассоциируется прежде всего с процессом приготовления пищи. Однако изучение литературных источников подтверждает отмеченную в современных и пословичных контекстах первоначальную связь этой идиомы с религиозной тематикой и понятиями "жизнь/смерть". Оборот аналогичной образности (клокотахо яко в кotle) встречается уже в сочинениях 11-12 века, а именно, в книге пророка Амоса (рукопись Упыря Лихого), легшей в основу первой русской Библии, а также славянском переводе греческого апокрифа "Хождение богородицы по мукам" (по списку Троице-Сергиевской лавры). При этом на первом плане оказываются две основные семы современного значения этой ФЕ: а) "постоянный" - оборот используется для характеристики мук отступников от Христа и христианства, не заслуживающих прощения; б) связь с полем труда - проводится мысль, что воздастся каждому на том свете по грехам его и по трудам его.

Gogolewski, Stanisław

ZJAWISKA INTERFERENCJI JĘZYKOWEJ W NAJNOWSZEJ POLSZCZYŹNIE

W ewolucji języków narodowych istnieje ściśle powiązanie między kształtem struktury językowej i słownictwa a wydarzeniami historycznymi. Zdarzają się momenty przełomowe i taki właśnie następuje w Polsce w r. 1989 po załamaniu się komunizmu. Stabną kontakty ze wschodem, powszechnie głosi się hasło "otwarcia na Europę" i świat zachodni. Liberalizacja handlu powoduje masowy napływ produktów zagranicznych i nie znanych dotąd nazw, zapożyczonych na ogół z angielskiego. Następuje szybki rozwój terminologii ekonomicznej związanej a gospodarką rynkową, upowszechnia się szereg terminów politycznych. Niezależnie od zmian społecznych rozwija się i doskonali technika, zwłaszcza komputerowa, co także sprzyja zapożyczeniom. Powstają nowe związki frazeologiczne, upowszechnia się użycie wybranych formantów. Wymienione zjawiska językowe powodują m.in. problemy normatywne, pojawiają się wahania w wytyczeniu rozsądnej granicy między bezpieczeństwem nacjonalistycznego puryzmu z jednej i zalewu kosmopolitycznej tandety z drugiej strony.

Niniejszy referat będzie próbą interpretacji tych kontrowersyjnych zjawisk.

Guillén Monje, Gonzalo
Universidad de Granada

COMPARACIÓN POEMAS RUSOS DE LA SEGUNDA GUERRA MUNDIAL Y POEMAS DE LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA

La presente ponencia , tal y como en el título se especifica, trata de equiparar semejanzas y marcar diferencias entre dos hechos que poetas de aquel tiempo e incluso posteriores plasmaron en diversos poemas; estos dos hechos históricos que marcaron el rumbo de vida de dos países bien distintos en cultura y folclore, es decir de España y Rusia, fueron la Gran Guerra Patria en Rusia y la Guerra civil en España, sabemos que son dos guerras de carácter bien distintos no exentos de análisis comparativo, siendo el principal elemento relacional su coincidencia cronológica.

Para realizar el trabajo se han tomado algunos poemas de la Gran Guerra Patria de diversos autores y que aparecen en un libro de poemas ruso titulado: *Любимые русские песни и романсы* de la editorial moscovita "Свет Отечества", en 1994. Los poemas analizados se encuentran en el apartado del libro "Песни о Великой Отечественной Войне" y son los siguientes: "Священная война" de B. Лебедев-Кумач; "Шумел сурохо Брянский лес" de A. Софронов; "На солнечной полянке" de A. Фатьянов; "Катюша" de M. Исаковский; "Вечер на рейде" de A. Чуркин; "Любимый город" de E. Долматовский; "Летят перелетные птицы" de M. Исаковский; "Моя Москва" de M. Лисянский y C. Агранян.

Los poemas españoles para el análisis se han tomado de una de las publicaciones de la Universidad de Granada cuyo compilador fue Miguel D'Ors. Esta publicación tiene el nombre de *Poesía de Guerra y Posguerra* y es un estudio exhaustivo de la obra de Manuel Machado durante los años críticos de la Guerra Civil española, los poemas incluidos en el trabajo tiene

los siguientes títulos: Francisco Franco, ¡España!, Oración a José Antonio, Saludo a Franco, Diálogo entre dos ángeles, que oyeron anunciar a García Morato, a las puertas del cielo, *voyou*, (granuja), ¡Presentes!

Con respecto a los poemas rusos se ha hecho una traducción propia, y a partir de esa traducción se ha llevado a cabo una comparación profusa para determinar los elementos folclóricos que se entrelazan en los poemas, cuales son los que más predominan, el uso del vocabulario bélico en ambos grupos de poemas, el tratamiento del tema del amor, tratamiento de la topografía, esto es, el cariño a lugares típicos que se nombran, comparación de los títulos de los poemas, etc.

Tengo que señalar que el tema a exponer puede ser muy amplio debido a la existencia de una gran cantidad de poemas bélicos por ambas partes, con esta ponencia sólo quiero hacer una aproximación a la riqueza que se puede demostrar al analizar un poema bélico.

Гудков, Д. Б.

Захаренко, И. В.

Gudkov, D. V.

Zajarenko, I. V.

Universidad Estatal de Moscú

Federación Rusa

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Под межпредметной коммуникацией мы понимаем общение представителей разных лингво-культурных сообществ. Для адекватной межкультурной коммуникации оказывается особенно актуальной, помимо лингвистической и коммуникативной, культурная компетенция, т.е. знакомство коммуникантов с когнитивной базой того языка, на котором осуществляется общение. Когнитивная база - это совокупность знаний и представлений, общих для всех говорящих на данном языке. Основными элементами когнитивной базы являются прецедентные феномены: прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное имя и прецедентное высказывание.

2. Наиболее показательным из прецедентных феноменов является прецедентное имя, т.к. (1) оно обладает четко фиксированной формой (лингвистический аспект), (2) за ним стоит ипвариант восприятия "культурного предмета" (когнитивный аспект, (3)) имена хранят в концентрированном виде исторический опыт лингво-культурного сообщества (культурологический аспект). В когнитивную базу входит форма прецедентного имени и вариант его восприятия, что отличает имя прецедентное от непрецедентного.

3. Прецедентным именем мы называем имя, связанное с прецедентным текстом и/или прецедентной ситуацией (Обломов, Иван Суса-нин). Прецедентное имя может быть простым и сложным (последнее состоит из более чем одного компонента, но означает одно понятие, например, Летучий голландец, Мамаево побоище). Прецедентное имя -это своего рода сложный знак, который служит не только для именования конкретного предмета, сколько для "именования" комплекса дифференциальных признаков данного предмета и связанных с ним коннотаций. Иначе

говоря, при употреблении прецедентного имени в речи осуществляется апелляция не непосредственно к денотату, но к набору дифференциальных признаков означаемого. Прецедентное имя хорошо известно любому среднему представителю национально-культурного сообщества, постоянно возобновляется в речи носителей того или иного языка (в нашем случае - русского).

4. Прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию - атрибуты. Дифференциальные признаки означаемого, стоящего за прецедентным именем, могут включать характеристику предмета по чертам характера или внешности (Наполеон, Колобок). С актуализацией дифференциальных признаков означаемого связано его функционирование как символа. В качестве атрибутов означаемого могут выступать, (например, ленинская кепка). В процессе коммуникации апелляция к прецедентному имени может осуществляться через номинацию по атрибуту (усы и трубка как атрибуты Сталина).

5. Таким образом, многоплановость структуры прецедентного имени и наличие инварианта его восприятия обусловливают полифункциональное использование прецедентного имени в коммуникации: (1) для обозначения денотата; (2) в качестве символа прецедентного феномена.

*Guzmán Tirado, Rafael
Universidad de Granada*

LA HUELLA DE BAUDOUIN DE COURTENAY EN LA LINGÜÍSTICA ESPAÑOLA

El presente trabajo supone la continuación de la ponencia presentada en mayo de 1995 en el congreso "Baudouin de Courtenay: herencia teórica y modernidad", organizado por la Universidad de Kazán y dedicado a la obra del lingüista polaco. A lo largo de este año hemos ampliado significativamente el número de trabajos de lingüistas españoles estudiados a fin de profundizar en el conocimiento de la influencia de la teoría de Baudouin en nuestra lingüística. Al mismo tiempo hemos incrementado considerablemente la consulta de los fondos de las bibliotecas españolas con objeto de conocer la accesibilidad de la obra del lingüista polaco a los investigadores españoles. Ambas direcciones de investigación han permitido llegar a conclusiones que pueden contribuir a un mejor conocimiento de la influencia de Baudouin en la lingüística europea y, más concretamente, en la española.

*Hádek, Karel
Universidad de Olomouc
República Checa*

ZDROJE A KOŘENY SLOVANSKÝCH JAZYKŮ

V jednom z článků autorského sborníku Čeština v přítomnosti předkládá Weingart řadu iniciací vzniku toho, co dnes označujeme jako spisovný jazyk. Například liturgické použití komunikativního jazyka, vzhledem k ekonomicko-politickému postavení velkých měst jejich integrující role, exkluzivní vliv panovnických dvorů, kolonizace, literární použití určitého dialektu.

Přimlouvám se za rozlišování jazyka kulturního a jazyka spisovného. Existuje totiž teorie spisovného jazyka, vycházející z úvah členů Pražského lingvistického kroužku, existuje i poněkud vágní pojem jazykové kultury, ale nenacházíme vysvětlení přechodu od komunikativního jazyka k jeho použití jako reprezentanta určitého národního společenství. Přechodné období od běžně mluveného jazykového útvaru ke "spisovnosti" se všemi atributy je vhodné nazvat obdobím kulturního použití daného jazyka, což znamená, že tento jazykový útvar není ještě stabilizován, kodifikován, neplní všechny funkce, které bychom u spisovného jazyka předpokládali, ale má již uplatnění jiné než pouze běžně komunikativní.

Pojmy kulturní a spisovný jazyk souvisejí se situací politickou, ekonomickou, ekonomickou. Není to tedy záležitost vnitřního (strukturního) vývoje jazyka. Tyto teoretické premisy mohou být východiskem pro úvahy další. Totiž kdy, jak a zejména proč určitý jazykový útvar nabývá vyšší funkční kvalitu, projevující se například v jeho stylistické diferenciaci. Jen v názncích tuto ideu aplikuji na jednotlivé slovanské jazyky, protože mi jde především o to, aby se našla báze, na niž by se dějiny jazyka neposuzovaly emocionálně, ale racionálně s možností srovnávacího měřítka. Není nic snazšího než říct, že již ve 12. století existuje spisovná čeština, protože máme doložena slova, a ba i větu, či prohlásit, že čeština je bezprostředním pokračováním staroslověnskiny jako spisovného jazyka Slovanů.

*Hádková, Marie
Universidad de Olomouc
República Checa*

PROBLEMY VÝUKY SLOVANSKÝCH JAZYKŮ JAKO CIZÍHO JAZYKA

Zkušenosti z Letních škol slovanských studií ukazují, že není vhodné volit stejný postup, pokud jde o gramatiku, vůči všem účastníkům kurzu. Podstata problému je v tom, že slovanské jazyky si jsou svou gramatickou strukturou značně podobné (ovšem s výjimkami), ale jsou typologicky odlišné od ostatních jazyků, které jsou bázovými u frekventantů kurzů.

Vyplývá z toho, že příručky k intenzivní výuce jazyka (např. češtiny) by měly být dvojí: pro Slovany a pro Neslovany. V učebnicích pro Slovany není nutné vysvětlovat, že pády se vyjadřují koncovkami, ale stačí uvádět a vysvětlovat diferenční paradigmata; není nutné vysvětlovat podstatu slovesné kategorie vidu, ale stačí zdůrazňovat interference v použití

prefixů.

V učebnicích pro Neslovany je -vzhledem k jejich chápání vyjádření gramatických vztahů - nutné napřed vysvětlit podstatu typologických rozdílů a pak teprve prezentovat paradigmatické modely, napřed vysvětlit podstatu průběhovosti, současnosti, ukončenosti, předčasnosti děje a pak uvést možnosti, jak tyto relace vyjadruje "slovanština" a jak typologicky odlišné jazyky.

Samozřejmě je situace jiná u kurzů pro začátečníky, kteří se učí zvolenému jazyku bez korelací k jazykům jiným, a jiná u pokročilých a pokročilejších. Právě u těch je možné dosáhnout podstatně většího výukového efektu, přihlédneme-li k typologickým rozdílům mateřských i bázových jazyků.

Hirschová, Milada
Universidad de Olomouc
República Checa

ON THE SO CALLED "TOTAL QUALIFIERS" IN CZECH

The paper deals with a group of Czech expressions which we decided to call "total qualifiers". Our inspiration with "total identifiers" of Miroslav Komárek (cf. Komárek, 1979) is conscious and intentional.

I. What we here call total qualifiers (Tqs) are words determining a syntactic adjective or a verb, i.e. syntactic adverbs. The subgroup we are dealing with is traditionally classified as adverbs expressing quantity or extent (from the viewpoint of pure semantics they belong to almost unlimited group of language means expressing quantification on all of the strata of the language system.) Their most prominent feature is that they add a meaning of totality/wholeness/entirety to the basic meaning of a verb or an adjective. E.g. *úplně nové šaty* (*a brand new dress*), *naprosto zničené auto* (*a totally destroyed car*), *zcela nový dům* (*a brand new house*), *veskrze originální idea* (*an absolutely original idea*), *já ho vůbec neznám* (*I do not know him at all*), *on nás dokonale podvedl* (*he cheated on us perfectly*), *tohle já naprosto nechápu* (*I do not understand this at all*), *nic se neboj* (*don't be afraid at all*), etc.

As in the given (Czech!) examples, the TQ is a word expressing totality/wholeness/entirety of a symptom. (In this paper, the term symptom is used in the sense introduced by M. Komárek: nouns are names of substances, verbs and adjectives express the symptoms of substances while adverbs express the symptoms of the symptoms.) A TQ says that the symptom in all similar constructions is valid for the entire noun (entity) to which it is related (as an attribute) or predicated (as a predicate).

II. The list of the Czech TQ is given, with their English and Russian equivalents (as far as they can be found). Many of the TQs are clearly derived from adjectives with a very close or equivalent meaning. The syntactic constructions in which those expressions occur are often in mutual transformational relations: *úplně zničil auto* - *úplně zničení auta* - *úplně zničené auto* (*he destroyed a car totally* - *a total destruction of a car* - *a totally destroyed car*).

III. The central part of the paper deals with the semantic differences amongst the TQs. Some of them are connectible both with the adjectives and the verbs, others can form syntactic constructions only with one of these. Some of the TQs seem to be able to combine only with

the adjectives the meaning of which is generally negative, others do not show any limits of this kind. In many ways, the subgroup of TQs (the relative adjectives were not analyzed in detail) merges both with the identificators because the "qualification" they express is more logical than descriptive (it does not show a quality) and with a group of adjectives playing a similar semantic role. In general, the semantics of all these expressions is more evaluational (axiomatic) than referential.

IV. The final part refers to the given list of Czech TQs and tries to find English and Russian constructions of an equivalent meaning and function.

*Hlavíčková, Vlasta
Escuela Superior de Economía de Praga
República Checa*

EL LENGUAJE ECONÓMICO CHECO: TENDENCIAS Y PROBLEMAS ACTUALES Y SU INTERFERENCIA EN LAS TRADUCCIONES AL ESPAÑOL

El checo para fines específicos ostenta, en la actualidad, ciertas tendencias características, motivadas por la transformación económica y política del país. Los cambios se pueden notar no sólo en el plano léxico, sino también en el sintáctico y estilístico.

En el plano léxico se documentan las dificultades de búsqueda de propia terminología económica checa y la fuerte influencia de anglicismos.

En el plano sintáctico y estilístico se notan tendencias hacia un lenguaje más preciso y conciso, sin embargo, todavía siguen predominando varios rasgos característicos negativos. Son, por ejemplo, vaciedad semántica, redundancia y repetición inútil, encadenación múltiple de grupos nominales, etc.

Los rasgos mencionados influyen, entre otro, también en las traducciones del checo a otros idiomas. En base al análisis contrastivo de textos económicos checos traducidos al español, se documentan las interferencias más frecuentes entre el lenguaje económico checo y español.

*Hita Jiménez, José Antonio
Universidad de Granada*

POBRES GENTES EN LA COMPRENSIÓN DE LA HISTORIADORA LITERARIA RUSA V. E. VETLOVSKAIA

V. E. Vetlovskaia ha dedicado la mayor parte de sus investigaciones al estudio de la obra de F. M. Dostoievski. Su libro sobre la novela *Pobres Gentes* (1988) nos revela aspectos fundamentales de la obra de Dostoievski.

Vetlovskaia se centra en el estudio del plano ideológico del escritor, el cual escribe su primera novela en un momento crucial para el desarrollo del realismo en la literatura rusa. Dostoievski era consciente de la responsabilidad que asumía como continuador de la tradición literaria rusa que contaba con precursores tales como Pushkin y Gógoi.

Vetlovskaia nos describe y argumenta que Dostoievski realizó un tratamiento de los problemas sociales en el contexto del pensamiento europeo de mediados del siglo XIX (fundamentalmente, el socialismo utópico) con una profundidad que no conocía hasta entonces la literatura rusa ni incluso la europea. Dostoievski plantea y resuelve el problema de la desigualdad en un ámbito nuevo para la filosofía y el arte, la esfera de la psicología social. El escritor abogaba por la lucha contra el orden social que permitía o estaba basado en el egoísmo. No fue casual la afiliación del escritor ruso al círculo socialista y revolucionario después de la edición de *Pobres Gentes*. El escritor no sólo aportaba su inmenso talento artístico a la novela, sino que además quería participar directamente y lo antes posible en la transformación de la realidad social.

Vetlovskaia sitúa adecuadamente la mencionada novela en su contexto histórico, demostrando que la importancia y el éxito que se le concedió desde el principio (recordemos de qué forma impresionó la novela al gran crítico de la época Belinski) estaban totalmente justificados. La autora demuestra la maestría del escritor y describe los personajes principales de la novela: Makar Alekseevich y Várvara Alekseevna, recurriendo a un análisis que no se limita a lo formal y abarca aspectos reveladores de la esencia estética de la obra.

Ignaczak, Lidia
Universidad de Łódź
Polonia

MUZYCZNE SPEKTAKLE LEONA SCHILLERA JAKO FORMA POSZUKIWAŃ KSZTAŁTU TEATRU SŁOWIAŃSKIEGO

Planów wydawniczych związanych z *Antologią kolęd polskich* i *Antologią pieśni polskiej* nie udało się Leonowi Schillerowi nigdy zrealizować, ale zbierane przez wiele lat materiały rodzimego folkloru wykorzystał on w swej pracy teatralnej. Upowszechniał pieśni i piosenki w czasie oficjalnych recitali ale co ważniejsze materiałem słowno-muzycznym postugiwał się konstruując quasi-religijne spektakle, w pracach na którymi wyprzedził na wiele lat badania szczegółowe w zakresie historii dramatu i historii muzyki liturgicznej w Polsce. Tę samej proweniencji były widowiska ukazujące świeckie zwyczaje i obyczje ludu polskiego. Typ widowiska słowno-muzycznego - a mieścią się tutaj staropolskie misteria, spektakle przedstawiające ludowe obrzędy wyznaczone rytmem pór roku i kalendarza kościelnego oraz tzw. "obrazki śpiewające" będące panoramicznym przeglądem polskiego pieśniarstwa, wreszcie komedioopery i opery - był według Schillera skarbnicą najcenniejszych, specyficznie słowiańskich form scenicznych, do których nawiązywał bezpośrednio teatr monumentalny. Prace nad widowiskami muzycznymi, należącymi do tzw. Teatru Żywego traktował Schiller jako wstępny etap w konstruowaniu swojej wizji narodowego Teatru Słowiańskiego.

W swych składankowych spektaklach opowiadał Schiller historię bożonarodzeniową (*Pastorałka*), układając ją z XVII-wiecznych chorałów, kolęd XVIII i XIX wieku, dialogów mieszczańskich, XVII/XVIII - wiecznych kantyczek klasztornych, skomplikowanych dialogów szopkowych i parafraszowanych pieśni cerkiewnych; innym razem reżyser przedstawiał misterium wielkanocne, na które złożyły się: *Historia o Chwalebnym zmartwychstaniu pańskim* oraz fragmenty dialogów pasyjnych, XVII-XVIII-XIX - wieczne kościelne pieśni pasyjne; natomiast w "obrazkach śpiewających" Schiller ustawił obok siebie rokokowe berzeretki, śpiewki pijackie, piosenki rzemieślnicze i śpiewy dziadowskie, kuplety operetkowe i piosenki kabaretowe. W budowaniu afabularnych, wielosegmentacyjnych spektakli Schiller przydzielał sobie jedynie rolę kompopzytora, który z gotowych elementów, układając techniką witrażową obrazy sceniczne, snując zawsze tę samą opowieść - o zbiorowym polskim świętowaniu, o wspólnym słowiańskim źródle owego świętowania.

Йонова, Майя

Ionova, Maya

Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"

Bulgaria

СТАРОСЛАВЯНСКИТЕ ПРЕВОДИ НА РОМАНА ЗА АЛЕКСАНДЪР МАКЕДОНСКИ

Гръцкият роман за Александър Македонски показва необикновена адаптивност и виталност - на негова основа възникват около 200 преработки в средновековните литератури и в литературите на новото време. На старобългарски романът е превеждан два пъти през 11. и през 14.-15. в.

Двата превода възхождат към различни редакции на гръцкия роман за Александър. Първият превод се открива само в състава ав староруските исторически сводове - в Елинския и Римския летописец, в Архивия и Вилюнския хронограф. Това са своеобразни исторически сводове, компилативно изложение на всемирната история. Именно с тях се свързва първият превод на Александрията под наименованието "Хронографска Александрия". Разпространението му само в исторически сводове показва, че на него се гледа като на историческо четиво.

Вторият превод, който се появява сред южните славяни през 14.-15. в., се открива и в южнославянски, и в руски преписи в сборници със смесено съдържание и в т. нар. чети-сборници. Той е значително променен в съдържателно отношение, в него доминират темите на късното средновековие - за верните сподвижници на Александър, за "куртоазната любов". Този превод е познат под название "Сръбска Александрия" Разпространението му свидетства за интереса на южните и източните славяни през късното Средневековие към развлекателно-занимателното белетристично четиво. Редакционните помени в него показват, че Александрията вече не се схваща като исторически текст, а по-скоро като берлетристична история на живота и подвизите на Александър.

Двата славянски превода на романа за Александър показват, че в средновековните

литератури на южните и източни славяни съществува интерес към текстове, които не са пряко свързани с богослужебния ритуал, те са свидетелство за по-широките културни интереси на средневековната читателска аудитория.

Истомина, Т.Б.

Istomina, T. V.

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Syktyvkar)

Federación Rusa

ЮРОДСТВО НА РУСИ И ЮРОДИВЫЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Феномен юродства има в русской культуре глубокие корни. Достаточно вспомнить, что из 14 общехристианских святых, прославившихся "подвигом юродства", 10 собственно русских. Большинство святых-юродивых было канонизировано русской церковью в XII-XVI vv., однако и позднее этот процесс не прекращался - достаточно вспомнить Ксению Петербургскую.

Православной этикой "юродство Христа ради" осмыслилось как "самоизвольное мученичество", отличающееся от других форм христианской аскезы тем, что оставаясь "в миру", юродивые фактически отрекались от всего мирского, в том числе и от земного ума, выставляли себя на всеобщее посмеяние, терпели муки и принимали их с радостью, всем поведением своим являя наглядный пример смиренния и кротости.

Помимо такого добровольного юродства на Руси существовало и другое, природное, которое логичнее было бы назвать, безумием, но в народном сознании обе эти формы отречения от земного ума - врожденная болезнь и сознательный христианский подвиг - связывались воедино, наделялись особой харизмой и носители их получали называние "Божьи люди".

Почтание "Божьих людей", уходящее своими корнями в древнюю Русь сохранилось в народной среде и во времена Достоевского. Писатель, отличающийся особой чуткостью к народо-православным идеалам и верованиям, особо выделял любовь простого народа к "смиренным и юродивым", отмечая как неотъемлемую черту народной культуры - веру в то, что "слабый и приниженный, несправедливо и напрасно Христа ради терпящий будет вознесен превыше знатных и сильных, когда раздастся суд и веление Божье" (Запись 1871 г.).

Неудивительно, что все "праведники" Достоевского, будь то Соня Мармеладова или Мария Лебядкина, князь Мышкин или Алеша, старцы Зосима и Тихон несут в себе черты, присущие "юродивым Христа ради". Это, прежде всего, полное отсутствие чувства собственности, будь то даже чувство собственной личности. Смирение и кротость не как осознанная позиция, а как органическое проявление личности. Полное отсутствие боязни быть смешиным, скорее даже потребность в этом. Сердечное "знание Христа" и парадоксальность жизнепроведения, несовместимая со здравым смыслом и требованиями логики.

Подобные сближения свидетельствуют о том, что создавая свой идеал "праведничества", Достоевский сознательно опирался на православные нормы

нравственности, закрепившиеся в собственной культуре.

Хайдаров А.Ф.

Jaidarov, A. F.

Universidad Justus-Liebig, Giessen
Alemania

О ЗНАЧЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРФЕКТА

(1) Традиционная версия истории древнерусского перфекта связывается с постепенной утратой вспомогательного глагола, утратой причастием на *-l* именных свойств и превращением его в универсальную форму прошедшего времени. За исходную форму развития принимается сочетание формальной по своему значению связи и активного причастия прошедшего времени, бессвязочная же форма рассматривается как результат развития связочной. При этом предполагается семантическая идентичность связочных и бессвязочных форм в синхронном плане. Однако отмечавшаяся всеми исследователями регулярность бессвязочных форм уже в древнейших памятниках письменности заставляет, по крайней мере, предположить функциональные различия между обеими формами.

(2) Новый импульс для историко-грамматических исследований могут дать данные индоевропейских реконструкций. Приложение результатов реконструкций к фактам зафиксированной истории языка позволяет по-новому оценить наличный материал и найти в нем то, что ранее не поддавалось непосредственному наблюдению или не замечалось.

(3) В ходе сравнительно-исторических исследований уточнена семантическая характеристика образований на *-l*. Согласно реконструкции Гамкрелидзе-Иванова славянские (а также тохарские, армянские, хетто-лувийские) формы на *-l* переняли функции индоевропейского перфекта, обладавшего семантикой "гипотетичности" и очень рано были включены в глагольную парадигму в результате использования их в именных бессвязочных предложениях, вовлечения последних в круг глагольных и переосмыслиния древних модальных форм как временных. Указанное обстоятельство позволяет говорить о существовании и сформированности уже в исходной системе древнерусского языка (X- XI вв.) бессвязочной глагольной формы на *-l* со свойственным ей набором функций выражения темпоральных и таксисных отношений.

(4) Анализ употребления связи должен проводиться с учетом реконструируемого для индоевропейского *es- значения "иметь существование, быть на самом деле" и реконструируемого для производных от *es- участия в перформативных высказываниях с модусом оценки истинности-ложности.

(5) Анализ употребления связочных и бессвязочных форм древнерусского перфекта показывает, что в синхронном плане оно оказывается связанным с различием ситуаций простой и категорической достоверности, с различием простого и категорического утверждения, а сами формы выступают как формы морфологического и синтаксического индикатива, иначе говоря, связочные и бессвязочные формы функционально различаются и это различие может быть описано

на категориальном уровне.

(6) В связи с этим история древнерусской глагольной системы должна быть дополнена фрагментом, описывающим функциональное различие бессвязочных и связочных форм и вскрывающим причины образования связочных конструкций. Иначе говоря, первым вопросом, на который следует найти ответ, является вопрос о причинах появления связки в структуре глагольного предложения. Установив это, можно будет попытаться дать ответ и на хрестоматийный вопрос о причинах последовавшей затем утраты этой связки.

Jászay, László

Universidad Eötvös Loránd de Budapest

Hungria

ЗАМЕТКИ О ПРОЦЕССНОМ ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Способность глагола выражать процессность действия является органической частью семантики НСВ. Относительно процессуального протекания действия можно разграничивать несколько разновидностей, из которых для анализа мы выделим следующие: выражение

- а) актуального процесса (действие протекает в момент наблюдения);
- б) неактуального процесса (просто процессного действия) без привлечения позиции наблюдателя;
- в) конативно-тендентивного процесса (выражение стремления, попытки сделать что-то).

Цель нашего доклада: показать, что реализация указанных процессуальных функций НСВ (расцениваемых в целом первичными среди остальных функций НСВ) во многих лексических значениях невозможна или, по крайней мере, маловероятна. Возможная актуализация того или иного частновидового значения (и его разновидностей) отнюдь не «обязательная норма» для всей глагольной лексики, и даже наиболее типичное значение НСВ не является исключением. Актуализация процессности действия, подобно другим значениям НСВ, требует также взаимодействия трех факторов: грамматического значения вида, лексического значения глагола и конситуации.

В докладе мы попытаемся сформулировать семантические причины невозможной процессуализации или ограниченной меры ее выражения некоторых имперфективных глаголов. Для этого приводятся типовые примеры, в которых нормативному употреблению противопоставляется невозможное или сомнительное, нежелательное употребление. Ср. глаголы движения противоположного направления (с приставками *при-* и *у-*) в однотипном процессуальном контексте: **В этот момент он уже приходит к нам* при возможности *В этот момент он уже уходит*. Ср. один и тот же глагол движения в прямом и переносном значениях: **Он приближался, приходил медленно* при

возможности *Он медленно приходил в себя*. Ср. один и тот же глагол в несколько модифицированном контексте: **Он сидит и съедает суп* при возможности *Он съедает уже вторую тарелку супа* (пример М. Я. Гловинской).

Изучение глубинной семантики глагола может способствовать решению некоторых нерешенных до сих пор вопросов функционирования вида.

Христова, Искра

Jristova, Iskra

Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"

Bulgaria

РОЛЯТА НА ОТГЛАГОЛНИТЕ ИМЕНА В СТАРИТЕ СЛАВЯНСКИ ЕЗИЦИ

Ако анализираме един старобългарски текст, ще видим, че около 1/3 от глаголите в него са употребени само с нелични форми - с инфинитиви и наймного с причастия. В старобългарски, както и в останалите стари славянски текстове причастията имат почти равна по количество употреба с личните глаголни форми. Вероятно това е най-характерната особеност, която отличава старите славянски езици от съвременните им наследници.

Наред с изключително широката употреба на причастията в старобългарски е много честа употребата и на други имена, образувани от глаголи - отглаголни съществителни и имена за деятели (*nominis agentis*). За старобългарските текстове е характерна употребата на няколко съществителни, образувани от един глагол - старсть, страдъба и страдание, отпуть и отпущение и т.н.

Същевременно в старобългарските текстове е голям броят на глаголите, образувани от имена.

Обобщено, в старобългарските текстове се наблюдават множество глаголи, употребени като имена и имена в служба на глаголи или по-точно, голямо количество употреби на думи, които са между името и глагола.

Тази особеност, която характеризира не само старите славянски езици, но също и други стари езици, като старогръцки и латински, отразява една черта на дълбинната структура на тези езици - стремежа синкретично, с една дума да се изразят субектът и предикатът или предикатът и обектът, или и трите заедно, като например в думите страстотърещ или браконейскусен.

Историята на развитието на индоевропейските езици, а и на езиците изобщо, е история на отделяне, разграничаване на името от глагола, на субекта, предиката и обекта един от друг. В това отношение срокът от хиляда години изглежда пренебрежимо малък, но внимателният анализ показва, че това външност не е есъвсем така. И в тези глобални мащаби старобългарският език показва един по-ранен етап от развитието на славянските езици.

Хромушкина, С.А.

Jromushina, S. A.

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Syktyvkar)

Federación Rusa

О ТРАГИЧЕСКОМ В НОВЕЛИСТИКЕ В.М.ШУКШИНА

Личностным масштабом, напряженностью внутренней жизни, направленной на познание мира, самопознание и самосозидание, неистовостью утверждения самобытного и уникального в себе, болью за утрату человеком высоких духовных качеств, освященных народной этикой, многие персонажи новеллитики В.М.Шукшина типологически родственны героям Ф.М.Достоевского. Драму судьбы Егора Прокудина, обозначенную писателем и кинорежиссером В.М.Шукшиным в фильме "Калина красная", автор рассматривал как стремление "ходить по краю", его отказ от "маленьких норм" - и невозможность "обнаружить согласие свое с миром". Именно вводом героя, осознающего свои идеалы и страстно пробивающегося к их утверждению, думой о человеке остро противоречивого, конфликтного сознания, который не в силах разрушить монологизм стандартизованного мышления окружающих, Шукшин приближается к созданию личности трагического масштаба. Протест героев против обезличивающего их мира бездуховности и бюрократизма носит индивидуальные черты, обретает резко конфликтные формы и разворачивается в традициях обоснованной Ф.М.Достоевским концепции трагического. Типологически устойчив в новеллах сюжет-конфликт, выдержаный в рамках монопентризма ("Гена Пройдисвет", "Горе"), который стягивается к выявлению личности, которая, как и у Достоевского, "сама по себе". Типология трагического сюжета у В.Шукшина достаточно разнообразна. Трагическое начало обозначается в анализе поведения человека в граничной ситуации между жизнью и смертью ("Как помирал старик"), перед неотвратимостью последней ("Горе", "Осенью"). Трагическое, по Шукшину, заложено и в основе характера личности, наделенной страстью, рискованностью, но не способной гармонично распорядиться природными задатками ("Сураз"). Человек подобного склада, переступая законы добра, соотносится с "подпольным" героем Достоевского ("Охота жить"). Ряд сюжетов рассказов Шукшина основывается не на единичном, но нескольких трагических событиях, каждое последующее усиливает катастрофичность мироощущения героя ("Осенью"). Композицией сюжета отдельных рассказов ("Горе") служит динамичный слом светлого мироощущения персонажа под впечатлением страданий другого человека. Мудрая типина "светлой, хороший ночи", слышимая мальчиком, к финалу произведения разрушается, нарастает трагическая образность рассказа, воспроизводящая страдание старика с разных сторон; звуком (плач, стоны), описанием походки (спотыкающаяся), резкого запаха полыни.

Формирование художественного мышления В.М.Шукшина происходило в атмосфере фрагментарных знаний о революционных преобразованиях в деревне, искающей существенные черты народной крестьянской культуры. История, понимаемая П.Флоренским как "непрерывность предания", трагически эту непрерывность оборвала в 20-е г.г. В рассказах "Заревой дождь", "Осенью", "Беседы при ясной луне" писатель просматривает исторические корни губительной для личности нравственной глухоты, догматического мышления, берущие начало в дали времен. В рассказе "Осенью" диктат общественной идеи калечит судьбу бывшего деревенского активиста, паромщика Тюрина, отказавшегося от венчанья в церкви в соответствии с атеистическими концепциями того времени, что привело к расставанию с любимой им

Марией и превратило существование человека в муку. Тягостные для Тюрина воспоминания прерываются появлением машины с телом умершего человека. Именно эту процессию должен переправить на другой берег паромщик, который узнает о смерти Марии. Драма судьбы, в основе которой лежало истирическое заблуждение, моделирует романную концепцию "время в человеческой судьбе", история прорывается в настоящее и в рассказах "Заревой дождь", "Беседы при ясной луне". Эти рассказы строятся на сопоставлении давнего прошлого и настоящего как мучительный диалог не только героя с самим собой, но и как драматический диалог двух эпох истории России в XX веке.

*Juez Gálvez, Francisco Javier
Universidad Complutense de Madrid*

LÉXICO ESLAVO EN UN VOCABULARIO OTOMANO-MENORQUÍN DEL SIGLO XVI

En un proceso inquisitorial del tribunal de Mallorca se conserva la acusación de brujería seguida a fines del siglo XVI contra el comerciante menorquín Joan Seguí. Esa acusación se fundamenta documentalmente en un cuaderno manuscrito en 21 folios en cuarta que comprende anotaciones de viaje, comercio y rescates de dicho comerciante, descripciones de costumbres turcas (como el casamiento), y diez folios de un diccionario otomano-menorquín (el otomano escrito en rudimentaria transcripción fonética en caracteres latinos), todo ello autógrafo del propiio Joan Seguí.

El cuaderno, que se conserva en el Archivo Histórico Nacional de Madrid, está datado en 1578 en Constantinopla, donde el autor del cuaderno intentaba rescatar a sus paisanos hechos eslavos en el curso de una acción corsaria contra Ciudadela de turcos y franceses, que capturaron a unos 5.000 habitantes de la ciudad de origen de Joan Seguí.

Sabemos o tenemos indicios de que Joan Seguí viajó por Barcelona, Nápoles, Venecia, Ragusa, Constantinopla..., por lo que es interesante rastrear en ese documento la presencia de los eslavos balcánicos. En efecto, en el pequeño diccionario otomano-menorquín se incuye un breve apartado titulado "lengua eruiana regosea (y suprascrito) bulgaros", además de otros lemas en el diccionario general que se refieren al mundo eslavo meridional.

*Kaczorowski, Aleksander
Universidad de Varsovia
Polonia*

RAJ UTRACONY. PRAGA W POWIEŚCIACH MILANA KUNDERY

Praga w powieściach Milana Kundery to miasto jakich wiele. Miejsca akcji to najczęściej zamknięte pomieszczenia (kawalerka, atelier, biuro, instytut naukowy). Nie bez powodu: autor

pokazuje swych bohaterów przede wszystkim w sytuacjach prywatnych i intymnych (rozmowy, seks). Akcja powieści rozgrywa się w czasach współczesnych (II poł.XX wieku). Praga Kundery jest miastem bez przeszłości. Takie przedstawienie Pragi może wydać się polemiką z tradycją przedstawiania Pragi jako miasta owianego legendą ("Praga magiczna" Angela Ripellino), skrzyżowania kultur i języków (Emanuel Frynta, Josef Kroutvor), miejsca, w którym wciąż żywe są stare mity i gdzie powstają mity nowe (Gustav Meyrink, Jakub Arbes, Jaroslav Haszek, Bogumil Hrabal i inni). I tak jest w istocie.

Ale wydaje się, że mamy tu do czynienia także z podjęciem i rozwinięciem pewnej tradycji sytuowania akcji utworu literackiego w przestrzeni miejskiej (Pragi). Mam na myśli dzieło Franza Kafki.

W utworach Kafki i Kundery lapidarność opisu miejsca akcji (Pragi) służy temu samemu: wydobyciu na plan pierwszy egzystencji bohaterów, związków jakie między nimi zachodzą oraz ich zmagań z "tajemnymi siłami" - Losu (Kafka), bądź Historii (Kundera). Na tym zasadza się ich uniwersalność.

W czym jednak przejawia się oryginalność ujęcia Kundery? Bohaterom Kafki otwarta przestrzeń miejska przynosi wytchnienie, przeczućie lepszego świata, niż ten, na który są skazani na co dzień, jest więc zapowiedzią upragnionego, acz nieosiągalnego azylu (Raju). Kundera sytuuje swych bohaterów w otwartej przestrzeni miejskiej wówczas gdy chce okazać ich losy w kontekście historycznym epoki. Dlatego miasto Praga jawi się u niego jako miejsce spotkań mas ludzkich: pochodów, manifestacji. To miejsce, w którym spełniają się marzenia bohaterów o odmianie ich życia (rewolucji), a zarazem miejsce, z którego uciekają w prywatność, gdy przychodzi rozczerowanie i utrata wiary w spełnienie tych marzeń. Jest to więc Raj Utracony.

Dzięki szczegółowemu porównaniu obecności Pragi w wybranych utworach Kafki (*Wyrok*, *Przemiana*, *Proces*) i Kundery (*Żart*, *Życie jest gdzie indziej*, *Księga śniegu i zapomnienia*, *Nieznośna lekkość bytu*) będę starał się udowodnić tezę, że Praga Kundery = Praga Kafki + Historia.

*Карагъозов, Панайот
Karagyoзов, Panayot
Universidad de Sofia "S. Kliment Ojridski"*

СЛАВЯНЕ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ (РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДВОЙСТВЕННОСТИ)

395 год - предельный год в европейском хронотопе. Он четко делил время и пространство Старого континента. В этом году кончается Античность и начинается Средневековье. Римская империя (а вместе с ней и Европа) делится на Восточную и Западную. Но если в темпоральном развитии Европы впоследствии появляются новые хронологические маркеры (Ренессанс, Барокко и т. д.) то территориальный раздел Конти-нента оказывается чрезвычайно прочным. После переломного 395 года географические направления восток и запад обогащаются рядом религиозно-идеологических и культурно-экономических значений.

I. Переменчивость понятий "восток" и "запад".

В рамках Старого континента понятия “восток” и “запад” входят в активный обиход во время перехода от Древности к Средневековью, когда император Теодосий делит Империю на две части, чья граница проходит по течению реки Дрины. В этот период христианство едино, и деление обладает преимущественно политически-государственным характером.

После схизмы 1054 года понятия “восток” и “запад” наполняются конфессиональным содержанием. С того времени начинают говорить об “ортодоксальном востоке” и “католическом западе”.

Реформация расшатывает западное религиозное единство, и после появления протестантства употребление понятия “католический запад” становится неуместным. В то же самое время Восточная римская империя захвачена магометанами. На бывших когда-то православных территориях наряду с христианством исповедуется ислам. В этом контексте в XV-XIX вв. понятие “европейский восток” ассоциируется с исламом, Ориентом, Турецкой империей.

После падения Константинополя под османское рабство Москва начинает самоотождествляться как “третий Рим”. Наряду с этим остальными европейцами Россия воспринимается как “второй восток”. На протяжении длительного периода на часть славян оказывают воздействие три “востока” и ни один “запад”.

В период после XVIII в. суть оппозиции восток-запад раскрывается в культурно-экономическом превосходстве Западной Европы, после которой на передний план выходит противопоставление тоталитаризм-демократия.

II. Славяне между Востоком и Западом.

Славяне поселяются на своих европейских территориях после распада Римской империи. Они заполняют “вакuum” между Римом и Константинополем или занимают земли, которые не находились под римским владычеством. Пограничное месторазположение славянских народов вызывает к жизни ряд религиозных, культурных и литературных особенностей. Несмотря на некоторые географические несоответствия, со временем своего заселения в Европе и по сей день славяне в целом ассоциируются с “Восточной Европой”.

III. Религиозная двойственность стимулирует тройственность.

Славяне впервые в Европе создают прецедент этнохристианства.

Различия между православием в Византии и Болгарии способствуют возникновению богомильства.

Следующее религиозное деление происходит в Боснии, где на рубеже православия и католицизма формируется Боснийская церковь.

Во время турецкого нашествия на Балканы соперничество между православием и католицизмом и наличие Боснийской церкви способствуют добровольной и насильственной исламизации славянского населения в Боснии.

В ретроспективном плане чешский гусицизм стимулирован воспоминанием о различиях между греко-славянской и латинской литургией и богослужением на народном языке в Великоморавии в IX в.

Очередная двойственность, которая порождает тройственность, - это Брестская уния 1596 г. Вследствие православно-католического соперничества между Польшей и Доссией значительная масса славян прочно принимает униатство.

Последнее славянское обособление христианства осуществляется благодаря сформированной в 1920 г. Чехословацкой церкви.

IV. Переход конфессиональных различий в литературные.

Пограничная ситуация славян между Востоком и Западом обусловливает полную или частичную неизоморфность литературных процессов славян и

западноевропейцев. В основе неизоморфности лежат этноцентрически ориентированные древнеславянские произведения "Проглас", "Азбучная молитва", "О письменах" и др., которые являются альтернативой космополитической средневековой письменности.

Конфессиональные различия между отдельными славянскими народами способствуют формированию народностной специфики в рамках общеславянской словесности. В целом, однако, религиозная модель "двойственность порождает тройственность" не мультилицируется в художественной литературе.

*Yu. N. Karaúlov
Moscú, Federación Rusa*

EL ASPECTO Y EL MODO DE ACCIÓN VERBALES: TEORÍA GRAMATICAL Y USO LEXICOGRÁFICO

En la teoría gramatical moderna coexisten distintos puntos de vista sobre la aspectualidad del verbo ruso. Todas las gramáticas coinciden en los siguientes dos postulados básicos:

1. Todo verbo ruso posee un significado aspectual, es decir, que pertenece al aspecto perfectivo (AP) o al aspecto imperfectivo (AI).
2. El modo de acción verbal caracteriza cualitativamente la acción expresada por el verbo.

A partir de ahí, empiezan las divergencias, cuyas expresiones extremas podrían quedar plasmadas de la manera siguiente.

Según unos, la categoría aspectual es un categoría grammatical (morfológica) del verbo ruso, y (casi) todos los verbos forman pares aspectuales, cuyos miembros se hallan en una correlación de perfectividad/imperfectividad. Este criterio se refleja en la Gramática de la Academia (Shvédova N.Yu., Lopátina V.V.), y también están próximos a él algunos autores de gramáticas funcionales (Bondarko A.V.).

Otros, sin embargo, consideran que tanto el significado aspectual en sí, como sus medios de expresión carecen de categoría morfológica propia y por tanto, consideran el aspecto como una categoría derivativa. Son de esta opinión Beloshápkova V.A., Zémskaya E.A., Miloslavski I.G., Panov M.V.

En la comunicación se analizan estas y otras discrepancias entre las distintas corrientes lingüísticas rusas acerca de la problemática aspectual del verbo ruso y sus implicaciones semánticas, morfológicas y lexicológicas, orientándose básicamente hacia la práctica lexicográfica que prevalece actualmente entre los equipos que elaboran diccionarios de la lengua rusa.

*Катнич-Бакаршић, Марина
Katnić-Bakaršić, Marina
Universidad de Sarajevo
Bosnia-Herzegovina*

ФИГУРЫ КАК КОННЕКТОРЫ В ТЕКСТЕ

В докладе исследуется использование стилистических фигур как коннекторов в тексте. Анализ проводится на материале литературно-художественного и публицистического стиля боснийского /хорватского/ сербского и русского языков. Среди типов фигур, выступающих в качестве коннекторов, особенно выделяются: фигуры повторения, фонетические фигуры /метаплазмы/, синтаксические фигуры /метексы/, градация, риторические вопросы и фигуры, связанные с отправителем и получателем информации.

*Kirova, Milena
Universidad de Sofía "Kliment Ojridski"
Bulgaria*

IMAGES OF SLAVIC IDENTITY IN LATE NINETEENTH CENTURY BULGARIAN LITERATURE

Late nineteenth century Bulgarian literature is preoccupied with finding paradigms of national identity -inside and outside its own cultural and historic boundaries. An important part of this identity-seeking strategy is to invent mythological images of the other Slavic nations, and then to mirror back ideas of a "Bulgarian self" as the Slavic otherness.

The paper represents such mythological reflections of national images (mainly Serbian and Czech) in some classic texts of that time in an attempt to focus upon a model of mythologizing procedures in modern literary discourse.

*Клименко, А.П.
Klimenko, A.P.
Universidad Lingüística Estatal de Minsk
Bielorrusia*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

1. В серии психолингвистических экспериментов, проведенных на материале

восточнославянских языков - русского, белорусского и украинского, испытуемым предлагалось дать определение к заданным существительным или назвать субъекты признаков, обозначенных предъявленными испытуемым прилагательными. При этом и субъекты и атрибуты являлись частями двучленных атрибутивных фразеологических единиц. Таким образом, косвенно ставилась задача восстановить (регенерировать) исходные фразеологизмы.

2. Результаты экспериментов показали, что испытуемые восстанавливают многие (но не все) исходные элементарные фразеологизмы; некоторые фразеологизмы в наших экспериментах (в задании которых о фразеологизмах не говорилось) восстановить не удалось.

3. Регенерация фразеологизмов лишь редко производится всеми испытуемыми; часто лишь 5-10% испытуемых приводят в качестве реакции недостающую часть фразеологизма; очень редко восстановление фразеологизма производится всеми или подавляющим большинством испытуемых. Опыт показал, что регенерация фразеологизма более, чем половиной участников эксперимента уже должна рассматриваться как значимый положительный результат.

4. Если считать, что в количестве реакций испытуемых, восстанавливающих исходный фразеологизм, отражается его регенерационная способность, то ясно, что она различна и зависит от ряда факторов, и в частности от степени устойчивости данного фразеологизма и от идиоматичности его частей, предложенных в качестве стимулов в экспериментах. Важнейшим внешним фактором частоты регенерации каждого конкретного фразеологизма является степень его известности (распространенность) среди носителей языка (участников эксперимента), что связано и с общей настроенностью (склонностью) данного социума на использование фразеологизмов (идиоматики) в речи. Необходимо учесть фактор наличия других фразеологизмов с заданным элементом, конкурирующих между собой в процессе регенерации (для снижения роли такой конкуренции в нашем эксперименте предлагалось фиксировать не одну лишь, но несколько реакций, что однако не могло снять полностью влияние конкуренции в ходе неосознанных операций).

6. Психолингвистический подход в изучении фразеологии может быть использован как в целях экспериментальной проверки устойчивости и идиоматичности связей между элементами фразеологизмов, так и для уточнения представлений о бытовании и функционировании фразеологизмов в речи носителей данного языка.

*Kohrs, Helga
Universidad de Granada*

EL RETO A LA TRADUCCIÓN LITERARIA

En un mundo de rápidos cambios y grandes avalanchas de información, la traducción literaria ocupa un lugar secundario y casi olvidado entre el inmenso volumen de traducciones de textos utilitarios de corto ciclo vital. Una visión de mercado algo reducida y la presión existencial ha llevado a muchas editoriales a publicar traducciones de dudosa calidad. La equiparación del factor tiempo entre un texto comercial y de otro literario hace que estos

últimos no sean atendidos de la forma necesaria en su complejidad. Esto se ve reflejado en los últimos tiempos, desgraciadamente, también a nivel académico.

La traducción literaria tiene problemas específicos que deberían ser tratados de forma separada en los planes de estudio de nuestras Universidades. El estudio comparativo de textos, su contraste en diferentes formas traducidas aumenta la profundidad de compresión de las respectivas lenguas a traducir. Esto, además, sacaría a la luz las barreras lingüísticas existentes así como sobre todo el trasfondo del mensaje literario a trasponer.

La presente potencia pretende romper una lanza a favor de la traducción literaria y de su riqueza y complejidad. Cabe mencionar, en este fono, que numerosos autores y poetas rusos contemporáneos de revelancia aún no están traducidos al español y queda el gran reto para los traductores aquí presentes.

*Komárek, Miroslav
Universidad de Olomouc
República Checa*

KE ZMĚNÁM ČEŠTINY V EVORPSKÉM JAZYKOVÉM KONTEXTU

Existence tzv. evropeismů v evropských jazycích různého původu a rozdílné struktury je všeobecně známa. V tomto příspěvku se chci tohoto problému dotknout z poněkud jiného hlediska.

Kladu si otázku, jak a v jaké míře přispívají změny, které proběhly v jazyce (tj. v tomto případě v češtině), ke strukturnímu sblížení s jinými jazyky, zejména v oblasti středoevropské. Není zde pro mne důležité, zda změna proběhla jen v českém jazyce - napodobením jazyka druhého, nebo zda je to paralela s vývojem, který probíhal i v sousedství. Pozornost věnuji zvláště některým vybraným změnám v morfologii a syntaxi českého slovesa: především infinitivu, jeho vztahům k participiím a jeho syntaktickým funkcím; futura a jeho poměru k témuž tvaru v jiných jazycích; tzv. perifrastickému pasívu ve vztahu k pasívu reflexivnímu; resultativním konstrukcím se slovesem "mít" a jejich vztahu k času; atd.

Snažím se především zjistit paralely (analogie) strukturální a funkční a to, co mě zajímá nejvíce, není kauzální závislost jednoho jazyka na druhém a její směr, nýbrž proces, v němž se v koexistujících jazycích též oblasti vytvářejí obdobné morfosyntaktické struktury.

*Konieczna-Twardzikowa, Jadwiga
Universidad Silesiana de Katowice
Polonia*

PRESENTACIÓN DE LA LENGUA POLACA A TRAVÉS DE LAS RELACIONES LINGÜÍSTICAS CONTRASTIVAS POLACO-ESPAÑOLAS

1. El sustantivo - **categoría del caso**: subcategoría del género, persona, vs. **reduplicación** - concepto de la **PERSPECTIVA EN EL ANÁLISIS CONTRASTIVO**.

*Tylko muszę ubrać *dziecka / Sólo tengo que vestir a la niña; Azaña chcial nas, dowódców patriotów, oddalić od siebie / Azaña quiso alejarnos a los jefes patriotas [...]*

2. El verbo - gerundio - concepto de la RELACIÓN CONTRASTIVA DIACRÓNICA.

A on je wszystkie uzdrawił, tako iże tłuszcze dziwowały się widząc [...] / et curavit eos; ita ut turbae mirarentur videntes [...] / y los curó. La muchedumbre se maravillaba viendo [...] "a los ciegos viendo".

3. Elementos de enlace - pronombre relativo - concepto de la TRADUCCIÓN CONTRASTIVA filológica o estructural.

Maria, co ci ja przedstawił em wczoraj / María, que te la presenté ayer.

4. La presentación del polaco a través de las relaciones lingüísticas contrastivas tiene como objetivo entender el concepto de una lengua (la polaca) como lengua extranjera CON RESPECTO a otra lengua (la española).

Кортава, Татьяна

Kortava, Tatiana

Universidad Estatal de Moscú

Federación Rusa

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ на -ыва/-ива в московском приказном языке XVI^{вв}

Распространение глагольных образований на -ыва/-ива историки русского языка рассматривают как развитие собственно русской модели имперфектификации. XVI-XVII вв. это период их максимальной продуктивности: формы на -ыва/-ива регулярно образуются от приставочных (прихаживать, принашивать) и от бесприставочных глаголов (хачивать, мучивать). Указанные формы обладают неполной парадигмой.

Почти аксиоматичной считается утверждение, что формы на -ыва/-ива имеют неопределенно кратное (или многократное) значение. Однако внимательное знакомство с текстами, составленными в московских приказах, показывает, что контекст может сопротивляться этому значению. Данный факт находится в соответствии с точкой зрения Н.С.Поспелова, размышлявшего в русле традиций К.Аксакова, Н.Некрасова, Г.Павского о том, что временные оттенки глагола необходимо познавать в рамках сложного синтаксического целого.

Исследования показывают, что глагольные формы на -ыва/-ива без отрицательной частицы имеют неопределенно-краткое значение, как правило, при контекстной поддержке. Без лексического показателя многократности указанные формы имеют значение "давно прошедшего продолжительного". Они реализуют одну из возможностей замещения свободной темпоральной позиции, образованной в результате разрушения старой системы форм прошедших времен и подтверждают актуальность выражения плюсквамперфектного значения в русском языке.

Глагольные формы на -ыва/-ива с отрицательной частицей выступают только с плюсквамперфектным значением. Исследователи усматривают дополнительные модальные оттенки в семантике указанных форм. Но тщательный анализ материала

показывает, что модальные значения характеризуют тип текста, а не глагольные формы. В XVIII-XIX вв. сфера употребления данных форм резко сокращается, но амбивалентность их временного значения сохраняется в пинежских говорах.

Kotova, Vera

Kotova, Vera

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Syktyvkar)

Federación Rusa

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ЖАНРЕ ЛИРИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

За последние двадцать лет в русской литературе значительно расширился круг авторов, создающих свои произведения в жанре лирической миниатюры. Такие, к примеру, авторы как М.Пришвин, Ю. Куранов, В. Солоухин, Ю. Бондарев, Б. Сергуненков, В. Бочарников создали целые циклы миниатюр.

По сравнению с романом, повестью, рассказом, жанр лирической миниатюры относительно молод. Он опирается на великие традиции XIX века. У истоков этого жанра стоит И.С.Тургенев, создавший цикл "Стихотворения в прозе".

Лирическая миниатюра - это жанр, который отличается особым воздействием на читателя. Это небольшое прозаическое произведение лирического характера, где ведущую роль играет образ автора, чаще всего сливающийся с повествователем, выступающим на первый план; особая значимость придается лейтмотиву при ослабленном сюжете; речь, как правило, ритмизируется; яркое лирическое начало выражается в прямом, непосредственном отражении чувств автора, в усиении авторской экспрессии.

Одной из характерных черт лирической миниатюры XX века является то, что на первый план выступает проблема философского характера. Такой проблемой философского характера является понятие того, что человек - это неотделимая часть природы. Эта проблема появляется у многих авторов, создающих свои произведения в жанре лирической миниатюры. К примеру, циклы Б.Сергуненкова "Тысячелистник", Ю. Куранова "Перевалы", "Из записных книжек" И.Соколова-Микитова.

Человек и природа - это неразрывное целое, это великий клубок. Даже когда весь мир исчезнет в хаосе, то трава, деревья, люди, исчезнув вместе с миром, все равно будут вместе, единым клубком, и никакая смерть не сможет их разлучить.

Природа на страницах книг этих авторов живет и активно действует, она очеловечена. Мы видим, как рассеянный свет солнца, играя, одевает леса, травы, дома. слышим, как шепчут, словно две подружки, перед рассветом сосны, доносится говор речки. Они точно так же, как и люди страдают, любят, ненавидят. И эти мгновения прекрасны и неподражаемы, как прекрасны и неподражаемы мгновения в жизни человека.

Каждая миниатюра - это душевное откровение. Она передает удивительно точно мимолетное переживание, чувство, состоянис. Человек - это часть природы. Какой гармоничной является она, таким гармоничным должен быть человек.

Котылев А.Ю.

Kotylev, A. Yu.

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Syktyvkar)

Federación Rusa

АРХЕТИПНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В СОЗДАНИИ "НОВОГО ЧЕЛОВЕКА"

1. Главную роль в процессе смены ценностных ориентаций и установок общественного сознания в послереволюционной России играет новый человек. Это особый культурный тип личности, характеризующийся активной антитрадиционалистской позицией.

2. Декларируя полный разрыв со "старым", дореволюционным миром, "новый человек" пытается создать иную систему представлений об окружающем мире и месте в нем человека. Эта система должна была отвечать идеологическим требованиям, обладать научообразностью, отвечать глубинным стереотипам общественного сознания.

3. Уже в двадцатые годы некоторые исследователи писали об "архаизации" культуры России, о "неязычестве". Действительно, для ниспровержения в массовом сознании христианской картины мира использовалась не только пропаганда достижений науки, но и обращение (во многом бессознательное) к дохристианским культурным системам, к пластам сознания, по отношению к которым любая идеология является вторичной.

4. Одной из основных черт культуры 20-х является ее бинарность. С точки зрения "нового человека" весь мир четко делится на две части "красное-белое", "революционное-контрреволюционное", "старое-новое" и пр. Здесь проявляется актуализированная архаическая оппозиция "мы-они", где "мы", в конечном счете, означает жизнь, а "они" - смерть.

5. Ощущение участия в преобразованиях космического масштаба породило эпические мотивы в новой культуре. Герои, мученики, вожди являли собой персонификацию безличного "мы", одновременно составляя новый безбожный пантеон. Атеистическая религия активно использует готовые формы, заменяя храм-театром, священника-политработником, икону-плакатом, портретом вождя.

6. Архетипность мотивов и образов проявлялась не только в политике, но и в любой другой сфере культуры. Например, архетип "золотого века" всплыл в исторической науке в виде теории "первобытного коммунизма". Провозглашаемая новизна культуры на деле оказалась фикцией, система нового мира строилась из готовых клише, штампов и форм, за которыми явственно проступали извечные архетипы сознания.

*Kowalczyk, Witold
Universidad Marie Curie Skłodowska de Lublin
Polonia*

А.С.ПУШКИН И ЕВРЕИ (ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Литературные стереотипы вторичны и производны от культурных стереотипов, т.е. от функционирующих в общественном сознании, сокращенных, упрощенных и заключающих в себе определенную оценку образов действительности, которые относятся к вещам, лицам, общественным группам, учреждениям, нациям, народам, религиям, расам и т.д. Отражая специфическую шаблонность, трафаретность художественного мышления писателей, они содействуют деформации мира и распространению разного рода предубеждений и фобий. Особую опасность несет национально-этническое ожесточение по отношению, главным образом, к еврейскому народу, заметное во многих европейских литературах. Не лишена этого ожесточения, к сожалению, также русская литература - притом в лице своих самых знаменитых представителей таких как Пушкин, Гоголь или Достоевский.

Однако тема "Iudaika в русской литературе" только с недавнего времени перестала быть темой табу для исследователей-руристов. В это русло вписывается и наш интерес к еврейским мотивам и образам евреев в творчестве автора Евгения Онегина. Прямые высказывания Пушкина по вышеупомянутому вопросу относительно редки и разбросаны по разным источникам (письма, дневники, автобиографические записи). Тоже самое можно сказать об их отражении в структуре художественных произведений поэта. Образы евреев появляются в его стихотворениях в разные годы ("Черная шаль", "Христос воскрес", "Городок", "Послание Дельвигу", "Гусар" и др.) и выполняют разнообразные функции. Они выступают также в пушкинских поэмах ("Гавриилиада", "Агасфер") и в драматических произведениях писателя ("Скупой рыцарь"). В большинстве случаев все, что связано у Пушкина с еврейством, имеет отрицательный характер. Несмотря на большую культуру поэта и гуманистический пафос его творчества, Пушкину не удается ни превозмочь себя, ни преодолеть отрицательный стереотип еврея в русской литературе.

*Krainova, E.
Krainova, E.
Universidad Estatal de Irkutsk
Federación Rusa*

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ - ТЕЗАУРУС - СЛОВАРЬ АКТИВНОГО ТИПА

Подобно тому, как Л. В. Щерба различал грамматику активную (грамматика отправителя сообщения) и пассивную (грамматика получателя сообщения), исследователи выделяют два типа словарей в соответствии с тем, на какие виды речевой

деятельности они ориентированы. Для говорения, письма нужны словари активного типа, для слушания, чтения - пассивного.

Разрабатываемый нами на базе комплекса учебных материалов учебного курса русского языка филологического профиля для подготовительного и основного этапа обучения учебный словарь лингвистических терминов опирается на системно-обучения учебный словарь лингвистических терминов опирается на системно-функциональный подход к описанию лексического материала. В качестве способа описания терминолексики выбран тезаурус.

С помощью специальных помет в словаре отражаются свойства термина как члена понятийной системы подъязыка лингвистики и как языкового знака. В словаре фиксируются следующие парадигматические отношения терминов: родо-видовые, партитивные, ассоциативные, синонимические, полисемия и омонимия. Идеографическая классификация терминов по разделам языкоизнания и внутри них, отражение системных отношений позволяет представить термин внутри терминологического поля. Подобная презентация способствует быстрому формированию у студентов-иностранцев характерной системы основных понятий лингвистики, усвоению связей между ними.

В словаре находят отражение и синтагматические свойства терминологических единиц через показ типовой для данного подъязыка сочетаемости. Словарем единиц через показ типовой для данного подъязыка сочетаемости. Словарем фиксируются именные терминосочетания, отражающие собственную сочетаемость термина, а также глагольные и предикативные сочетания с глаголами общеязыковой семантики. Таким образом, студент-иностранец обретает зрительную опору при порождении самостоятельного высказывания по лингвистической тематике.

Идеографическая организация материала и отражение сочетаемостных свойств терминов, т. е. учет коммуникативных потребностей адресата, позволяют расценивать учебный словарь лингвистических терминов как словарь активного типа.

*Králová, Jana
Universidad Carolina de Praga
República Checa*

LA ESCUELA LINGÜÍSTICA DE PRAGA, JIŘÍ LEVÝ Y LA TRADUCTOLOGÍA ACTUAL

En las obras dedicadas a los diversos temas de traductología, las españolas incluidas, suelen citarse los trabajos de dos teóricos que desarrollaron sus actividades en el territorio de la antigua Checoslovaquia: Jiří Levý y Anton Popovič. No obstante, al estudiar sus obras más detalladamente, se hace patente que ante todo en los trabajos de Jiří Levý se puede percibir una clara conexión con varios conceptos desarrollados por la Escuela Lingüística de Praga en su período clásico. Brevemente se puede decir que al comprender el estudio de la traducción como el análisis de las relaciones existentes entre el original y la estructura del discurso traducido y al investigar los factores del proceso de traducción, Jiří Levý incorporó sus escritos en el estudio integrado de los fenómenos lingüísticos y literarios de tal forma, como la que se fue formando desde el período clásico de la Escuela de Praga.. Esta concepción integral, que permitió la

incorporación de los fenómenos y manifestaciones del lenguaje en el complejo de las relaciones estéticas y sociales de la época, permitió a Jiří Levý anticipar varios conceptos que no aparecen en los estudios de la traducción antes de los años setenta, cuando por fin fue reconocida la autonomía comunicativa de la misma.

En la ponencia se tratarán y documentarán con citas los conceptos de los clásicos de la Escuela de Praga que parecen anticipar varios fenómenos que aparecen en los estudios de la traducción de Jiří Levý y en las teorías de otros investigadores a partir de los años sesenta (estrategias, norma, convención...).

Красных, В. В.

Багаева, Д. В.

Krasnyj, V. V.

Bagaeva, Daria

Universidad Estatal de Moscú

Federación Rusa

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Коммуникация есть общение между языковыми личностями с целью передачи, получения или обмена информацией. Межкультурная коммуникация - это общение между представителями разных лингво-культурных сообществ.

2. Важным условием успешного протекания коммуникации является ее адекватность, которая обусловливается наличием общего фонда знаний коммуникантов. Каждый коммуникант обладает своим собственным индивидуальным когнитивным пространством, т.е. собственной совокупностью знаний и представлений об окружающем мире. В индиви-дуальное когнитивное пространство входят в том числе знания "социумные", т.е. общие для всех представителей того или иного социума (например, конфессионального или профессионального) и составляющие коллективное когнитивное пространство, и знания "национальные", т.е. общие для всех носителей того или иного языка и формирующие когнитивную базу того или иного лингвокультурного сообщества. Зону пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов мы называем пресуппозицией. Отсутствие широкой пресуппозиции "проводит" возникновение проблем коммуникации, в том числе межкультурной.

3. Для межкультурной коммуникации особенно важным оказывается равное знакомство коммуникантов с когнитивной базой или актуальным для данного коммуникативного акта фрагментом когнитивной базы того лингво-культурного сообщества, на языке которого осуществляется общение.

4. Под когнитивной базой мы понимаем определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений (включая оценки фрагментов), общую для всех языковых личностей, входящих в данное лингво-культурное сообщество. Коммуникативные провалы при межкультурной коммуникации могут иметь

место, (1) если у одного из коммуникантов отсутствуют знания когнитивной базы (или ее фрагмента) или (2) если один и тот же известный коммуникантам феномен оценивается ими по-разному.

5. Для выявления специфики той или иной национальной когнитивной базы представляется необходимым определить ее структуру и наполнение. Мы считаем, что ядерными элементами любой когнитивной базы являются прецедентные феномены, под которыми мы понимаем (модифицируя определение прецедентного текста Ю. Н. Кауала) феномены; 1) хорошо известные всем представителям лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в дискурсе представителей того или иного лингвокультурного сообщества. Прецедентные феномены могут быть вербальными и невербальными. Последние, к которым относятся, например, произведения архитектуры, живописи, музыки и т.д., нами не рассматриваются. Среди вербальных или потенциально-альтернативных вербализуемых прецедентных феноменов на сегодняшний день нами выделены 4 феномена, входящих в русскую когнитивную базу: прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное имя и прецедентное высказывание.

Kraus, Jiří
Instituto de Lengua Checa de Praga
República Checa

LATIN AND FRENCH SOURCES OF LITERARY CLASSICISM IN RUSSIAN (THE CASE OF RHETORIC IN THE HISTORY OF CULTURE)

Rhetoric - as a part of *trivium* which formed a basis of scholastic pedagogy - occupies an important (even if contested) place in the history of Russian culture since the Middle Ages (cf. *Sbornik Svjatoslava*, 1073, containing the first list of rhetorical tropes and figures in a Slavonic language).

In the 16th century, during the reign of tsar Aleksei Mikhailovich, the humanist education gained a base in Russia. The oldest systematic manual of rhetoric composed in Old Russian has been written by the Bishop Makarii (*Knigi sut' ritoriki dvoi*, ed. R. Lachman, Vienna, 1982) according to the Latin/Polish models. Under Peter the Great school education devoted two-year period to rhetoric, the most important textbook in the diocesan schools was Feofan Prokopovich's *Dukhovnyi reglament* (1721), the same author wrote a Latin Treatise *De Arte Rhetorica* (1706, ed. by R. Lachman, Böhlau, 1982), based on the classical works of Soarez, Caussin and Vossius. The purpose of the treatise is to teach *decorum* which governs the correspondence between the function of the speech (officium) and its style (genus dicendi).

In the reign of Catherine the Great main role in the codifying of stylistic norm in Russian literary discourse is played by Lomonosov's *Ritorika*, which was widely used in Russian schools and in Moscow University. In his examples Lomonosov turned to classical Latin authors. On the contrary, his rival Sumarokov preferred French literary models and theories (Boileau) which he evaluated for their purity of style and clarity of thought. Later, the importance of French

literary models for Russian language (especially for syntactical patterns) was advocated by the literary programme of Karamzin and his followers.

In Russia in the 18th century not only the tension between the influence of French and Latin culture, but also the opposition between Russian and Old Slavonic language, between baroque and classicist orientation of culture, between stylistic asianism and atticism, were particularly important. Models as well as praeceps of classical rhetoric represented a highly restrictive normative system of communication, which has had a strong impact on the establishment of Russian literary language.

*Krauz, Maria
Escuela Pedagógica Superior de Rzeszów
Polonia*

OPIS A CHARAKTERYSTYKA POSTACI LITERACKIEJ

W referacie uwaga zostanie skoncentrowana na wskazaniu, omówieniu i zinterpretowaniu podobieństw i różnic między charakterystyką (bezpośrednią i pośrednią) i opisem postaci. Do analizy zostały wybrane opisy dłuższe, pełne, zawarte między sygnałami początku i końca, o spójnej strukturze wewnętrznej i opisy krótkie, nieciągłe, rozerwane, które skupione razem dają możliwie największą ilość cech (dążność do kompletności opisu).

Obie struktury, charakterystika i opis obejmują przedstawienie postaci, wygląd zewnętrznego bohatera, ale charakterystika zawiera trzy elementy: opis, opowiadanie, rozumowanie.

Główne różnice między opisem i charakterystyką:

- 1.- opis - nie podlega żadnym ograniczeniom wynikającym z definicji, brak stałych zasad wprowadzania opisu i konstruowania go (stąd jego różnorodność);
wprowadza obiekt opisywany (centrum kompozycyjne opisu);
jest wynikiem dokładnej obserwacji zewnętrznej;
pełni funkcję opóźniającą, dekoracyjną, porządkującą, delimitacyjną i ogniskującą;
- 2.- charakterystyka -narzucone reguły konstrukcji;
-wprowadzanie bohatera przez nadanie imienia własnego;
-obserwacja zewnętrzna, poglądy i ocena postaci;
-funkcja służy poznaniu idei utworu.

*Krč, Eduard
Universidad de Olomouc
República Checa*

ALGUNOS ASPECTOS SOBRE EL REGIONALISMO EN LA LITERATURA

El concepto de literatura regional va identificándose generalmente con los criterios geográfico e histórico. En el centro del interés aparecen así costumbres, tradiciones, modificaciones lingüísticas de los núcleos regionales y, por consiguiente, tipos auténticos ligados íntimamente a la región determinada. El objetivo de esta breve síntesis sobre el regionalismo literario es demostrar la pluralidad de vistas respectivas y comparar las distinciones relativas en las críticas checa y española, que se refieren al tema. Simultáneamente se presenta el aspecto funcional que la obra debe cumplir para poder incorporarse en la literatura nacional.

*Kuczyńska, Marzanna
Universidad de Szczecin
Polonia*

Z PROBLEMÓW HOMILETYKI CERKIEWNOŚLOWIAŃSKIEJ

W referacie przedstawiono zagadnienia związane z cerkiewną twórczością homiletyczną XVI i XVII wieku. Homilie i pouczenia zebrane są w kodeksy, zwane w Słowiańszczyźnie ewangeliami pouczającymi. W XIV/XV w. upowszechnił się zbiór homiliów wiązanych przez naukę z osobą konstantynopolitańskiego patriarchy Kalistosa I (1350-53 i 1355-63/63). Rozkwit twórczości homiletycznej przypada na okres reformacji, która cieszyła się dużą sympatią wśród wyznawców Kościoła Prawosławnego.

Prawosławie stanęło do walki w obronie własnej wiary. Nie zważając na zakaz publicznego głoszenia kazań w cerkwiach, nauczano wiernych, wykorzystując w tym celu homiliarze pouczające. Pod koniec XVI i na początku XVII wieku były one jedną z najbardziej rozpowszechnionych w cerkwi ksiąg.

W państwie polsko-litewskim po raz pierwszy drukiem ewangelię pouczającą ogłoszono w Zabłudowie 17 marca 1569 r. Melecy Smotrycki dokonał pierwszego tłumaczenia kodeksu z języka cerkiewnosłowiańskiego na "prosty" język ruski, zrozumiały dla wszystkich, i opublikował w Jewiu (Ewju) w 1616 r. Wersję Smotryckiego wykorzystał Piotr Mohyla do ponownego wydania księgi w 1637 roku w Kijowie.

W XVII wieku powstał też inny typ ewangelii pouczającej, nie związanej tak ściśle z tradycyjnym modelem homiliarza.

Od XIX wieku homiliarze cerkiewne przyciągają uwagę badaczy. Podkreśla się ich znaczenie dla rozwoju języka białoruskiego i ukraińskiego. Są świadectwem wzajemnych relacji literackich między reformacją i kontreformacją, pozwalają przesledzić proces kształtowania się ruskiej wersji Biblii.

W Polsce mamy 23 rękopisy ewangelii pouczających, głównie w Bibliotece Narodowej w Warszawie, także znaczną ilość starodruków, oczekujących jeszcze na zbadanie. Reprezentują one niemal wszystkie typy twórczości homiletycznej. Ciekawe byłoby prześledzenie procesu kształtowania się kodeksu - zwłaszcza jego drugiej części, wpływu rękopisu na druk i odwrotnie, zbadanie pochodzenia perykop ewangelijnych, sposobu konstrukcji pouczenia i zawartych w nim treści.

*Láleva, Tania Dimitrova
Universidad Complutense de Madrid*

CAMBIOS DIALECTALES EN EL BÚLGARO ANTIGUO (según los datos de los manuscritos)

El búlgaro antiguo engloba un período relativamente corto, desde la creación del alfabeto eslavo (año 862) hasta finales del s. XI. No obstante se trata de una época de cambios significativos, sobre todo en el sistema fonético, la mayoría relacionados directa o indirectamente con el término de la Tendencia de la apertura de la sílaba. Gran parte de las transformaciones tienen carácter puramente cronológico y con el tiempo abarcan todo el territorio, otras son dialectales, es decir, los cambios obtienen un aspecto u otro según la religión donde se producen. El principio fonético en la ortografía del búlgaro antiguo que se da en todos los textos de la época refleja de una manera bastante fiel, eso sí, con todas las limitaciones gráficas típicas, estos cambios. Trataremos de exponerlos, apoyandonos en los datos de los manuscritos búlgaros antiguos, de los manuscritos búlgaros medievales y de los dialectos búlgaros contemporáneos.

*Lesiów, Michał
Universidad de Lublin
Polonia*

PARALLEL GRAMMATICAL STRUCTURES IN CONTEMPORARY UKRAINIAN

Nearly every literary language contains grammatical terms which differ in sound and form but have synonymous meanings. These are referred to as parallel, doublet forms or grammatical synonyms. In the every-day use of language, a choice between two such parallel possibilities must often be made. This is basically the realm of stylistics, since it often depends on the style of language being used.

This presentation examines some grammatical forms of contemporary literary Ukrainian

which are recognized as equally normative by most recent Ukrainian grammar texts. Among these forms are the following:

1.- The dative singular of masculine nouns ending in -ovi, -evi, or -u /panovi, hajevi/ /panu haju/;

2.- The locative singular of masculine and neuter nouns ending in -i, -u or -ovi, -evi (v lisi, v haju//v lisovi, v hajevi/;

3.-The locative singular of masculine and neuter adjectives and pronouns ending in -omu or -im /u velykomu misti, pry nomu, v comu temnomu lisi //u velykim misti, pry nim, v cim temnim lisi/;

4.- The future tense of imperfective verbs, such as budu nosyty or nosytymu.

The appearance and frequency of these forms in the following contemporary Ukrainian publications was examined and compared: newspapers such as "Radjanśka Ukrajina"/Kiev/ and "SVOBoda/Jersey City, N.J./, journals "Movozenavstvo" /Kiev/ and "Slovo na storoži"/Winnipeg/, the prose of J.Shcherbak, E.Andijevska and J.Tarnawsky, and the poem of V.Symonenko.

These sources indicate that certain of the above mentioned parallel possibilities are used either exclusively or predominantly. An explanation for these choices should consider the following factors: the sound of a given form /longer-shorter/, its lucidity in a given category /and its non-occurrence in other categories/, its similarity or dissimilarity to analogous forms in neighboring Slavic literary languages, the style of the work, plus others. Problems concerning the use of these and other parallel forms requires more detailed research, including both diachronic and synchronic analyses.

*Leszczyński, Zenon
Universidad Católica de Lublin
Polonia*

POLSKA GEOGRAFIA JĘZYKOWA W SŁUŻBIE DIACHRONII

Kazimierzowi Nitschowi zawdzięczamy postawienie kwestii geografii językowej i jej usługowej roli w badaniach historii zjawisk językowych. W referacie zostanie przypomniany na podstawie publikacji twórcy polskiej dialektologii proces przechodzenia od stopniowego uświaddamiania sobie przez niego tej problematyki, poprzez sformułowanie postulatów badawczych wynikających z uwzględnienia geografii językowej, po zaproponowane przez niego rozwiązania konkretnych kwestii za pomocą tej metody.

W wyborze zostaną pokazane inne polskie próby posługiwania się metodą geografii językowej w służbie badań diachronicznych języka, w tym także wyniki własnych badań autora.

*Лисаускене, Мария
Заровняева, Людмила
Lisauskene, Maria
Zarovniaeva, Liudmila
Universidad Estatal de Irkutsk*

ИЗМЕНЕНИЕ ОСНОВНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Переход от традиционного общества к новой цивилизации изменил не только экономическую, но и культурную жизнь России. В современных социально-экономических условиях идет ломка старых стереотипов и культурных ценностей и становление лиминального (разломанного) сознания. Особенно активно это проявляется в среде студенческой молодежи как наиболее восприимчивой социальной группе.

Как показывают результаты социологического мониторинга "Абитуриент-студент-выпускник", проводимого лабораторией социологических исследований Иркутского госуниверситета в 1986-1996 годах в вузах России, на смену коллективистскому типу сознания, присущего советскому обществу, приходит индивидуалистически-прагматический тип с другой системой жизненных ценностей. Преобладающими для него являются материальные ценности, такие, как деньги, связи, личное благополучие. Идет исчезновение национально-культурных ценностей, замена их массовой культурой западной цивилизации. Прагматическим становится отношение к таким культурным ценностям, как высшее образование. Для основной части молодежи характерной является ориентация не на получение знаний, а на приобретение престижной специальности. С введением платного образования идет процесс элитаризации высшего образования, отчуждения от него талантливых молодых людей из малообеспеченных социальных групп, в основном жителей малых городов и сел. Это ведет к формированию социокультурной элиты, ориентированной на западные ценности и образ жизни.

*Magdalena Nom de Déu, José Ramón
Universidad de Barcelona*

ASPECTOS DE HEBRAICA Y JUDAICA EN "EL MAESTRO Y MARGARITA" DE BULGÁKOV

Se comenta el trasfondo del bagaje cultural hebreo y judaico de Bulgákov en su obra "El Maestro y Margarita", especialmente en las muy exactas y meticolosas descripciones topográficas de la Jerusalén herodiana, la toponimia hebrea, los antropónimos hebreos de algunos de los personajes, así como la poliglotía de Jesús.

*Maldjieva, Vjara
Universidad de Plovdiv
Bulgaria*

MODELLING OF ONE TYPE OF SYNTACTIC RELATIONSHIP IN SLAVIC

The study of the syntactic (distributional) characteristics of the non-inflected lexical units in Slavic languages shows the need of differentiation of at least two basic types of subordinating syntactic constructions where the subordinate elements are members of different classes.

The subordinating syntactic relationship is discussed in its distributional sense. According to the commonly accepted opinions **government** is a subordinating relationship in which the main (governing) element requires as a subordinate (governed) element (obligatory or facultative) : a) a word which is characterised by particular markers of particular grammatical categories, that is a particular word-form or: b) a word which belongs to a particular grammatical class. In the former case, the government is realised through the syntactic technique **concord**, and in the latter one through the syntactic technique **apposition**. The apposition finds expression in linear and/or prosodic connection of particular parameters of the main and subordinate elements. An example of government realised through apposition is the syntactic relationship between the governing verbs, nouns or adjectives and the adverbs. Undoubtedly, a different kind of relationship is that between the verb, the noun and the adjective (as governing elements) and the particle. On one hand, none of these can be claimed to require obligatory or facultative particle and, on the other hand, the parameters of linear or prosodic relationship between the main word and the subordinate particle are different. Due to those differences the neutralisation of the widely-spread homonymy of adverbs and particles is possible in the text, *CF Toj govori estestveno. - Toj estestveno govori - Estestveno toj govori; Tja bese s estestveno bjala kosa. - Tja bese s bjala kosa estestveno. Tja estestveno bese s bjala kosa.* etc. The described type of subordinating syntactic relationship which could be called **correlation** is a classificational (and therefore definitive) feature for the particles but not for the adverbs.

*Malicki, Jan
Biblioteka de Silesia, Katowice
Polonia*

ŚWIAT I CZŁOWIEK. ANTYNOMIE BAROKOWEJ LITERATURY POLSKIEJ

Pytanie o istotę człowieka i człowieczeństwa należy do zbioru pytań podstawowych dla całej kultury. Jednak próby odpowiedzi na nie nigdy nie były jednoznaczne. Szczególnie doniosłe stały się one w epokach takich, jak renesans czy barok. O ile, gdy chodzi o renesans, a więc przelom XV-XVI wieku i cały wiek XVI, wielokrotnie nań odpowiadano, o tyle barok, kultura XVII stulecia, jest jeszcze terenem nie rozpoznanym.

Celem pracy jest ukazanie konwencji antropologicznych /człowiek - świat - natura - Bóg/ wpisanych w teksty teoretycznoliterackie i poetyckie, ukazanie ich roli w tworzeniu rzeczywistości literackiej oraz relacji pozatekstowych.

Przedmiotem analizy będą z jednej strony - teoretyczne traktaty o poezji, z drugiej zaś - twórczość najwybitniejszych poetów polskiego baroku.

*Marín Estremera, M^a del Carmen
Universidad Complutense de Madrid*

EL GÉNERO POÉTICO COMO MEDIO DE INVESTIGACIÓN LITERARIA

El desarrollo del trabajo que presento en estas jornadas de eslavística, consistirá en una detallada comparación entre varios autores que cultivaron el género poético, tomando como ejemplo a un poeta checo de los que escribieron en lengua alemana, Rainer María Rilke y a un grupo de poetas rusos pertenecientes a la llamada Edad de Plata de la literatura rusa.

Trataré de analizar la elaboración de su obra poética enfocada desde el punto de vista de la investigación literaria, (si la hubiera), tomando como punto de referencia la obra de R.M.Rilke "Elegías de Duino" y "los Sonetos a Orfeo".

*Mencwel, Andrzej
Universidad de Varsovia
Polonia*

PROBLEM "POLSKIEGO RODZAJU TWÓRCZOŚCI"

W roku 1914 w Zakopanem Stefan Żeromski wygłosił odczyt pt. *Literatura a życie polskie*, w którym "polski rodzaj twórczości" przeciwstawił "europejskiemu". Ten pierwszy był instrumentalny, socjologiczny i koletywny, ten drugi autoteliczny, psychologiczny, indywidualistyczny. Mistrzami pierwszego byli "wieszcze" (Mickiewicz, Słowacki, Krasimski), mistrzami drugiego "psychologowie" (Stendhal, Flaubert, Dostojewski). Trafnie ujmował pisarz nie tyle różnicę typów sytuacji literatury. W sytuacji "normalnej" (europejskiej) literatura nie pełny zastępczych obowiązków politycznych i społecznych (bo działają właściwe instytucje), w sytuacji "nienormalnej" (polskiej) jest jednocześnie instytucją artystyczną, polityczną i społeczną. Wiąże się to z brakiem suwerennego państwa, demokratycznego podziału władzy, anachronizmem struktur społecznych. Ta "nienormalna" sytuacja dotyczy nie tylko Polski, ale także innych krajów słowiańskich i środkowo europejskich w XIX i XX wieku.

Teza Żeromskiego, choć wydawała mu się historyczna, była naprawdę typologiczna. W konstrukcji generalnej była przenikliwa, choć w szczegółowych ilustracjach wątpliwa. Chcę sprawdzić "wydajność" zarówno przestrzenna, jak i czasową tej konstrukcji generalnej. Pytam więc w jakiej mierze ów "polski rodzaj twórczości" stanowi o swoistości literatury polskiej, w jakiej też jest w XIX wieku "ideałem narodowej literatury słowiańskiej" a także, jak widać to w XX wieku literatur innych kontynentów? W jakim też sensie odpowiadają temu rodzajowi literatury "romantycznego odrodzenia narodowego" w krajach słowiańskich i środkowo europejskich? Kiedy właściwie i w jakich warunkach historycznych (niepodległe państwo, budowa demokracji, przemiany społeczne) siła tego wzoru się wyczerpuje? W jakim sensie i w jakim zakresie przedłuża, mimowolnie, żywotność tego wzoru sowietyzm i co się dzieje po jego upadku? Czy manifestacyjna autoteliczność (najnowsza literatura polska), teatralne powtórzenia (powrót Sółżenycyna do Rosji) albo też plemienny regres (ideologia Radovana Karadžicia) stanowią typowe odpowiedzi na ten upadek? Oto kwestie, które raczej chciałbym otworzyć niż zamknąć, raczej poszukiwać odpowiedzi niż je przedstawić.

*Miczka, Tadeusz
Universidad Silesiana de Katowice
Polonia*

PERSPEKTYWY STUDIÓW SLAWISTYCZNYCH W POLSCE W OKRESIE PRZEŁOMU KULTUROWEGO

W Polsce po 1989 roku, czyli po zmianie ustroju społeczno-politycznego, następuje intensywny rozwój refleksji i edukacji slawistycznej, dynamizowany przez spór między - ogólnie rzecz biorąc - modernistami i postmodernistami. Pierwsi nadwartościowują kategorię "tożamości", drudzy - "różnicy". W moim wystąpieniu podejmuję próbę pogodzenia obydwu stanowisk, zwracając uwagę na nowe komunikacyjne aspekty tej dziedziny badań i praktyki edukacyjnej, które otwierają przed nimi rozległe i pozytywne perspektywy rozwoju. Odwołuję się do procesów zachodzących w Polsce, ale w moim przekonaniu podobno sytuacja istnieje w innych krajach słowiańskich.

Niewątpliwie ważnymi wyznacznikami obecnego przełomu kulturowego są paradygmaty postmodernistycznego myślenia występujące w ukrytej formie w społeczeństwie totalitarnym i w jawnej postaci w społeczeństwie posttotalitarnym (tej prolektyce poświęcona była międzynarodowa konferencja zorganizowana przez slawistów z Uniwersytetu Śląskiego w 1993 roku, która zaowocowała książką pt. "Postmodernism in the Literature and Culture of Central and Eastern Europe", Katowice 1996). Po upadku "realnego socjalizmu", czyli idei ostatecznego uporządkowania świata i strukturalizacji zbiorowej świadomości, to właśnie syndrom posmodernizmu wywiera największy wpływ na komunikację społeczną, która ulega presji konsumpcyjnego stylu życia i nowich (intermedialnych) form kultury audiowizualnej. W rezultacie zachodzą istotne zmiany w potoczych zachowaniach komunikacyjnych, przede wszystkim trwa przechodzenie od "lektury" do "nawigacji", od "transmisji" do "interaktywności" i od "percepcji" do "obecności w obrazie", a w nauce i edukacji wzrasta rola

wiedzy potocznej (bon sens i sens commun). Potoczność staje się terenem konfliktu między rodziną tradycją i kulturą a myśleniem o zjednoczeniu Europy i osiągnięciu amerykańskiego poziomu życia.

W tej sytuacji konieczna jest głębsza zmiana w uprawnianiu refleksji slawistycznej i reforma modelu edukacji slawistycznej, tak aby badania stały się bardziej interdyscyplinarne, służyły rozmowie kultur, wymianie wartości, wzorów i kategorii myślenia a studia stały się formą komunikacji międzykultурowej służącej pojednaniu tożsamości z różnicą. Coraz bardziej anachroniczne staje się myślenie o kulturze podporządkowane zagadnieniom komunikacji wewnętrzkurowej i dlatego wzrasta znaczenie antropologicznej teorii kontaktu międzykulturowego, komunikacji transkulturowej oraz dialogu i współpracy nosicieli różnych kompetencji kulturowych.

*Минкова, Людмила
Minkova, Liudmila
Universidad de Plovdiv
Bulgaria*

РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНО-МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Интерес автора к теме вызван тем, что вопросительные предложения могут содержать в себе не только собственно вопрос, в чем, безусловно, заключается их основная функция. Кроме задаваемого вопроса в вопросительных предложениях может присутствовать и прагматический элемент высказывания, что очень часто наблюдается в живой речи. При этом существенную роль играют интонационное оформление и окружающие слова /частицы, междометия и др./, придающие высказыванию дополнительное субъективно-модальное отношение и эмоциональную нагрузку.

В статье внимание автора направлено не на функционирование собственно вопроса, поскольку оно находит выражение в получении ответа на интересующую нас информацию, а на многозначность высказываний при реализации различных субъектно-модальных значений в разных типах вопросительных предложений с учетом интонационной вариативности.

На базе приведенных примеров из живой речи устанавливается различное отношение субъекта к предмету высказывания. Рассматриваются вопросы без вопросительного слова, с вопросительным словом, вопросы с частицами, риторические вопросы, вопросы-переспросы. Указаны различные оттенки, которые передаются этими предложениями: радость, грусть, удивление, сочувствие, упрек, возмущение, недоумение, сомнение, недоверие и др. Эти оттенки находятся в прямой зависимости не только от интонационного оформления и окружающих слов, но в основном они зависят от ситуации общения, от контекста всего высказывания, что учитывается автором.

Миронеско, Е.М.

Mironesko, E. M.

Universidad de Granada

ПОЛИСЕМИЯ В РУССКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ И ЕЕ ПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Полисемия-семантическая универсалия, возникающая как неизбежное следствие диспропорций между числом знаков речи и количеством понятий, ищущих выражения в языке. Специальная лексика заинтересована в ее отсутствии, поскольку точное распределение единиц плана выражения между единицами плана содержания обеспечивает оптимальное выполнение термином функции "представителя" научного понятия в процессе хранения и передачи информации. Поэтому однозначность справедливо считается достоинством термина. Однако это требование может быть выполнено лишь "идеальным" термином, взятым изолированно от общей лексической системы языка. Для реально существующих специальных наименований, входящих в словарный состав языка и испытывающих на себе действие общих внутренних закономерностей развития лексики, моносемичность является желательным, но далеко не всегда достижимым свойством.

На наш взгляд, исследование полисемии в сфере специальной лексики должно проводиться в контексте общей лексической системы языка, что дает возможность проследить реализацию общеязыковой тенденции к вмещению одной знаковой формой целого ряда содержаний и рассмотреть слово как единую систему внутренне связанных значений, актуализирующихся в разных функциональных сферах.

Анализируемые нами случаи совмещения в смысловой структуре слова терминологического и нетерминологического значений демонстрируют действие межъязыковой закономерности появления дополнительного специального значения в семантике слова: широта многозначности прямо пропорциональна узуальности слов. Терминологические значения развиваются в первую очередь у единиц общеупотребительного круга лексики, обозначающих наиболее важные предметы и понятия человеческого бытия (подушка, постель, хомут, и т. д.).

В меньшей степени, чем полисемия, в языке распространена омонимия. Разграничение полисемичных и омонимичных терминов осуществляется нами по семантическому критерию - наличию либо отсутствию тождественных семантических компонентов, входящих в смысловую структуру термина (например, банкет - "торжественный званый обед или ужин в честь какого-либо лица или события" и банкет - "невысокий земляной вал, служащий для защиты выемки от стекания в нее воды").

Исследование полисемии и омонимии в сфере специальной лексики исключительно важно не только в теоретическом, но и в прикладном аспекте, и прежде всего при обучении русскому языку как иностранному. В процессе презентации полисемов и омонимов должен быть максимально использован большой смыслоразличительный потенциал микро- и макроконтекста, позволяющий учащимся наблюдать функционирование терминов в их реальном языковом окружении.

*Molina Moreno, Francisco
Universidad Complutense de Madrid*

DOS POETAS MÚSICOS: SADKO Y ORFEO (PROLEGÓMENOS A UN ESTUDIO COMPARATIVO)

En este trabajo, intentamos una aproximación a un estudio comparado de las figuras de dos poetas - músicos de los más representativos en el conjunto de las mitologías de los pueblos indoeuropeos: Sadko, en la mitología eslava, y Orfeo, en la griega. Antes de abordar dicho estudio, procederemos a examinar hasta qué punto Sadko es un personaje mítico, pues, si Orfeo pertenece, sin que nadie lo discuta, al corpus de la mitología griega (aparte de sus orígenes tracios, que comparte con casi todos los poetas - músicos míticos de Grecia), la consideración de Sadko como personaje mítico puede plantear algunos problemas.

Tras una observación acerca de las fuentes de nuestra investigación, analizamos las manifestaciones de la música en las dos leyendas. Respondemos a varias preguntas:

- a) ¿Cuáles son los medios del arte de estos dos personajes? Los dos cantan y se acompañan con un instrumento de cuerda pulsada.
- b) ¿Cómo describen los textos el juego musical de nuestros héroes? En el caso de Orfeo, la descripción de su arte tiene que ver con la estética musical griega; en el de Sadko, las fuentes aluden a algunas características expresivas que pueden ponerse en relación con las de la música folklórica rusa.
- c) ¿Sobre qué o sobre quién influyen Sadko y Orfeo a través de la música? Ambos ejercen una influencia prodigiosa sobre la Naturaleza y sobre seres sobrenaturales asociados con ciertos dominios de ésta. Aparte de ello, los dos aparecen integrados en el contexto de una sociedad humana con rasgos tomados de aquéllas en las que las leyendas fueron creadas y transmitidas.
- d) ¿Qué efectos consiguen los dos poetas - músicos sobre la Naturaleza y sobre esos seres sobrenaturales? Orfeo impone un orden a la Naturaleza; Sadko, aparentemente, altera el curso de los fenómenos naturales, pero tales alteraciones suponen una "teofanía" que revela cómo Sadko y Orfeo comparten una privilegiada capacidad de comunicarse con lo sobrenatural a través de la música.

*Molle, Kunka
Universidad de Sofía "S. Kliment Ojridski"
Kusumageeta
Manasagangotri, Mysore, India*

LEXICAL ANALOGIES IN BULGARIAN, KANNADA AND HINDI

The article compares the lexical systems of Bulgarian, Hindi and Kannada (of the family of Dravidian languages, spread in South India). Although there is no genetic relationship and

territorial proximity between them, there is a possibility - with the help of a language "mediator", common for thirds languages - to establish a number of lexical items which have analogous or close semantic functions in these languages and have common roots from the etymological point of view. Some lexemes that from the synchronous point of view have preserved the phonetic appearance of the origin, are put to analysis. Sanscrit, Persian and Turkish serve as "mediators".

Морозова, Елена

Morozova, Elena

Universidad de Sarátov

Federación Rusa

"FIN DE SIECLE" В РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ "СТИЛЯ МОДЕРН".

В европейской культурологии рубеж XIX-XX веков называют эпохой "fin de siècle", эпохой "конца века". Глубинный смысл этого понятия заключается не в хронологических рамках эпохи, а означает конец старой цивилизации, конец старой Европы. "Дальше идти некуда,- писал русский философ, поэт Д. Мережковский,- исторический путь пройден, дальше обрыв и бездна. Россия, как и Европа, дошла до какой-то окончательной точки и колеблется над бездной".

Индустриализация, новые научные открытия, предчувствие мировых катаклизмов породили так называемое рубежное мировоззрение. Мир лишился гармонии, устойчивости и определенности, изживаются старые формы и принципы искусства. Несовершенство мира приводит творческую интелигенцию к мысли о том, что сформировать новую систему человеческих отношений можно только с помощью искусства. В документах Дармштадтской выставки 1901 года говорилось: "Все искусство. И не существует человеческих вещей, которые могут значить что-то иное, кроме искусства".

Появляется новый стиль, который известен под названиями "Art Nouveau" во Франции и Бельгии, "стиль модерн" в России, "Jugendstil" в Германии, "Arte Nuevo" в Испании. Несмотря на различные названия, в основе этого интернационального идеино-художественного движения лежала отчетливая программа панэстетизма, которая имела свои принципы и особенности, наиболее отчетливо проявлявшиеся в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре (центрами архитектуры стиля модерн стали Мюнхен в Германии, Москва в России, Барселона в Испании).

*Muñoz, Alejandro
Universidad de Granada*

KINOGLAS: EL NIEVO LENGUAJE CINEMATOGRÁFICO Y LOS LENGUAJES DE LA VANGUARDIA RUSA DE LOS AÑOS 20

Durante quince años he aprendido la cine-escritura. He aprendido el arte de escribir no con la pluma sino con la cámara. La falta de un alfabeto cinematográfico era molesta. He intentado crear este alfabeto. Me he especializado en la "cine-escritura de los hechos". Me he esforzado en convertirme en un cine-escritor de noticiarios. He aprendido este oficio ante la mesa de montaje.

Estas líneas pertenecen al cineasta ruso Dziga Vertov. Tanto él como Lisitzki y Tatlin buscaban un nuevo alfabeto que pudiera compensar los déficits que poseía el alfabeto convencional en relación con las nuevas circunstancias del mundo en los años 20. Mayakovski vio en el cine una posibilidad de hablar a un público de masas en un idioma más universal y encontró en la práctica del "Cine-ojo" de Vertov la realización de estas ideas.

La ponencia trata de la búsqueda de un lenguaje alternativo tanto a niveles fonéticos (Jlebnikov) como visuales por las vanguardias rusas de los años 20, así como de las repercusiones de estos comienzos en el lenguaje de los medios audiovisuales modernos.

*Nagórko, Alicja
Universidad Humboldt de Berlin
Alemania*

TYPOLOGICZNA WARTOŚĆ SŁOWOTWÓRSTWA NA MATERIALE JĘZYKÓW SŁOWIAŃSKICH I NIESŁOWIAŃSKICH

Przedmiotem porównawczej analizy ma być płaszczyzna strukturalna i semantyczna derywatów, a więc z jednej strony - porównanie takich parametrów, jak pozycja nadziednika, binarność budowy, charakter formantu, z drugiej - zestawienie struktur konceptualnych i onomazjologicznych w różnych językach (polski, czeski, słowacki, rosyjski, niemiecki, angielski ...)

Немшилова, З. Я

Nemshilova, Z. Ya.

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Syktyvkar)

Federación Rusa

ЛИЧНОСТЬ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО И ТЕМА ХРИСТИАНИЗАЦИИ КОМИ-ЗЫРИЯН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРЕ

Миссионерская деятельность Стефана Пермского - одна из ярких страниц славяно-финно-угорских исторических, религиозных и литературных связей. Духовный подвиг его сопоставим только с подвигом солунских братьев - Кирилла и Мефодия. Созданную для пермян-язычников письменность он рассматривал как средство включения их в культуру всего цивилизованного мира. Благодаря Стефану зыряне первыми из финно-угорских народов приняли христианскую веру и добровольно вошли в состав русского централизованного государства.

Масштабность личности первокрестителя пермян, необычность методов (не мечом и огнем, а книгой и любовью) его миссионерской деятельности поражали коми-зырян, сохранивших устную память о нем до наших дней. В мае 1996 г. в Сыктывкаре состоялась международная конференция, посвященная 600-летию успения Стефана Пермского "Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры".

Неординарная личность Стефана Пермского, его уникальный опыт крещения пермян, его роль в столкновении двух типов мировоззрения на Коми земле - языческого и христианского - давали простор воображению писателей, вызывали неоднозначность авторского восприятия его деятельности, возможность различных художественных модификаций.

Тема христианизации пермян волновала как славянских, так и финно-угорских писателей с XIV по XX в.в. (литературный билингвизм позволяет относить некоторых из них и к той, и к другой культуре) и получала различное художественное решение в зависимости от времени, мировоззрения писателя, индивидуальной авторской позиции. Произведения русской и коми литературы, посвященные христианизации коми-зырян, можно сгруппировать по различным признакам: по хронологическому (дооктябрьский период, послеоктябрьский период); с точки зрения людей духовного звания и знатоков истории религии (Е.Премудрый, летописцы, Н.Лесков, Г.Лыткин, И.Куратов, К.Жаков, Л.Смоленцев); взгляд русского чело-века недуховного звания (И.Лепихин, П.Засодимский, А.Круглов, М.Лебедев, В.Чисталев, С.Попов, А.Росторгуев); точка зрения коми-зырянина (Г.Лыткин, И.Куратов, В.Чисталев, С.Попов); позиция двуязычных писателей (И.Куратов, Г.Лыткин, К.Жаков, М.Лебедев); по жанровому своеобразию (житие - Е.Премудрый, летопись; путешествие - И.Лепихин, очерк - П.Засодимский, А.Круглов, Г.Лыткин, Л.Смоленцев; новелла - К.Жаков; поэма - М.Лебедев, В.Чисталев, С.Попов; драматическая поэма - И.Куратов, А.Росторгуев).

Ни один из этих уровней конфликтным по отношению к другим не является: на каждом из них сохраняются две позиции, заданные Е.Премудрым в XIV в. и писателем-народником П.Засодимским в XIX в.; 1) панегирик Стефану Пермскому, 2) двойственность в отношении к нему и в оценке результатов христианизации коми-зырян. Эти две позиции остаются в славянской (русской) и финно-угорской (коми) литературе до наших дней.

Николаев, Г.

Nikolaev, G.

Universidad Estatal de Kazán

Federación Rusa

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

При исследовании семантических проблем исторического словообразования русского языка необходимо учитывать такое специфическое явление древнерусского языка, как синкетизм всех типов языковых значений (категориальных, грамматических, словообразовательных и лексических) и постепенное его разрушение по направлению к современности. При этом необходимо иметь в виду, что феномен словообразовательного типа (СТ) как основной единицы словообразовательной системы не был изначально дан языку, а складывался в нем и отстаивался во всех своих характеристиках в ходе исторического развития этой системы.

Так, категориальный синкетизм производящих (например, именных) основ свидетельствует о том, что словообразование в древнерусском языке и других древних славянских языках первоначально носило внутрекатегориальный характер (имя-имя). Внутрекатегориальными были и такие сугубо "отлагольные" СТ, как имена на -ние, -ьба, -тель, -ька и др. Межкатегориальное словообразование в системе имени формировалось в процессе развития глагольно-именных и субстантивно-адъективных словообразовательных отношений.

Древнерусское производное слово, будучи синкетичным по своей словообразовательной семантике, совмещало в своей смысловой структуре ряд значений, которые не могли быть четко дифференцированы даже контекстуально. Ср. пример А.А.Потебни: "Бог спас наш" - "бог спаситель наш" и "бог спасение наше" (с.93). В связи с этим их нельзя квалифицировать как чисто словообразовательные значения, т.е. обобщенные, отличающиеся от лексических. В этом смысле СТ представлял собой в древности своего рода словообразовательную категорию, но только при отсутствии четкой оппозиции складывающихся ее словообразовательных значений.

История становления и развития каждого СТ в русском языке в значительной степени была связана с семантическим развитием производящих и производных слов и закреплением отношений между ними строго определенным аффиксом. В этих процессах для производящих важно было определиться в плане их частеречной принадлежности, для производных - в плане их словообразовательной семантики, хотя последние тоже проходили через стадию категориальной определенности (если это касалось имени) во взаимодействии с производящими словами.

Развитие словообразовательных значений проходило на основе семантической доминанты производной синкеты и было сбалансировано с развитием семантики производящей базы данного СТ. Это соответствие процессов в крайних точках словообразовательной модели (производящее - производное) подразумевало и зависимость семантической доминанты (при распаде синкетизма), то в левой части модели (сфере производящего) наряду с распадом синкеты и утверждением категориальной семантики могла произойти и смена производящей базы.

Выбор и усиление семантической доминанты производной синкеты зависели в определенной мере от категориальной семантики производящего и опирались на традиции текстового употребления производных образований.

Распад синкетической семантики производных слов приводил к возможности оформлять одним словообразовательным средством разные значения, ранее входившие в синкету, а теперь составляющие семантическую парадигму слова. Такие явления вели к формированию словообразовательной омонимии в процессе выкристаллизования словообразовательных типов в системе языка. В свою очередь прежняя вариативность в словообразовании трансформируется в словообразовательную синонимию.

*Olivares Niqui, Alfons
Universidad de Barcelona*

PERSPECTIVA DE LA SINTAXIS BÚLGARA DESDE LAS LENGUAS ROMÁNICAS

Todas las funciones lingüísticas (o, por lo menos, todas las que son significativas en su contexto cultural) existen en todas las lenguas; es la forma de expresarlas la que puede variar enormemente, hasta el punto de hacernos dudar de su existencia. Desde ese punto de vista no nos parece gratuito afirmar que el búlgaro podría considerarse el punto de concurrencia entre el mundo eslavo y el mundo neolatino.

Conceptual y léxicamente es una lengua eslava, pero sus características morfológicas (criterios parecidos de determinación, carencia de flexión nominal y adjetiva, flexión pronominal paralela a la nuestra, conservación del sistema temporal del eslavo antiguo coexistiendo con la categoría tipicamente eslava de aspecto) hacen del búlgaro una lengua particularmente familiar para nosotros, hablantes de lenguas romances.

Las reglas de reescritura obtenidas a partir del análisis estructural de constituyentes de un texto búlgaro pueden ser aplicables en un gran número de casos a su propia traducción a una lengua románica.

En corroboración de lo antedicho se analizan someramente una serie de funciones sintácticas: determinación (univocidad, cualificación, cuantificación), descripción (localización, existencia, posesión), deixis (personal, espacial, temporal) y pertinencia (negación, interrogación, focalización).

Ольховиков, Д.

Olovikov, D.

Universidad Lingüística de Moscú

Federación Rusa

ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ ТЕОРИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРАКТИКИ В ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ЕГО ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ

Любое стилистическое описание явлений поэтической образности - и, в первую очередь, метафорической образности - имеет двойственный характер. С одной стороны, оно отражает имманентную природу языковых фактов, с другой - есть результат их концептуализации под определенным углом зрения. В рамках русской литературной традиции эволюция теоретических взглядов на природу словесного образа обусловлена как внутренними факторами развития филологического знания, так и, конечно же, отражением в нем объективных изменений, затрагивающих содержательную и формальную стороны образа, его функции в поэтической речи. Тем самым, языковая данность и осмысление ее языковой личностью представляют собой два взаимосвязанных компонента языковой культуры. Здесь наблюдается динамическое взаимопроникновение теории и практики, предписаний к употреблению и их индивидуально-авторской реализации, консерватизма традиции и языкового новаторства. В употреблении метафоры в стилистических целях наиболее очевидно проявляется зависимость словесного образа от широкого контекста языковой культуры. Зависимость эта обусловлена, во-первых, системным взаимодействием различных сфер функционирования языка, во-вторых, особо важной ролью сознательного, в противовес стихийным процессам, в области стиля. Поэтические средства украшения речи не существуют в абсолютном отрыве от поэтического сознания носителей языка, от общего состояния культуры художественной речи и науки о ней. Научная интерпретация элементов культуры художественной речи, выполненная в метаязыке и в рамках эстетических категорий своего времени, фиксирует объективные свойства самого объекта исследования, но, вместе с тем, всякий раз привносит в исследуемый объект какие-то новые черты, отражающие творческое сознание его исследователя. В этом плане представляется продуктивной трактовка образных средств языка как эволюционирующей системы художественно осмысленных в истории языковой культуры гетерогенных по своей природе стилистических единиц. В основу категории языковой образности должен быть положен признак устойчивой принадлежности тех или иных стилистических средств языка и традиции словесной культуры, формирующей и закрепляющей их своеобразную отмеченность, литературность, в совокупности с фактором осознания особой выразительности этих средств со стороны языкового сообщества. Исследование такого взаимовлияния теории и практики представляет особый интерес при изучении русской словесности XVIII-начала XIX века, являющей нам пример зарождения и интенсивного развития поэтического языка в эпоху достаточно высоко развитой национальной культуры и научной мысли.

Ольшевская, Л. А.

Olshevskia, L. A.

Instituto de Lengua Rusa A. S. Pushkin, Moscú

Federación Rusa

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ПАТЕРИКОГРАФИИ

Жанр "патерика", сборника произведений о святых какой-либо одной местности, имел широкие географические рамки хождения и многовековую историю до того, как стал развиваться в русской литературе. Переведенные с греческого на славянский язык в X-XI вв. Скитский, Синайский, Египетский и Римский Патерики рано вошли в круг чтения древнерусского человека, приобщая его через простые по стилю и занимательные по форме рассказы о жизни монахов к высоким истинам христианства. Позднее они послужили литературной основой для составителей первых русских патериковых сводов, самым известным из которых является Киево-Печерский Патерик.

Благодаря работам В. Яковleva, Л. Абрамовича, И. Еремина, И. Дуйчева, Ф. Бубнера удалось определить состав, причины и функции заимствований в первом русском патерике. Появление "общих мест" в житийном повествовании - результат строгой регламентированности монастырской жизни, господства в средние века эстетического принципа подобия, диктата жанрового канона. Как и переводные патерики, Киево-Печерский представлял собою жанр-ансамбль, структура которого отличалась сложностью и подвижностью. Разнородный по времени создания, атрибуции, жанрово-стилевому признаку материал русского патерика организует прием "переписки" между владимиро-суздальским епископом Симоном и пещерским монахом Поликарпом (в Синайском патерике - это условная форма "хождения", в Римском - "беседы").

Другой национальной особенностью русской патерикографии является активное взаимодействие в истории ее развития двух жанровых начал - агиографического и летописного. Киево-Печерский, Волоколамский, Псково-Печерский, Соловецкий патерики - это своеобразные агиографические летописи монастырей. Для русских патериков характерны наличие "летописных" предисловий, хронологический принцип расположения материала и открытость структуры, расширение состава сборника за счет внедрения в него летописных данных и статей, обилие исторических реалий, стремление согласовать или сознательно противопоставить официальной летописной версии интерпретацию того или иного факта монастырским преданием. Киево-Печерский патерик свидетельствует о неотделимости в сознании его создателей монастырской истории от общерусского и мирового исторического процесса. Недаром часть основания главной святыни Печерского монастыря, Успенского собора, разделена между представителями трех культур: славянской, греческой и скандинавской. Сам Киево-Печерский патерик является достоянием не только русской, но и украинской литературы, ибо формирование его приходится на XI-XII вв., а первая печатная редакция памятника появилась на польском языке (1635).

В отличие от переводных патериков, в русских летописном начало, конкурируя с беллетристическим, ослабляло его. В них меньше "благочестивых романов" и произведений новеллистического типа, чем, например, в Синайском патерике, где слились воедино традиции ранней христианской агиографии и поздней эллинистической романистики. Киево-Печерский и Волоколамский патерики

избежали дробной архитектоники переводных "отечников", сгруппировав патериковые "слова" и "поучения" вокруг двух идеиных центров, находящихся в преемственной связи и одновременно в противостоянии. "Антоньевский" и "Феодосьевский" циклы в Киево-Печерском патерике ("Пафнутьевский" и "Иосифовский" в Волоколамском) связаны с выбором пути развития русского монашества, с утверждением приоритета общежительной формы над затворничеством и крайними формами религиозного подвижничества.

Черты национальной самобытности свойственны и истории развития русской патерикографии. Пропатериковый характер имели древнее ядро русского летописания, жития основателей лавры, что во многом способствовало возникновению историко-литературного феномена: Киево-Печерский патерик был первым и самым значительным памятником этого жанра. Начиная с Волоколамского патерика (XVI в.), жанр утрачивает замкнутость в рамках монастырского агиографического эпоса, превращаясь в патерик иосифлянской школы монашества, где вынашивается идея создания общерусского патерикового свода. В XVIII-XIX вв. возникают многочисленные патерики русских монастырей, городов, епархий.

*Ondrejovič, Slavo
Instituto L. Štúr.
Bratislava, Eslovaquia*

SLOVENČINA A SLOVÁCI V DOLNOM RAKÚSKU

Jestvujú menšiny, etnické a jazykové skupiny, ktoré, obrazne povedané, pozná celý svet. Baskovia v Španielsku a Francúzsku, Laponci v Škandinácií, Katalánci a Bretónci vo Francúzsku, Juhotirolčania v Taliansku a Maďari na Slovensku sú toho príkladom. Ale su menšiny a jazykové skupiny aj vo vedeckom svete známe len istému okruhu odborníkov. Medzi tie druhé patria ešte stále aj Slováci v Rakúsku.

Jazyková situácia v Dolnom Rakúsku predstavuje mimoriadne zaujímavú výskumnú tému pre dialektológov, etnografov, historikov a sociolinguistov. Okrem iných slovanských národností tu oddávna žije aj pôvodom slovenské obyvatelstvo. Koncom 19. storočia bolo v Dolnom Rakúsku vyše 7000 Slovákov (A.V. Šembera), podľa sčítania v r. 1934 ich už ostalo len niekol'ko desiatok. Ak do 1. sv. vojny sa pestovalo v oblasti silné slovenské povedomie, rozpadom Rakúsko-Uhorska začala aj "tichý zánik" slovenskej menšiny. Dolnorakúski Slováci prestali používať verejne slovenčinu, lebo mali strach, že budú pripojení k ČSR. V súvislosti so slov. menšinou sa v odbornej literatúre hovorí o "zabudnutej", či dokonca "tajnej" menšine, ad ked' v r. 1993 získala oficiálny status "Volksgruppe". V prednáške sa uvádzajú sociolinguistickí opis jazykovej situácie, skúmanej medzi staršou generáciou, ktorá slovenčinu ešte pozná a používa, ale aj medzi strednou a mladšou generáciou, ktorá už po slovensky nehovorí. Údaje sa získali najmä etnometodologicky orientovanou konverzačnou analýzou.

Orłowski, Jan

*Universidad Marie Curie Skłodowska de Lublin
Polonia*

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ СВЯТОЙ РУСИ В ПОЭЗИИ И МЫСЛИ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Даниил Андреев (1906-1959) был вторым сыном известного в русской литературе прозаика и драматурга Леонида Андреева. Судьба Даниила Андреева оказалась многострадальной, он стал жертвой времен террора, годы 1947-1957 провел в заключении. После освобождения, тяжело больной, прожил только неполных два года, скончался на 53 году своей жизни.

Даниил Андреев - талантливый поэт и оригинальный мыслитель. Большинство его произведений (среди них и мифо-поэтический трактат "Роза Мира") было создано в тюремных условиях. Без цензурных препятствий они печатаются теперь в России лишь с 1989 года как возвращаемое и открываемое наследие недавнего прошлого.

Главной темой поэзии Д.Андреева является русская история. Она постигается потом в религиозно-этических категориях как постоянная борьба сил Добра и Зла, Просветления и Тьмы, как плаванье к Небесному Кремлю, достижение которого является конечной и святой целью русской истории.

Андреевский Небесный Кремль является перевоплощением идеи России как Третьего Рима, Святой Руси, Нового Иерусалима. В поэзии Андреева выразилась сакрализация и одновременно мифологизация русской истории (поэма "Навна"). Историческая мысль Даниила Андреева восходит к традициям Достоевского, Соловьева и Блока.

Осипова, И.А.

Osipova, I. A.

Universidad Eötvös Loránd de Budapest

Hungría

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕМА И КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Определение объёма и качества знаний по языку-специальности у иностранных студентов-филологов — вопрос, не теряющий своей актуальности, несмотря на то, что преподавание филологам имеет глубокие корни и традиции во многих университетах мира. Утопический постулат о том, что «знания филолога должны приближаться к знаниям носителя языка» отнюдь не освобождает нас от необходимости более чётко определить границы и объём этого языкового материала, прогнозировать глубину его осмыслиения и трудности, с которыми встречается студент на пути его усвоения.

Наиболее распространённой формой описания языкового, в первую очередь, грамматического, материала в иностранной аудитории является функциональный подход к нему. Являясь чрезвычайно удобной формой описания, позволяющей как бы наметить границы в этом на первый взгляд безграничном море явлений, такой подход, представленный в ряде учебников и пособий российских коллег, решает лишь часть наших проблем. Он исходит из системы русского языка и анализирует инвентарь средств, используемых для выражения тех или иных смыслов, на её основе. Однако порождение речи на иностранном языке, являющееся конвертацией разного рода (в некоторых случаях, простым переводом единиц, в некоторых — попыткой конвертации смыслов, функций и т.д.), процесс многоплановый, где наложение двух языковых систем сопровождается и множеством психологических трудностей. Опыт разработки такого контрастивно-функционального курса для венгерских студентов позволяет сделать некоторые обобщения, интересные и для носителей других языков.

*Otero Macías, Fernando
López Díaz, Ana Belén
Universidad Complutense de Madrid*

MALDICIONES, CONJUROS Y PROFECIAS EN LA EPICA RUSA ANTIGUA

A pesar de los numerosos trabajos de investigación y de síntesis llevados a cabo durante los dos últimos siglos, el problema de la religión de los antiguos eslavos permanece abierto. Muchas de sus características siguen siendo controvertidas, tanto por lo que respecta a la estructura de la religión eslava (jerarquía y funciones de los dioses, su distribución étnica y geográfica, evolución temporal, etc.) como en lo concerniente sus relaciones con otras religiones antiguas (relaciones genéticas y relaciones debidas a contactos con otros pueblos).

Los datos en los que se basan los intentos de reconstrucción de la religión de los antiguos eslavos son escasos, tardíos, fragmentarios y, a menudo, contradictorios. Los primitivos eslavos no parecen haber recurrido a la construcción de templos salvo en casos excepcionales, probablemente como consecuencia de influjos externos. Asimismo, como es bien sabido, los eslavos recibieron la escritura con la cristianización, de modo que los testimonios medievales que nos informan de la religión eslava se caracterizan por su incomprendición y hostilidad. En definitiva, los restos materiales y documentales de la religión eslava son poco significativos y problemáticos.

Todo esto no impide que exista un notable consenso sobre algunos de los rasgos esenciales de la religión eslava. Uno de ellos consiste en el papel determinante desempeñado por las condiciones ambientales: se trataba de una religión con una marcada inclinación naturalista, en la que animales, plantas, aguas, fenómenos atmosféricos, etc. eran objeto de veneración. Otra nota característica es la importancia fundamental de la familia como ámbito de experiencia religiosa, con el consiguiente culto a los antepasados. Se trata de rasgos comunes a la mayoría de las religiones de los pueblos índoeuropeos, pero que entre los eslavos adquirieron especial

relevancia.

Ambos aspectos - sacratización de la naturaleza y culto a los antepasados - favorecieron un tipo de conducta religiosa en la que, más que la especulación teológica y la institucionalización del ritual, importan las posibilidades de actuar eficazmente hacia el entorno familiar y natural. Por eso abundan en ella los elementos "chamánicos" y las prácticas que, en un sentido amplio, podríamos denominar "mágicas". Se trata de un conjunto de creencias, actitudes y comportamientos que han sobrevivido en buena medida a la extinción de la religión de los antiguos eslavos, dejando numerosas huellas en la religión cristiana ortodoxa, en el folclor de los diversos pueblos eslavos y en no pocas manifestaciones literarias.

Este trabajo se propone, precisamente, rastrear algunas de esas huellas en el ámbito de la antigua poesía épica rusa, fundamentalmente en las "bylinas". Más concretamente, examina una serie de ejemplos que ponen de manifiesto la importancia que otorgan sus creadores a la eficacia de las palabras como "instrumentos mágicos" de diverso signo: maldiciones, conjuros, ensalmos, profecías, etc. son ingredientes habituales en esta literatura.

Oussiatínckaia, Irina

Universidad Taras Shevchenko de Kiev

Ucrania

LA INTERACCIÓN DE LOS SISTEMAS SÍGNICOS HETEROGÉNEOS EN EL POEMA DE OSIP MANDELSHTAM "EL IMPRESIONISMO"

El problema de interacción entre los sistemas sígnicos heterogéneos se apoya en la interpretación tradicional del signo, contando con las teorías más importantes en este ámbito: la teoría sígnica de F. de Saussure, la clasificación de los signos (según el carácter de la relación entre sus significados y sus significantes) de Ch. Pierce, la teoría lingüo-cultural de H.-G. Gadamer, el concepto del sistema sígnico de la obra artística desarrollada en la escuela lingüística rusa (Bajtín, Jacobson, Lotman, etc.), el concepto del lenguaje, perteneciente a Bénvenist, que posee las propiedades exclusivas para interpretar cualquier sistema sígnico de otra naturaleza; y algunas otras teorías.

Resulta interesante ver los rasgos y las particularidades que revela cada sistema en el proceso de interacción con otros sistemas sígnicos de carácter diferente, los mecanismos de esta interacción y las posibilidades que existen para traducir cierta información del lenguaje de un sistema sígnico al otro.

El texto elegido, en nuestra opinión, representa un ejemplo oportuno, dado que aquí podemos ver con claridad cómo actúan entre sí tres sistemas sígnicos diferentes: el lingüístico, el plástico y el poético. También podemos ver de qué modo un sistema puede interpretar a otro.

Realizando este análisis nos hemos encontrado ante un hecho: que este tipo de interacción puede realizarse solamente en el nivel de los sentidos más comunes y no de los significantes, que son propios de cada tipo de los signos.

Por ejemplo, la percepción de los signos plásticos es diferente de la percepción de los

signos lingüísticos gracias a que el signo plástico genera cierto complejo de asociaciones y reflejos psíquicos diferentes de los que causa la percepción del signo lingüístico.

Todo esto se demuestra perfectamente en el poema de O.Mandelshtam, donde el autor a través de los signos poéticos interpreta una imagen plástica: el cuadro de Claude Monet "Las lilas en el sol".

*Pérez Molero, Pedro Antonio
Universidad Complutense de Madrid*

СРАВНЕНИЕ ИСПАНСКИХ СЛОВ С РУССКИМИ ПО АССОЦИАЦИИ

Скоро будет опубликовано великолепное произведение доктора Карапурова "Ассоциативный словарь русского языка", в котором определяется с помощью стимулов и ответов, как русскоговорящие чувствуют слова не только по их значению, но и по отношению с собой и по отношению между самими словами.

Цель нашего доклада состоит в анализе разницы, если разница есть, между значениями для двух народов, русского и испанского, некоторых слов определенного семантического поля. Мы выбрали для этого основное для человека понятие "семья". Большинство обществ в мире организованы вокруг семьи, так что в принципе можно ожидать одинаковые ответы, но когда мы видим, что в разных обществах бывают разные ответы, мы понимаем, что культура и обстоятельства данного общества сильно влияют на каждого индивидуума и печатает на нем данные очерки.

*Петрухина, Елена В.
Petrujina, Elena V.
Universidad Estatal de Moscú
Federación Rusa*

ВИД И СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В КОГНИТИВНОМ РАКУРСЕ

1. Новые импульсы для изучения содержательной стороны категории вида и способов глагольного действия дают когнитивно ориентированные лингвистические теории.

2. Теория прототипов и естественная категоризация языковых единиц на основе понятия "фамильного сходства" позволяет объяснить объединение в рамках совершенного вида таких разных по значению глаголов как "взять", "сделать",

"прыгнуть" (прототипические глаголы СВ) и типа "поработать", "просидеть" (два часа), "понести" (чемодан), "насидеться" (периферийные глаголы СВ), решить дискуссионный вопрос о видовой принадлежности чешских глаголов типа *nachodit se*, глаголов движения с приставкой *ро-* типа *poletím, ponesu*; объяснить широкий функциональный диапазон глаголов НСВ и под.

3. Концептуалистская теория значения способствует изучению национально-языковых картин мира. При анализе языкового значения учитывается не столько объективная характеризация ситуации, сколько ракурс ее изображения в языковом знаке, в то время как в денотативно ориентированных семантических описаниях выбор курса, равно как и признака предмета при его номинации, остается как бы со скобками лингвистического анализа. Сопоставление способов глагольного действия в славянских языках показало, что даже между такими близкородственными языками, как славянские, существуют некоторые расхождения во фрагментах языковой картины мира - в восприятии и обозначении параметров протекания глагольного действия во времени (начала, конца, ограниченности во времени и т.д.)

*Pjeshjov, L. A.
Universidad de Kabardino-Balkaria, Nalchik
Federación Rusa*

ОБЪЯСНЕНИЕ ФЕ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Природа фразеологизма является причиной возникновения трудностей как при восприятии текста, так и при продуцировании.

Основные способы объяснения ФЕ - это толкование значения, перевод, указание на ситуацию употребления, историко-этимологический анализ, лингвострановедческий комментарий, информация о стилистической и pragматической характеристики.

В толковании значения нуждаются практически все ФЕ, т.к. существенным во фразеологическом значении оказывается не только денотативно-сигнификативное, но и коннотативное значение.

С целью изучения семантики ФЕ в иноязычной аудитории оказывается ~~рациональным~~ классификация ФЕ с точки зрения их мотивированности - немотивированности и выводимости их значения из ослабленного лексического значения компонентов:

- 1) Немотивированные ФЕ, внутренняя форма которых на современном этапе затемнена;
- 2) Мотивированные ФЕ, внутренняя форма которых прозрачна;
- 3) ФЕ, обладающие выводимостью их значения из ослабленного лексического значения компонентов.

Перевод нецелесообразно использовать для семантизации ФЕ, обладающих целостным немотивированным значением.

В объяснении ФЕ большую роль играет указание на ситуацию ее употребления.

Указание на ситуацию употребления следует после толкования значения ФЕ. Иногда объяснением ситуации употребления исчерпывается по существу смысл всей ФЕ.

В этимологическом описании ФЕ главное - это информация о первоначальной ситуации употребления.

Близко к этимологическому анализу стоит лингвострановедческий комментарий ФЕ. В задачи лингвострановедческого комментария входит объяснение русских реалий, исторических фактов и событий, нравов и обычаев, привычек и особенностей поведения русских людей.

Стилистические особенности употребления ФЕ непосредственно связаны с pragматическими условиями их употребления.

Понарядов, В.

Ponariadov, V.

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Syktyvkar)

Federación Rusa

К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Среди иноязычных заимствований в русском языке значительное место занимают тюркизмы. Общеизвестен факт, что их обилие обусловлено не только и не столько близостью ареалов расселения русского и тюркских народов, сколько сложной историей их взаимоотношений. Во всех учебниках указано, что наибольшее количество тюркских слов было заимствовано в XIII-XIV вв., в эпоху монголо-татарского ига. Это мнение представляется настолько оправданным с историко-политической точки зрения, что попытки обосновать его с филологических позиций не предпринимались. Между тем, при изучении времени заимствования каждого отдельного слова обнаруживается, что большинство их появляется в памятниках XVI-XVII вв., и количественный перевес настолько велик, что невозможно объяснить его худшей сохранностью более древних памятников. Вероятнее, что до этого их проникновению в письменные памятники препятствовала уходящая в домонгольский период литературная традиция. Кроме того, тюркские слова ассоциировались с Золотой Ордой, и патриотически настроенные книжники могли сознательно не допускать их в литературный язык. В XVI в. такое отношение к тюркизмам должно было исчезнуть вместе с исчезновением татарской угрозы русской государственности. Таким образом, заимствованные в XIII-XIV вв. тюркизмы могли длительное время оставаться нелитературными. С другой стороны, в XVI-XVII вв. происходят большие изменения в жизни русского государства, потребовавшие новых слов для обозначения новых реалий, и этими словами часто становились тюркизмы, чему способствовал переход на русскую службу большого числа представителей татарской знати (известно, что они составили до 40 % русского служилого дворянства). Наконец вхождение в это время в состав русского государства территорий со значительным тюркским населением (Казанского, Астраханского ханств и Сибири), результатом чего явилось формирование смешанного русско-турецкого

населения, могло оказать на русскую лексику не меньшее влияние, чем ордынское иго, ограничивавшееся периодическими наездами сборщиков дани - баскаков (чemu конец был положен уже при Иване Калите) и дальнейшие продолжавшимися, но представлявшими меньше возможностей для языковых контактов набегами татарских "ратей".

Прохоров, Ю. Е.

Projorov, Yu. B.

Instituto de Lengua Rusa "A. S. Pushkin" de Moscú

Federación Rusa

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

1. Под национальными социокультурными стереотипами речевого общения (СКС) понимается социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения. Стереотипы рассматриваются как единицы национально-культурной специфики речевого общения определенного этноса.

2. В общей ассоциативно-вербальной сети русской языковой личности СКС реализуется в четырех основных формах: отдельных лексических единицах, в единицах фразеологической системы, прецедентных текстовых реминисценциях и прецедентных прагматарефлексах, среди которых последние занимают более 50% общего количества СКС, отражая специфику национально-культурного языкового самосознания данного этноса.

3. СКС могут быть выделены на основе ассоциативных экспериментов, параметры которых соотносимы с ассоциативно-вербальной сетью носителя данного языка. В выступлении рассмотрены принципы и результаты анализа "русского ассоциативного словаря" (Москва, 1991).

4. Методическая реализация СКС в организации и содержании процесса обучения русскому языку связана со спецификой типов межкультурных языковых контактов: "соприкосновением", "приобщением", "проникновением" и "взаимодействием".

*Puchkov, Andréi
Universidad de Alicante*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР

В своей повседневной работе переводчикам нередко приходится сталкиваться с аббревиатурами и с трудностями, связанными с их переводом. Эта тема становится все более актуальной в связи с непрерывно увеличивающимся количеством этих лексических единиц в речи. В своем сообщении я расскажу о возможностях перевода аббревиатур, а также о некоторых проблемах, связанных с этим.

*Quero Gervilla, Ángeles
Universidad Estatal de Moscú.
Federación Rusa*

LOS PREFIJOS ПРИ- Y ПОД- CON SIGNIFICADO CUANTITATIVO EN RUSO

Los prefijos ПРИ- y ПОД- pueden unirse tanto a verbos imperfectivos como perfectivos y, dependiendo de la semántica del verbo al que se unen y del contexto en el que se emplean, pueden expresar diferentes tipos de acciones.

En esta comunicación trataremos los verbos que, unidos a los prefijos ya citados, expresan una disminución en la cantidad de acción verbal, por ejemplo: подмокнуть (mojar, mojarse un poco), подбодрить (animar un poco), притормозить (frenar un poco), притемнить (oscurecer un poco), etc.

La complejidad de estos verbos radica en el hecho de que los prefijos при- y под- pueden añadir al verbo al que se unen, además del significado de disminución de la cantidad de acción, otros significados como por ejemplo localización de la acción: подмокнуть (mojar, mojarse un poco por abajo), припрыгнуть (dar un salto pequeño hacia arriba); o el significado de complementariedad, o sea que la acción de la que hablamos viene a complementar a otra ya realizada anteriormente: подкрутить (enroscar un poco más), присолить (añadir un poco de sal), etc.

*Quero Gervilla, Enrique
Universidad de Granada*

EL PREFIJO Y SU SEMÁNTICA (ALGUNAS CONSIDERACIONES PARA EL ESTUDIO DE LOS SIGNIFICADOS A AÑADIR POR LOS PREFIJOS EN LA LENGUA RUSA)

Nuestro trabajo pretende describir las bases sobre las que se asienta la relación prefijo-verbo sin prefijo. Numerosos trabajos demuestran que:

1. Los prefijos rusos tienen un significado potencial invariable.
2. Este significado se concreta en función de la semántica del verbo al cual se añade el prefijo.

El estudio de los significados a añadir por los prefijos a los verbos de destrucción servirá de base a esta teoría.

*Quintana, Emilio
Universidad de Granada*

LA ESTANCIA ESPAÑOLA DE TADEUSZ PEIPER (1915-1920): UNA APROXIMACIÓN

Una de las características de la vanguardia europea de entreguerras es la de su internacionalismo. Por esa razón, estamos necesitados de estudios que aborden las relaciones entre los movimientos de vanguardia europeos y entre sus principales figuras. Estudios que superen enfoques exclusivamente nacionales. Nuestra pretensión es la de seguir incidiendo en esa línea por lo que se refiere a las relaciones entre las vanguardias española y polaca.

Nos centramos en la figura del "papa de la vanguardia polaca", creador de la "Awangarda krakowska" y fundador de la revista *Zwrotnica*, Tadeusz Peiper (1891-1969). De su estancia en España (1915-1920) se han ocupado tangencialmente, entre otros, Gabriela Makowiecka y, sobre todo, el profesor Stanisław Jaworski (Universidad Jaguelónica de Cracovia), editor de la obra peiperiana. Jaworski ha señalado la presumible importancia que la estancia en nuestro país tuvo en su creación artística. Sin embargo, esas investigaciones son insuficientes, de modo que, en realidad, apenas sabemos nada de la misma.

El joven Peiper estaba ya en París en 1914 procedente de Cracovia. En la capital francesa asistió a las conferencias de Bergson (como harían también Antonio Machado o T. S. Eliot), y estableció contacto con la Asociación de Artistas y Literatos Polacos en París. También trató al pintor Moïse Kisling. Sin embargo, durante esos meses se mantuvo indiferente a las manifestaciones públicas de los círculos vanguardistas. Según él mismo declaró en una entrevista a Czuchnowski (1929): "En París me dediqué a la historia del teatro, y a Apollinaire no lo conocía ni siquiera de nombre". El estallido de la I Guerra Mundial lo trajo a la neutral España, junto con otros varios escritores y artistas polacos que vivían en Francia y que fueron considerados *personas non gratas* debido a que procedían de la Galicia polaca, es decir, poseían

pasaporte austriaco. Este fue el caso de los pintores Józef y Wanda Pankiewicz, de Wladyslaw Jahl y del propio Tadeusz Peiper, que antes tuvo que pasar por un campo de concentración de Burdeos. En principio, Peiper residió en el puerto de Pasajes (Guipúzcoa), cerca de la frontera, en la esperanza (común en Occidente) de que la guerra no duraría más de unos meses. Desechó la solución que adoptaron buena parte de los polacos que estaban en sus condiciones: alistarse en Bayona en las filas del ejército. Al darse cuenta de que el conflicto iba a durar más de lo esperado, decidió trasladarse a Madrid (1915). Ahí es donde empieza nuestra historia.

Rasulov, I.

Rasulov, I.

Kokang

Uzbekistán

К ПРОБЛЕМЕ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА.

1. К категориальному разграничению фразеологических единиц (далее ФЕ) следует подходить комплексно, учитывая все ее признаки: во-первых, содержательную сторону рассматриваемой ФЕ (т.е. обобщенное грамматическое значение); во-вторых, грамматические свойства данной единицы (т.е. парадигму и часть речи опорного компонента); и, в-третьих, синтаксическую роль в предложении. Причем, главным и определяющим при этом является общее грамматическое значение, так как у значительной части ФЕ русского языка, как показал фактический материал, категориальное значение выражено имплицитно.

2. ФЕ, подобно словам, обладают известными морфологическими свойствами, но характер грамматических изменений у них существенно разнится. Так, во фразеологии свойственная лексическим единицам дифференциация на самостоятельные и служебные части речи не проводится. ФЕ в зависимости от наличия или отсутствия грамматических форм изменения делятся в первую очередь на две большие группы: а) изменяемые фразеологические части речи (субстантивные ФЕ, адъективные ФЕ, глагольные ФЕ) и б) Фразеологические части речи фиксированной формы (наречные ФЕ, междометные ФЕ, модальные ФЕ, статуальные ФЕ). Отсутствие форм изменений последних делает их отличие от слов менее ощутимой, что позволяет некоторым лингвистам включать их в состав лексических единиц.

3. Определение статуса усиливательных ФЕ русского языка тесно связано с установлением объема и границ фразеологических частей речи, так как исследователи языка такого рода единицы, подводят под тот или иной фразеологический класс. Поэтому нам представляется целесообразным придание усиливательным фраземам статуса самостоятельного разряда.

4. При разграничении омонимических и полисемичных ФЕ для нас существенным является семантический фактор: если в смысловой структуре каждой из семем, относящихся к одному фразеологизму- знаку, имеется хотя бы одна сема (за

исключением категориальной семы) общая для выделяемых семем, то перед нами будет единица многозначная; если же в семантической структуре ФЕ отсутствует хотя бы одна общая сема (за исключением категориальной семы), то это будут разные единицы, значения которых находятся в омонимических отношениях между собой.

*Resutíková, Kornélia
Universidad Complutense de Madrid*

LA REBELDÍA DE ESPÍRITUS INQUIETOS: AUTOBIOGRAFÍA POÉTICA, CONCIENCIA CÍVICA E IDEAS REVOLUCIONARIAS EN EL ROMANTICISMO ESLOVACO

En los años anteriores a la revolución de 1848-49, se animó la vida nacional eslovaca gracias a una generación de los jóvenes que tomó iniciativa en sus manos, encabezada por Ludovít Stúr, quien propagaba las ideas democráticas de la cultura. Este proceso de la democratización y renovación de las lenguas nacionales hay que encuadrarlo en el contexto europeo de la exaltación nacionalista avivado por las ideas románticas.

La literatura, por lo tanto, va aplicándose a la estética del Romanticismo y los autores eslovacos románticos de la escuela de Stúr se concentraban, además, en la existencia y desarrollo de su lengua materna, que consideraban el instrumento primordial para expresar su libertad de pensar y sentir.

En esta ponencia voy a dedicarme a la personalidad de la época Ludovít Stúr, después a otro poeta eslovaco Andrej Sládkovic y su obra, representando el espíritu revolucionario, como expresión auténtica y libre de corazón, de verdad, de sentimientos. El tercer representante más importante del Romanticismo es Janko Král, un personaje muy particular de la poesía eslovaca. Con su creación se aproximó a las obras del Romanticismo europeo por el espíritu de sus versos, en los cuales predomina la inquietud y la rebeldía, como característica del propio autor, quien en sus obras manifiesta sus contradicciones personales. En su poesía aparece el conflicto romántico, la confrontación entre el anhelo y la realidad.

Руденко, В.

Rudenko, V.

Minsk

Bielorrusia

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИЯТИВНОСТЬ ИМЕННЫХ ЗООФРАЗЕМ БЕЛОРУССКОГО, РУССКОГО, ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ

1. Наиболее важным признаком, позволяющим разграничить фразеологический вариант и фразеологический синоним, является наличие единства образа фраземы : 'бешеная собака / бешеный пес; 'кот у мышку / кот у торбе'; 'cabeza a pájaros / cabeza llena de pájaros' при возможных лексических и структурно-грамматических изменениях. При определении фразеологических вариантов (ФВ) необходимо учитывать общность денотативно-сигнификативного содержания. Также ФВ могут различаться только стилистической окраской и экспрессивностью: 'синица в руках / синица в кулаке'; 'лісліва цяля / лісліва цялятка' cara de gocho / cara de puerco'. Необходимым условием отнесения фразем к ФВ является совпадение категориальных (лексико-грамматических) значений, т.е. фраземы должны относиться к одному лексико-грамматическому разряду. В данном исследовании -- к именным зоофраземам (ИЗФ). Кроме того, выделяются еще два признака, которые являются факультативными --совпадение количества значений ФВ и наличие лексического инварианта.

2. Наблюдения, проведенные над разными случаями варьирования, позволили выделить следующие типы ФВ.

а) **Лексические варианты**, связанные с заменой лексемы без изменения семантики ИЗФ. Варьироваться могут те компоненты, которые в свободном употреблении являются синонимами: 'невинный агнец / барашек'; лісліва / ласкавае цяля'; 'cara de burro / acemila'; которые входят в одну лексико-семантическую группу : 'канцелярская/ конторская / архивная крыса'; 'кот у мышку / у торбе'; 'burro cargado de oro / de plato'; которые в свободном употреблении объединены отношением антонимии: 'птица большого / низкого полета'; /птичка высокага / невысокага пал,ты'; 'perro chico / grande'. Широко представлено варьирование на основе метафорических связей : 'змей ползучий / подколодный'; 'змяіныя вочы / змяіная усмешка'; 'boca de escorpión / de serpiente / de víbora'. Отдельную группу составляют ФВ ИЗФ, в которых варьирующими компонентами являются гиперонимы / гипонимы : 'стреляная птица / стреляный воробей'; ' стреляная птичка / стреляны верабей'; 'cabeza de pájaro / de gorrión / de chorlito'; отношения когиноним / когиноним представлены лишь среди испанских ИЗФ : 'cabeza de gorrión / de chorlito' ; 'cama de galgos / de podencos'.

б) **Морфологическими вариантами** считаются вариации в пределах формы компонентов. Исследуемые языки относятся к разному языковому строю, поэтому рассмотрим их по отдельности. Морфологические варианты русского и белорусского языков представлены следующими типами варьирования : 1) ед. и мн. ч.: 'канцелярская крыса / канцелярские крысы'; 'перал,тная птичка / перал,тныя птички' ; 2) муж.. и жен. р.: 'змей подколодный / змея подколодная'; ' сукін кот / сукіна кошка'. Для испанских ИЗФ характерно большее разнообразие : 1) ед. и мн. ч.: 'caballero sin caballo / caballeros sin caballo'; 2) разные артикли : 'el / un perro de / del

hortelano'; 3) опущение артикля :"*(una) boca de escorpion'*; 4) замена артикля :'*caballero en su (el) caballo'*; 5) употребление или опущение предлога : '*agua perra / de perros'*.

в) **Синтаксические варианты** появляются при изменениях на лексическом и морфологическом уровнях. Данный тип варьирования отмечен только в испанском языке: '*perrillo de falda / faldero'*.

г) **Семантические варианты** характеризуются погашением одного признака, заданного в семантике фраземы, и актуализацией другого. Семантические варианты могут различаться по признаку лицо / нелицо : '*caballo de regalo'* 1) лошадь для парадного выезда, 2) холеный, избалованный человек; характер человека '*божая авечка'* 1) набожный человек, 2) покорный человек; характер предмета '*сабачая радась*' 1) колбаса самого низкого качества,

2) вареная требуха, 3) галстук.

3. Все указанные варианты ИЗФ можно разделить на две подгруппы: с варьированием анималистического и неанималистического компонентов. Наибольшей степени варьирования подвержены те ИЗФ, которые характеризуют человека, и чем шире ареал ИЗФ, тем шире ее вариационные возможности.

Садвакасова, Сабина

Sadvakasova, Sabina

Almaty

Kazajstán

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДАХ С РУССКОГО НА КАЗАХСКИЙ.

1. В докладе предпринята попытка проанализировать трудности, которые возникают при переводе ограниченной границами поля терминов родства лексики. Материалом послужили переводы произведений Л. Толстого с русского языка на казахский.

2. Исходным для анализа послужил тезис об отсутствии полной эквивалентности лексико-семантических полей. Материалы использования терминов родства русского и казахского языков убеждают, что данные языки используют для обозначения терминов родства различные семы дифференцирования смыслов. Так для казахского языка актуализированными являются семы, различающие родство по возрасту, по принадлежности к родственникам по отцовской или материнской линиям. Для русского языка характерно использование меньшего по сравнению с казахским числа единиц с обобщенным и общим значением. Поэтому аргот можно предполагать трудности перевода терминов родства с неактуализированными в русском языке семами.

3. Анализ материала показал, что для перевода терминов родства с русского на казахский язык недостаточно использовать общие термины, приближенные по значению к терминам родства в русском языке. Для носителей казахского языка и для

казахской культуры в целом чрезвычайно важным остается указание на характер родственных отношений, уточнение родства по возрасту, по юридическим свойствам и по материнской или отцовской линиям. Эти различия несут культурологическую информацию, позволяют уточнять отношения, характерные черты героев, динамику событий. Для перевода использовались не простые аналоги этих терминов, но уточненные, конкретные термины родства. Для этого переводчики опирались на контекст произведения и общую информацию о героях.

*Salbieva, V. A.
Universidad de Kabardino-Balkaria, Nalchik
Federación Rusa*

ETHNOCULTUROLOGICAL VOCABULARY IN THE FOREIGN AUDITORY IN HIGH SCHOOL

1.- Study of ethnoculturological vocabulary, as a system of knowledge about specific culture of certain people, attracts a great interest in the foreign auditory in high school. On one side, it helps students in the formation of the communicative orientation in different speech situations, and on the other side it helps to overcome cultural speech barriers during the study of the language of the other culture.

2.- In the report are considered the principles of choosing of ethnoculturological material and its division on thematical groups (etiquette forms, toponyms, antroponyms, vocabulary of mode of life, religious notion, etc.) Assimilation of ethnoculturological vocabulary is oriented on in the culture of the studied language, besides the teaching of the vocabulary.

3.- Etiquette is characterised as a basical spiritual-practical system that includes in itself basical principles of the man's relations in the different sides of life: social, domestic life, etc. Great attention is payed to the comparative characteristics (Through the native language). It can be presented in two stages:

- a) the identity of quality and quantity on coincidence when etiquette works on actualisation of the correlative,
- b) comparison of lexico-semantical structure of etiquette forms in different languages referring to one and the same situations.

Generalised knowledge that a student got of such lessons may become a part in his cultural and educational process. It enlarges his knowledge in history and ethnography of this nation, which in its turn helps to form national consciousness. Preparation and publishing books for the students taking into consideration the ideas mentioned ahead give the possibilities for the new methods of teaching students which is hidden on ethnopedagogical forms and principles.

Салиева, Людмила

Salieva, Liudmila

Moscú

Federación Rusa

КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА АВТОРА И ПОНЯТИЯ ИНВАРИАНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

1. Образ автора - основная семантико-стилевая категория художественного текста, обеспечивающая его цельность и сообщающая ему качество символа. Символическая природа художественного текста определяет двойственность его бытия; одновременно с тем, что художественный текст существует в культуре как некий инвариантный смысл, возможны различные его интерпретации (варианты прочтения, в том числе переводческие). Категория образа автора несет в себе антиномию вариантиности/инвариантности. Инвариант образа автора, семантико-стилевая структура художественного текста,- то, что в идеале должно быть воспроизведено в переводе на другой язык. Вариант образа автора в переводе - то реальное его воплощение, которое создается переводчиком,-всегда является в той или иной степени адаптацией инвариантного смысла текста оригинала к условиям определенной языковой культуры, ее литературной традиции. Адаптация обусловлена необходимостью создания перевода, адекватного восприятию читателя этой культуры.

2. В категории образа автора раскрывается связь литературной традиции и структуры данного конкретного произведения. Образ автора, эстетическое "Я" писателя,-это, с одной стороны, субъект, ведущий диалог с другими образами автора (текстами) литературной традиции, и, с другой стороны,-структурный принцип текста. Собственно, образ автора как структурный принцип текста - это тот же субъект, но уже в другой своей ипостаси: как строящий свой текст в соответствии со своим намерением в диалоге. Диалогичность определяет пространственно-временные координаты текста в эстетическом измерении, обуславливает культурно-историческую определенность структуры образа автора.

Для теории перевода эта диалектика имеет следующее значение. В своей структурной ипостаси образ автора является порождающим принципом текста оригинала и в идеале должен быть сохранен как таковой для текста перевода. В плане диалогических отношений с текстами оригинальной литературной традиции очерчивается сфера непереводимого. Адекватность перевода определяется культурно-историческим аспектом образа автора переводного произведения: диалогические отношения, в которые вступает переводный текст, могут потребовать изменения структурного аспекта образа автора оригинала (то есть инварианта перевода). Степень возможного сохранения структурного аспекта образа автора оригинала в переводе определяется близостью культурно-исторических аспектов образов авторов оригинального и переводного текстов, а также уже имеющимися попытками ввести образ автора оригинала в систему текстов перевода, т.е. уже имеющимися переводами данного текста.

3. Структура образа автора оригинала - структура инварианта перевода. В художественной речи, как и во всякой другой, реализуется по крайней мере три функции речи: оценочно-коммуникативная, концептуальная и текстовая (М.А.К. Хэллидей).

Оформление текста в связи с оценочно-коммуникативной функцией - это отражение тех отношений, которые возникают в процессе общения, а именно: отношения образа автора к своей речи (оценочная и пространственно-временная точки зрения) и к своему собеседнику (тон повествования). Концептуальная функция связана с выбором слов (тезаурус текста-содержание мысли) и синтаксических конструкций (форма мысли). Текстовая функция обуславливает расположение элементов текста в линейной последовательности или ритм текста в его широком понимании. Образ автора является формой сложных и противоречивых соотношений этих функций на разных уровнях повествования: образа автора, повествователя, рассказчиков, персонажей.

Теоретические положения иллюстрируются в докладе сопоставительным анализом структур образа автора романа Л. Стерна "Сентиментальное путешествие по Франции и Италии" и его шести переводов на русский язык.

*Sánchez Muñoz, Inmaculada
Escuela Oficial de Idiomas de Valencia*

ВЫДЕЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ОСВЕЩЕНИЕ ПЕШКОВСКОГО

Уже в прошлом веке была отмечена особенная группа существительных, которые со временем будут известны в лингвистической литературе под названием отглагольных существительных.

Исходным пунктом в истории вопроса об этих существительных считается труд Пешковского. В нем автор отделил существительные глагольного происхождения от остальных, аргументируя это тем, что данные существительные помимо лексического значения сохраняют от глаголов, от которых они образованы, еще и вид.

В истории русской лингвистики все вопросы, связанные с аспектуальностью, всегда занимали важное место. Однако, несмотря на то, что после Пешковского многие лингвисты обращались снова к деривативам, вопрос об аспектуальности у существительных никогда не рассматривался с достаточным вниманием.

В нашей работе анализируются тезисы Пешковского по отношению к отглагольным существительным русского языка. Настоящий материал может стать первым шагом в дальнейшей работе по изучению образования и функционирования отглагольных существительных в русском языке.

Шайхнева Т. Н.

Shaijieva, T. N.

Instituto Pedagógico de Irkutsk

Federación Rusa

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО СТИЛИ

1. Русский национальный язык неоднороден по своему составу. В нем прежде всего выделяется язык литературный. Это высшая форма национального языка, определяемая целой системой норм. Они охватывают все его стороны: письменную и устную разновидность; произношение, лексику, словообразование, грамматику.

Литературный язык, письменный и устный, - это язык радио и телевидения, газет и журналов, государственных и культурных учреждений.

Русский литературный язык делится на ряд стилей в зависимости от того, где и для чего он используется.

2. В литературном языке выделяются разговорный и книжный (научный, деловой, публицистический) стили.

Многие слова и формы слов и предложений русского литературного языка употребляются во всех его стилях. Их называют общелитературными или стилистически нейтральными.

В бытовой устной речи (разговорный язык) употребляются слова, которые придают речи непринужденный характер, позволяют говорящему выразить различные чувства.

В научной речи (научный стиль) значительную роль играет специальная лексика, или терминология, состоящая из терминов - слов с точно определенным значением.

Следует выделить общественно-политическую лексику и официально-деловую.

3. Особое место в литературном языке занимает стиль художественной литературы.

Здесь слово несет не только определенную информацию, но и служит для эстетического воздействия на читателя при помощи художественных образов. Для этого писатели используют не только слова и формы литературного языка, но и устарелые, диалектные и простонародные (М.А. Шолохов, А.Н. Толстой).

Šipka, Danko

Universidad Adam Mickiewicz

Poznań, Polonia

GENERATING SLAVIC PARADIGMS IN THE MINIMAL INFORMATION GRAMMAR

Minimal Information Grammar is a set of rules used by Neuro Translator, a piece of software intended to "do things with words". The grammar is named minimal for the fact that

it tends to reduce the information needed for the software to perform its functions. Morphological paradigms within MIG are basic information used by neural network to initiate and investigate all possible solutions in translation, parsing, and qualitative analysis. The first two pair of languages for which morphological paradigms have been constructed were English - Serbo Croatian and English - Polish. The other Slavonic languages for which the MIG is developed include Russian, Czech, and Old Church Slavonic.

Шульга, М. В.

Shulga, M. V.

Moscú

Federación Rusa

ПРАГМАТИКА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА.

Предпринята первая попытка интерпретировать ц.-сл. тексты (преимущественно переводные, но также и оригинальные 11 - нач. 15 века) с позиций pragmatики, в частности, выявить грамматические пресуппозиции субъекта речи и задаваемые ими формы речевого общения с адресатом. Исследованы элементы текста, нуждающиеся в разъяснении в связи с оценкой говорящим общего фона знаний, конкретной информированности и способности понимания адресата (1), а также речевые сигналы, вводящие такие разъяснения (2):

1) предмет и способы толкования - одно специальное понятие через другое (въ 40 днни сиречь в святыи великиии посты); простое, обыденное через принятую книжной традицией и наоборот (на вредъ простешихъ человекъ сиречь невежыныхъ); коръчемъница бо винопродавныи храмъ именуешься); чужое через свое, специфическое через обыденное, проекция на жизненный опыт адресата (скопось холмъ высокъ наричеться на немъ же стражъ бываетъ и кто немъ верху стоя стережеть и смотрить семо и овамо епископъ нарицаешься), церк.-сл через др.-русск. (чауть рекше ожидаются); апелляция к славянско-эллинской или эллинско-римской традиции (слугы убо зде ишодияконы именуеть, проверете або елинъски римъски октямбръ сказаешься) и под.

2) речевые сигналы, их статистика, контекстуальная обусловленность: рекше, еже суть (грам. несогласованность); глаголость, глаголемъи, глаголеться, наричеться, нарицаешься, нарицаются, именуеть, сказаешься (последовательная грамматическая согласованность); сиречь, нарицати обыкло есть, яко же се именуешься, паче речи, просто речи, яснее, по языку бо ихъ, нашимъ языкомъ сказаешься; нашъски и др.

Исследованы также направление коммуникации, формы прямой адресации, элементы диалогизма в церковнославянском тексте. Обсуждаются речевые средства реализации и снятия оппозиции "субъект-адресат" (помою божию доидопша, нашъски, напимъ языкомъ сказаешься, по языку бо ихъ, румляне - мы; тыгда -дъньсь, ныне глаголеться; где нарицаешься).

Предстоит выявить специфику pragmatической ориентации восточнославянских текстов на фоне южнославянской традиции и европейской.

*Соболева, Раиса
Тунгусова, Галина
Soboleva, Raisa
Tungusova, Galina
Universidad Estatal de Irkutsk*

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА ПО КОМПЛЕКСНОМУ КУРСУ "ДЕЛОВОЙ РУССКИЙ" ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Для овладения языком деловой коммуникации иностранным гражданам, избравшим сферой своих интересов и профессиональной деятельности экономику, торговлю, практику перевода, предлагается обучение по комплексному курсу "Русский язык для деловых людей", изучив который слушатели смогут: 1) устанавливать и поддерживать профессиональные отношения с официальными представителями российских деловых кругов, запрашивая в ходе общения необходимую информацию и давая на нее грамотные ответы с помощью адекватного использования речевых клише; 2) вести коммерческую переписку, употребляя языковые средства, характерные для эпистолярного жанра делового общения; 3) представлять свою фирму, организацию, фонд как в письменной, так и в устной форме; 4) подготовить рекламный проспект, информацию для ярмарочных комитетов, оформить выставочный стенд, осуществить спонтанный перевод.

Материалы предлагаемого учебного курса распределены по четырем разделам, представляющим собой самостоятельные аспекты, и организованы таким образом, что их можно использовать как в полном объеме, так и выборочно - с учетом конкретных потребностей обучаемых.

В первом разделе представлены выражения речевого этикета в различных ситуациях повседневного общения, описаны основные правила их употребления в нормативной русской речи, а также разработаны темы-ситуации, необходимые для общения в социокультурной и профессиональной сферах. Речевой материал предлагаемых тем представлен в форме диалогов и полилогов, содержащих набор основных тактик общения и сопровожден системой речевых и языковых заданий и упражнений.

В процессе обучения по второму разделу активизируются формулы и выражения речевого этикета в письме, а такжерабатываются стереотипы эпистолярного общения.

Главным предметом изучения третьего раздела является деловое письмо и информационная коммерческая корреспонденция.

Учебный материал четвертого раздела позволяет овладеть навыками спонтанного профессионального общения с российскими деловыми партнерами.

Соколова, Л. В.

Sokolova, L. V.

Universidad de Granada

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ (ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «ДЕРЕВЕНСКАЯ» ПРОЗА 1960-1990-х ГОДОВ)

Среди множества направлений современной русской прозы феномен так называемой «деревенской» прозы уже третье десятилетие вызывает большой интерес и оживленные дискуссии не только в отечественном литературоведении, но и в среде зарубежных русистов. Особое внимание именно к этому литературному направлению во многом обусловлено тем, что его считают продолжателем традиции классической литературы, исконно входившей в лоно мировой цивилизации, и в настоящее время «деревенская» проза осмысливается в контексте споров по актуальным проблемам национализма, феномена «русскости», русской самоидентификации, «русской души» и, конечно же, проблеме Россия-Запад.

Показательно, что критики на Западе считают, что такие писатели, как Распутин, Абрамов, Белов, Шукшин и другие, создали даже не стиль, а образ мышления русского читателя, и породили одни из лучших произведений XX века (Э. Браун).

Представители данного литературного направления углубляются в архетипические земледельческо-мифологические ментальные шласти, связующие национальную конкретику с общечеловеческими праосновами. Наиболее перспективными здесь становятся темы природы и детства, выводящие на первый план феномен ментального мира русских, издревле возникшего на основе естественных форм крестьянского мироощущения. Поэтому в авторской концепции мира доминирует светлое, гармоничное начало, автор стремится к сопряжению духовно-человеческого и биологически-природного начал в едином развитии героев.

Таким образом, в «деревенской» прозе возникает сущностная модель развития, или литературный архетип, имеющий универсальный характер и присущий мировой литературе в целом. Суть модели, преемницей которой стала «деревенская» проза, состоит в поиске самоидентичности, который неизбежно связан с критикой современного индустриального общества и вызван острым чувством потери гармонии, целостности, идеала и необходимости преодолеть отчуждение от естественно-природной и социальной среды. Именно традиционализм, возрождение традиционных форм мышления, как решающая черта «деревенской» прозы, определяет ее преемственность по отношению к русской и западной литературе.

Солдатенкова Т.

Soldatenkova, T.

Universidad Católica de Lublin

Polonia

ПРЕПОДАВАНИЕ ПАДЕЖЕЙ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ОСНОВЕ ПРОНОМИНАЛЬНОГО МЕТОДА, РАЗРАБОТАННОГО В ЛЕВЕНСКОМ КАТОЛИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

В традиционной грамматике считается, что падеж существует как единица многозначная. Каждый падеж имеет свою систему значений, и преподавание русского языка как иностранного базируется на этой основе. Такой подход имеет один существенный недостаток: список семантических категорий падежей предстает перед студентом в необозримом и нечетком виде. С помощью Прономинального метода Ван Ден Эйнде, разработанного в Левенском Католическом Университете, нам кажется возможным более экономный метод преподавания падежей. Синтаксические функции падежей и их значения выводятся нами на основе формальных критериев, исходя из которых, мы определяем валентные синтагмы глагольной конструкции и соответствующие им прономинальные парадигмы, стоящие в пропорциональном отношении к лексику и являющиеся его минимальными референтными частицами.

Сорокин, Ю.

Sorokin, Yu.

Instituto Lingüístico de Moscú

Federación Rusa

СОВРЕМЕННАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ: КOGNITIVNO-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСТУЛАТЫ

Современная русскоязычная проза и поэзия создаются и существуют в условиях распада художественной парадигмы, особенно усилившегося после 1985 года и продолжающегося по сей день.

Основное возникновение парадигматического хаоса лежит не только деятельность литературного подполья (андерграунда) в России, влияние художественных технологий Русского зарубежья (несмотря на блокировку сведений такого характера) или технологий, используемых западно-европейскими и американскими писателями, но и то состояние смыслотраченности (ментальной некомпетентности, как сказал бы Л.Дж.Питер), которое обостренно осознавалось и осознается русскими литераторами.

Эта совокупность причин и обусловила, по-видимому, появление таких качеств у русскоязычных прозаических и поэтических текстов, которые только и могли

появиться в условиях когнитивной катастрофы (о приближении ее, как известно, предупреждал еще Х. Ортега-и-Гассет, подчеркивая планетарный характер будущих когнитивных деформаций:

- ориентированность на моделирование действительности как абсурда;
- интерес к обыденному (бытовому) сознанию и к базовым структурам, управляющими ими: секс и голод, ненависть и страх, честолюбие и успех;
- приписывание "телесному низу" качества сверхценности и скрупулезная фиксация его "бытия" в нас и среди нас (по-видимому, в противовес существовавшему запрету на онтологизацию этой сферы);
- установка на нонфинитность и "размытость" моделируемых ситуаций, позволяющих воспринимать их как в высшей степени многозначные (полиосмыслимые);
- использование самых различных естественно-научных реминисценций и аллюзий оппозитивных и не оппозитивных, оказывающихся, в свою очередь, в контрапарных или контрадикторных отношениях с гуманитарным контекстом;
- языковая и речевая сверхтолерантность (антивкусоборчество);
- установка на элитарность (при осознании прозаиками и поэтами падения престижа художественной нормы и возникновения веера норм - в основном, естественно-научного характера);
- антиисторичность (при ориентации на супертропологичность);
- установка на языковую игру и сверхрефлексивность (эти два приема становятся - в полном смысле этого слова - "персонажами" художественного текста).

*Спасова, Римма
Spasova, Rima
Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"
Bulgaria*

О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ТВОРИТЕЛЬНОГО СРАВНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (в плане сопоставления русского языка с болгарским)

1. В пределах обстоятельственных значений творительного падежа творительный сравнения (ТСр.) выделяется как самостоятельная категория, близкая по значению к творительному образу, но не тождественная с ним. В ТСр., как и в любой другой форме сравнения, разные по своей материальной сущности объекты сопоставляются на основе сходства между ними.

2. Различаются два основных типа употребления ТСр.: а) при глаголе, выступающем в номинативном значении, б) при глагольной метафоре. Возможности употребления ТСр. при глагольной метафоре значительно шире. Посредством введения в метафорический текст ТСр., указывающего на обычные для

данного глагола лексические связи слов, усиливается двуплановое восприятие, раскрывается образный фон глагольной метафоры, поддерживается ориентированность на субъект действия, вследствие чего оба семантических плана метафоризованного глагола находят поддержку и получают развитие в контексте художественного целого.

3. В древнерусском языке и устной народной поэзии ТСр. несет характер уподобления, близкий к перевоплощению. Опираясь на общенародное словоупотребление, писатели как бы пересоздают образ в форме ТСр., внутренним смыслом которого является не столько уподобление, ставящее оба своих члена в положение адекватности, сколько сравнение, допускающее связь более опосредованную и придающее метафоризованному глаголу богатство новых смысловых оттенков: "Серой волчицей придет с востока ночь".

4. Стилистические функции ТСр. несут в контексте литературного произведения определенную художественную нагрузку. Сопоставление контекстов оригинала и перевода на болгарский язык подтверждает вывод о том, что приемы реализации стилистических функций ТСр. осуществляются в русском и болгарском языке на основе национальных традиций, так как каждому языку присуща своя система создания образов.

*Stadler, Wolfgang
Universidad de Innsbruck
Austria*

ЛИБЕРАЛИССИМУС ЖИРИНОВСКИЙ И ГРОССМЕЙСТЕР БЕДНЕР: СХОДНОЕ И РАЗЛИЧНОЕ В УПОТРЕВЛЕНИИ ИХ РЕЧИ

Настоящая статья имеет своей целью показать, что язык политика В.В.Жириновского, являющегося на Западе наиболее известным представителем правой идеологии и пользующегося славой носителя радикального языка, отличается следующими типичными для него речевыми актами: обещания русским, угрозы "перусским" и требование к другим (нациям). Когда в газетных статьях цитируются его высказывания, то их текст перенасыщен следующими глаголами: он обещает, он призывает, он сообщает, он реализует свою угрозу; он отрезал, он ответил гневной тирадой, он пригрозил, он предлагал, он объявил, он велел, он утверждал, он отверг утверждение. Его язык, богатый противоречиями, содержит рядом с вышеуказанными обещаниями, угрозами и требованиями еще много других признаков "патриотического" языка.

Обещания Жириновского характеризует отсутствие возможности их исполнения. Их можно назвать чистыми заявлениями о намерениях.

Обещая стать сильным президентом страны, он пока лишь обольщает своих избирателей. Его угрозы редко содержат референтный аспект и ограничиваются перформативным аспектом санкций по отношению к адресату, верbalной "игрой мышц" и угрожающими жестами. Многие его требования являются косвенными

угрозами, иногда содержащими намеки на общеизвестные события в прошлом, которые он обосновывает оправданиями, полными насилия.

Вышеупомянутые речевые акты встречаются и у О.Бендера - главного героя романа И.Ильфа и Е.Петрова "Двенадцать стульев". В главе "Междупланетный шахматный турнир" великий комбинатор сознательно действует с помощью обещаний, угроз, искажений истины и приказов, чтобы достичь своей цели: манипуляции жителей города Васюков, финансовой прибыли и повышения собственной популярности. Васюкинцы искупают свое доверие, оказываемое гроссмейстеру Бендеру, падением в холодную воду реки Волги. А избератели Жириновского? Чем они будут платить?

Несомненно, что герой и политик, несмотря на сходство их речевых актов, представляют собой разные личности: фигура председателя либерально-демократической партии безусловно одиозна, в то время как Бендер, пользующийся тем же самым успехом благодаря своей хитрости и интеллигентности у васюкинцев как Жириновский у своих приверженцев, любим и популярен в хорошем смысле этого слова.

Стефанов, Валери

Stefanov, Valeri

Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"

Bulgaria

СЛАВЯНСКИТЕ ЛИТЕРАТУРНИ ИСТОРИИ И ДИСКУРСИВНОТО МОДЕЛИРАНЕ НА НАЦИОНАЛНАТА ИДЕНТИЧНОСТ

В работата се изследват дискурсивните техники, чрез които литературните истории на славянските народи моделират националната идентичност. Отделено е внимание на функциите на персоналистичния мит, на символните стратегии, използвани при представянето на литературните творби. Образът на "славянския свят" е визиран като проблематично съществуващ между тенденциите, утвърждаващи единството и идеите за различията, за разподобяванията.

Супрун, А. Е

Suprun, A. E.

Universidad Estatal de Minsk

Bielorrusia

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА

В связи с вниманием, которое уделяется в последние годы структуре целого текста, приобретает особое значение изучение способов его лексической организации. Сответствующие исследования проводились докладчиком и его сотрудниками на материале древнеславянских, а также современных поэтических текстов на некоторых славянских языках. В числе показателей, которыми определяется лексическая структура текста могут быть названы:

1. Количество словоупотреблений n и количество слов m . Отношение m/n как показатель лексического разнообразия (или богатства). Необходимость введения эмпирического уточнения показателя лексического богатства при различных по длине текстах.
2. Состав лексикона. Полнозначные и служебные слова. Членение словаря по частям речи (грамматическим свойствам). Семантическое членение лексикона (разнообразие и семантическая направленность). Стилистическая характеристика лексических составляющих.
3. Грамматическое оформление и лексика текста. Морфемы, словообразование единиц текста и словоизменение. Сочетания слов, синтагмы, предложения.
4. План выражения и лексика (например, длина слов в звуках и слогах; ритмика, рифма и лексика). Морфемное разнообразие и звуковое (фонемное) совпадение (сходство).
5. Слово, его стандартная и нестандартная сочетаемость, фразеологизмы в тексте.
6. Частотность слов в тексте и в языке. Функция повторов. Повторы, синонимические замены, субституты. Лексические доминанты: лексемы и группы.
7. Ассоциативные связи между словами в тексте и словаре.
8. Распределение слов и семантических групп по тексту. Семантические связи между лексическими элементами текста.
9. Смысловые центры и периферия в тексте: план содержания текста и его манифестация в лексике и грамматике. Элементарные смысловые единицы и их приращение в результате соединения в тексте единиц языка.
10. Лексика текста как часть (фрагмент) лексикона языка и как самостоятельное единство. Единство и разнообразие лексикона текста. Лексика текста и внешний (по отношению к тексту) контекст (в диахронии и синхронии).

Tatár, Bela

Universidad Eötvös Loránd de Budapest

Hungria

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ И ПОРЯДОК СЛОВ-КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Являясь самостоятельной единицей языка, фразеологизм выполняет полную синтаксическую функцию. В зависимости от принадлежности к тому или иному лексико-грамматическому разряду, фразеологическая единица может выступать в роли всех членов предложения. Согласно этому, **субстантивный фразеологизм** может выполнять функцию подлежащего, прямого или косвенного дополнения, также может являться именной частью составного сказуемого. Адъективный фразеологизм выполняет функцию согласованного и несогласованного определения и может являться именной частью составного сказуемого. Глагольный фразеологизм, как правило, выполняет функцию как простого, так и сложного глагольного сказуемого, **местоимённый фразеологизм** - функцию подлежащего, прямого и косвенного дополнения, именной части составного сказуемого, **нумеративный фразеологизм (числительное)** -- функцию подлежащего, дополнения, именного составного сказуемого, **адвербальный фразеологизм** - функцию различных обстоятельств. **Междометные и модальные фразеологизмы**, а также **фразеологизмы-союзы** и **фразеологизмы-частицы** синтаксической функции практически не выполняют.

Вопрос синтаксической функции фразеологических единиц теснейшим образом связан с тремя типами синтаксической связи -- с согласованием, с управлением и с примыканием. Согласование характерно для тех **субстантивных, адъективных, нумеративных, местоимённых и глагольных фразеологизмов**, в составе которых имеется слово-компонент, сохранивший основную грамматическую характеристику. Управлением обладают, в первую очередь, глагольные фразеологизмы, однако имеются субстантивные, адъективные, нумеративные и даже адвербальные, характеризующиеся приимённым управлением. Примыкание является обязательным признаком для адвербальных фразеологизмов.

К проблематике синтаксической функции относится также и вопрос о порядке слов-компонентов в составе фразеологизмов. Здесь различаются два основных типа:
а) стабильный, характерный для субстантивных фразеологизмов со значением лица: великие мира сего, звезда первой величины, злы́е языки, калиф на час, подруга жизни и мн.др.; предмета: ахиллесова пята, бочка данаид, демьянова уха, камень преткновения, сапоги всмятку и др.; для адъективных: без царя в голове, в чём мать родила, из молодых да ранний, короче воробышного поса, кровь с молоком, хоть куда и др.; для местоимённых: всё про все, всякая всячина, от мала до велика, ни кола ни двора, ни одна живая душа и т.п.; для глагольных: воды не замутит, едва ноги носят, и был таков, ничего не скажешь, только пятки сверкают и т.п.; для адвербальных: в мгновение ока, во что бы то ни стало, вверх тормашками, всей дупой, до глубины души и т.д.; для нумеративных: капля в море, кот наплакал (кого,чего) куры не клюют (чего), невесть сколько, на один зуб и т.п.; для (большинства) модальных: к слову сказать, как знать, так сказать, кто его знает, не тут-то было, само собой разумеется и т.п.; для (преобладающего большинства) междометных: бог ты мой, вот оно что, подумать только, ни пуха ни пера, сколько лет сколько зим и др.;

б) нестабильный, характерный для следующих субстантивных фразеологизмов со значением лица: бездонная бочка, вольная птица, восходящая звезда, мастер на все руки, тяжёлая артиллерия и т.п.; предмета: запретный плод, мышиная возня, общий язык, первая ласточка, эзоповский язык и др.; для адъективных: бойкий на язык, из ряда вон выходящий, кожа да кости, одним миром мазаны, подбитый ветром и др.; для следующих глагольных: былью поросло, глазом не моргнул, как аршин проглотил, просится на язык, руки опускаются (у кого) и т.п.

Инверсия и вклинивание, как правило, используются в определённых стилистических целях в качестве стилистического средства языка.

Терещенко, Анна

Ружникова, Наталья

Tereschenko, Anna

Ruzhnikova, Natalia

Universidad Estatal de Irkutsk

Federación Rusa

МЕТОДЫ КОНТРОЛЯ, ОЦЕНКИ И ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.

Развитие познавательной активности студентов при изучении славянских языков является важным показателем включенности в учебную деятельность. Решению этой задачи способствует научно обоснованное использование методов контроля, оценки и проверки знаний студентов.

Обучение славянским языкам сопряжено с рядом дидактических трудностей, поэтому использование традиционных оценочных методов контроля в виде экзаменов и зачетов не всегда дает возможность определить реальный уровень усвоения студентами учебного материала.

В практической работе при обучении русскому языку как иностранному основной упор делается не на формы итогового, а на промежуточный и поэтапный контроль.

В Иркутском государственном университете кафедрой иностранных языков совместно с психологами был разработан и получил апробацию комплекс методов поэтапного контроля, который учитывал:

- а) особенности языковой и дидактической адаптации студентов;
- б) уровень владения языком;
- в) барьеры и трудности общения на иностранным языке;
- г) особенности верbalного и неверbalного общения.

Методы поэтапного контроля составляют две группы: безоценочные и оценочные. Первую группу составляют такие активные методы обучения, контроля и проверки знаний как сензитивно-коммуникативный тренинг, групповая дискуссия, деловая игра, собеседование, мозговой штурм, круглый стол. Эта группа методов используется для проверки и закрепления целого ряда учебных навыков и направлена на:

- развитие познавательной активности студентов;
- воздействие на личность через аффективный уровень осознания;
- преодоление страха публичного выступления;
- развитие навыков свободного самочувствия;
- снятие языковых и дидактических барьеров;
- развитие и закрепление навыков межличностного взаимодействия.

Вторую группу составляют так называемые оценочные методы. К их числу прежде всего относятся различные виды тестирования. Используемые нами тесты соответствуют следующим требованиям:

- научности и доступности предъявляемого студентам учебного материала;
- отсутствия вариативности ответов;
- учитывается последовательность предъявления материала от простого к сложному;
- используется принцип объективности и опоры на прежние знания;
- обязателен опыт предварительной работы такого типа.

При правильной методике проведения тестовых форм контроля у студентов, как правило, не возникает дидактических сложностей, появляется уверенность в успехе, наблюдается развитие потребности в приобретении новых знаний.

Таким образом, использование предлагаемых форм и методов контроля способствует развитию познавательной активности студентов, формированию "языкового чутья". Немаловажно и то, что при таком контроле осуществляется переход от эффективного к аффективному уровню осознания богатства и красоты славянской речи.

Timoshik, Микола

Timoshik, Mikola

Universidad de Kiev "Taras Shevchenko"

Ucrania

ДО ПИТАННЯ ПРО КОНЦЕПЦІЮ ВИНИКНЕННЯ УКРАЇНСЬКОГО ДРУКОВАНОГО СЛОВА В КОНТЕКСТІ ПОШIРЕННЯ ДРУКАРСТВА У СЛОВ'ЯНСЬКИХ НАРОДІВ

Проблема з'ясування походження друкованого слова кожного народу має принципове значення, оскільки йдеться про стан розвитку культури цього народу, освіти, його ролі в загальноцивілізаційному поступі.

За тоталітарного режиму колишньої радянської імперії, куди до 1991 року входила Україна концепція виникнення друкованого слова практично не розроблялася. В наукі домінувала затверджена в Москві ідеологічна схема, за якою українська освіта, наука, культура розвивалася лише в тісному контексті з російською, до того ж, завжди вважалася другорядною, позбавленою самостійних ознак.

Архівні матеріали, дослідження не заангажованих на політичних догматах учених, як вітчизняних, так і зарубіжних, в Україні донедавна були недоступними для читальцького загалу, перебували у спецховищах.

Проведене автором дослідження, що базувалося виключно на архівних джерелах, малодослідженіх працях учених - українських І. Огієнка, О. Лотоцького, В. Антоновича, польських - Н. Зубрицького, Я. Бандтке та ін., дало змогу зробити висновок про те, що

друкарство в Україну прийшло не зі сходу, з Москви, як досі вважалося, а із заходу, від німців (Швайцарія 1491 рік, у Кракові на замовлення ікраїнської громади випустив тогочасним українським шрифтом "Октоіх" та "Осьмигласник").

Поширення друкарства у Європі мало таку схему: Італія - 1464; Голландія - 1473; Іспанія - 1474; Португалія - 1478.

Поширення друкарства у слов'янському світі має таку послідовність: чехи - 1478, українці - 1491, серби-чорногорці - 1493, росіяни - 1564, болгари - 1691.

Початки ікраїнського книгодрукування варто поділяти на два періоди: власне на українських землях і поза ними.

Українські друкарі первісно мали від своїх західних колег (чехів, німців, болгар, поляків) як техніку друку, так і особливості художнього оформлення.

*Tokarz, Bożena
Polonia*

PERSPEKTYWA INTERTEKSTUALNA PRZEKŁADU

Dzieło literackie uczestnicząc w akcji komunikacji społecznej ma zmienną zdolność przekazywania informacji, która zależy od kontekstu odbiorcy określonego przez jego wrażliwość, wiedzę, czas historyczny i kulturę. Jego specyfikę określa intertekstualność wewnętrzna rozpisana w tekście i zewnętrzna - wynikająca z podjęcia dialogu z otaczającą ikonosferą i psychosferą.

Przekład stanowi akt piętrowej komunikacji, ponieważ poza wymienionymi relacjami intertekstualnymi mamy do czynienia z podwójnością nadawcy i odbiorcy tekstu. Tłumacz, będąc odbiorcą oryginału, staje się jego drugim autorem świadomym swojej wolności i ograniczeń. To, co go ogranicza, równocześnie motywuje jego swobodę.

Niewątpliwym ograniczeniem są różnice wynikające z różnych systemów językowych uczestniczących w procesie translacji. Struktura języka modyfikuje strukturę tekstu w różnym zakresie w przekładzie z języków słowiańskich na słowiańskie oraz z języków słowiańskich na niesłowiańskie (np: język francuski) i odwrotnie. Ulegają więc pewnowmianu przesunięciu (wyakcentowaniu lub zatarciu) strategie wewnętrztekstowe. Istotne miejsce wśród tych zjawisk zajmuje różna - w oddmiennych systemach językowych - konceptualizacja uczuć obecna m.in. na poziomie leksykalnym i stylistycznym.

Tłumacz, będąc wiernym oryginałowi, podejmuje się jego interpretacji. Zakreśla tym samym szersze lub węższe zakresy gry intertekstualnej niż oryginał ze względu na uwarunkowania językowe, historyczne, kulturowe, wyznawaną przez siebie doktrynę estetyczną i własną wrażliwość.

*Torquemada Sánchez, Joaquín
Universidad de Granada*

EL RELATO DE NEMOROSO EN LA ÉGLOGA II DE GARCILASO Y EL "CANTAR DE LAS HUESTES DE ÍGOR: PARALELISMOS Y SEMEJANZAS

Cuando el lector se enfrenta al texto de la Égloga II de Garcilaso de la Vega no puede menos que deleitarse ante uno de los ejemplos más representativos de la lírica del Renacimiento en España. A pesar de estar compuesta en el siglo XVI, la Égloga II sorprende por estar impregnada de Clasicismo y de Modernidad al mismo tiempo, y puede observarse en ella una gran profusión de elementos propios de corrientes artísticas y literarias anteriores y posteriores. En este sentido, la Égloga II de Garcilaso podría considerarse una obra moderna, precursora de un movimiento artístico y literario que se impondría casi tres siglos después (el Romanticismo). Pero también podemos hallar en ella elementos que pueden hacernos retroceder en el tiempo, casi tres siglos atrás, a finales del siglo XII. Y no sólo se produciría un notable desplazamiento en el tiempo, sino también en el espacio, hasta las estepas de los territorios limítrofes del primer estado ruso: la Rus de Kiev.

En uno de los episodios de la Égloga, concretamente en el relato final de Nemoroso, el autor del presente trabajo se ha visto sorprendido por los muchos paralelismos y semejanzas que tiene el fragmento con una de las obras cumbre de la literatura rusa de todos los tiempos: El "Cantar de las huestes de Ígor". Se trata de un texto escasamente conocido para el lector español, si bien en dicho Cantar está basada la famosa ópera del compositor ruso Alexandre Borodín "El Príncipe Ígor" con sus célebres "danzas polovtsianas". El "Cantar de las huestes de Ígor" es un cantar de gesta medieval equivalente en cuanto a significación y valor literario al "Poema de Mío Cid" o a la "Chanson de Roland". De autor anónimo, fue compuesto, según todos los indicios, en 1187, y narra los hechos sucedidos dos años antes, en 1185, en las fronteras de la Rus de Kiev. Durante los meses de abril y mayo de ese año, el príncipe de Nóvgorod-Séverski, Ígor Sviatoslavich, junto con su hermano Vsévolod, príncipe de Trubchevsk, su hijo Vladímir, príncipe de Putivl y su sobrino Sviatoslav Olgóvich, príncipe de Rílsk, inició una expedición contra las hordas polovtsianas, pueblo nómada de las estepas, que amenazaba las fronteras de los principados feudales rusos. Con estos ingredientes, el autor elabora una de las más bellas y refinadas páginas de la literatura rusa, comparable en belleza y refinamiento a la Égloga II de Garcilaso.

*Torres Soto, María Dolores
Universidad Complutense de Madrid*

EL LENGUAJE DE LOS MEDIOS DE COMUNICACIÓN SOCIAL EN LA NUEVA RUSIA

La influencia de los medios de comunicación en la sociedad actual es indiscutible; su papel resulta determinante a la hora de configurar la imagen del mundo, esa aldea global que habitamos. Los grandes comunicadores de masas mediatizan la opinión pública, el juego internacional, las pautas y valores sociales e, incluso, el curso de la Historia de la humanidad. Rusia, país anciano y joven al mismo tiempo, conoció su despertar informativo muy

recientemente. En 1989, la "glásnost" o política de libertad informativa popularizó y reafirmó la figura de Gorbachov de cara al exterior. Pero desde entonces hasta la actualidad los medios de comunicación rusos han sufrido muchos cambios, de manera que podrían diferenciarse varias etapas dentro de su andadura por el universo de Gutenberg.

El periodismo ruso, lleno de curiosas paradojas, posee un lenguaje comunicativo especial, característico. Estos periodistas de nuevo cuño entienden la profesión a la manera occidental, aunque sus planteamientos informativos son radicalmente diferentes en formas y contenidos. ¿Por qué la experiencia comunicativa rusa se vale de un código tan particular? ¿A qué se debe este concepto distinto de la información? ¿Hacia dónde caminan los medios de comunicación en Rusia? Un estudio exhaustivo del estilo, los rasgos lingüísticos y el mensaje transmitido responderá a estas preguntas. Se preve que el futuro incremente el protagonismo y refuerce la función social de los "*mass media*" en Rusia.

Тунгусова, Г.И.

Tungusova, G. I.

Universidad de Irkutsk

Federación Rusa

ОСОЗНАНИЕ ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ ПЕРСПЕКТИВНО-МОТОРНОЙ СТРУКТУРЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА.

Для фонетического аспекта процесс психического отражения предмета характеризуется трехуровневостью:

- на когнитивном уровне учащиеся осознают предмет как перцептивно-моторную структуру звуковой реальности изучаемого языка. Это уровень сенсорно-перцептивных процессов;

- на регулятивном уровне осознанность предмета выражается в оперировании студентами сформированной перцептивно-моторной структурой для восприятия информации. Это уровень представлений;

- на коммуникативном уровне сформированный эталон функционирует, адекватно реализуясь в процессе общения говорящего на иностранном языке с другими людьми, носителями и неносителями данного языка. Это уровень понятийного мышления.

Характеризованная трехфазная структура деятельности иностранных обучаемых по уяснению "законов" национального видения фонетико-интонационного оформления русской речи построена на чувственно-оценочных отношениях субъекта к воспринимаемому явлению.

Все чувственно-оценочные действия на разных ступенях отражения языковой реальности в субъективном сознании иностранных учащихся обусловлены:

- сравнением при первичном восприятии эталона на фоне близкого, сходного звука родного языка;

- идентификацией и дифференциацией перцептивного эффекта при восприятии звука родного языка и звука иностранного языка;

- проекцией перцептивных ощущений на моторную реализацию, контролируемую ощутимыми моментами артикуляции;

- анализом ощущимых моторных элементов при реализации перцептивно-моторной структуры эталона;
- первичной моторной эмпатией, адекватность которой контролируется обучаемыми с опорой на ощущимые моменты артикуляции;
- установлением аналогии между фонетической оболочкой слова и ее орфографической интерпретацией;
- каузальным анализом;
- интерпретацией сформированного перцептивно-моторного образа-эталона.

*Turover, Г.Я
Turover, G. Ya.
Madrid*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Процесс перевода с иностранного языка на родной отличается от процесса перевода с родного языка на иностранный своими специфическими трудностями. При переводе на иностранный язык переводчик без труда понимает оригинальный текст и вся сложность перевода заключается в формулировке текста на иностранном языке. При устном переводе с иностранного языка на родной основная трудность состоит в понимании оригинального текста, тогда как выражение понятой мысли на родном языке обычно не вызывает больших трудностей.

Переводчик, устно переводящий на родной язык, стоит перед большими опасностями, нежели переводчик, переводящий на иностранный язык. В самом деле, переводчик, в достаточной мере владеющий иностранным языком, всегда может так или иначе передать на иностранном языке понятную ему мысль. В крайнем случае, он выразит ее недостаточно, со стилистическими или иными ошибками, но основная мысль будет передана, и акт общения состоится. Если же переводчик, переводящий с иностранного языка, не поймет текста, то произойдет самое худшее - перевод не состоится, то есть мысль, подлежащая переводу, вообще не будет передана.

Именно поэтому в известном смысле правильна парадоксальная мысль: переводить на иностранный язык легче, чем на родной.

Что же может препятствовать пониманию иностранного текста?

А. Фонетические трудности

Бывают случаи, когда переводчик не может разобрать слова текста. Это может произойти по трем причинам: а) плохо работает техника (наушники и т.п.), б) переводчик плохо знаком с фонетическим строем соответствующего национального варианта испанского языка (аргентинского, кубинского и пр.), в) переводчик не может фонетически осознать незнакомое или мало знакомое слово.

Б. Лексические трудности

Устный переводчик в процессе перевода не может обращаться к словарям, справочникам, энциклопедиям. Это вызывает специфические трудности, для преодоления которых приходится сочетать ряд приемов. В частности, человек, готовящийся к деятельности устного переводчика, должен самым тщательным образом

изучить всю лексику, характерную для выступлений на конгрессах и конференциях научного характера. К такой лексике помимо собственно политической (или научной), относится и процедурная лексика.

В. Грамматические трудности

Морфология испанского языка обычно не вызывает особых трудностей в понимании и переводе текстов. Больше трудностей создает синтаксис. Для их преодоления требуется безусловное владение всеми синтаксическими конструкциями испанского литературного языка, в том числе редкими и устаревшими.

Vачева, Ангелина

Vacheva, Angelina

Universidad de Sofia "Kliment Ojridski"

Bulgaria

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СИСТЕМОЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В РУССКОЙ МАССОВОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ XVIII ВЕКА

В последнее время проблемы русской массовой литературы все больше привлекают внимание исследователей. В нашем предполагаемом выступлении мы остановимся на некоторых особенностях функций персонажей в лубочных повестях второй половины XVIII века. В центре нашего внимания будут использование традиционных сюжетных схем и функций персонажей, занятых прежде всего в фольклорной повествовательной прозе, а также изменения, наступившие в результате большей экстенсивности в развитии сюжетов. Эти противоречия между активностью и пассивностью персонажей, которые все больше находятся под влиянием ситуации, в результате стремления авторов привлечь читателей необычностью и экзотичностью фабулы. Производит впечатление также сужение использования аппарата помощников, протагониста и т.д.

Интересно проследить также изменения в традиционной характеристологии персонажей под влиянием предромантической и сентиментальной "высокой" литературы, взаимодействие между русским и иерусским материалом, легшим в основу сюжетов, установка на занимательность и экзотичность в номинации персонажей, их социальном статусе и др. Во всех этих аспектах проявляется характерное для массовой беллетристики противоречие между установкой на традиционное, знакомое, идущее от фольклора и низовой городской культуры, с желанием авторов привлечь внимание и добиться и литературного, и финансового успеха путем введения новшеств, взятых взаймы у "высокой" отечественной и переводной литературы.

*Väisänen, Tuula
Baschmakoff, Natalia
Universidad de Joensuu
Finlandia*

"LEARNING BY DOING" - "ДЕЛАЙ ДЕЛО, УЧИ СМЕЛО!"

Кафедра иностранных языков при гуманитарном факультете Йоэнсууского университета (Финляндия, Северо-Карельская губерния) уже пятый год успешно проводит занятия по русскому языку и культуре по принципу: делай дело, учи смело! Повелительное наклонение 'учи' относится как к преподавателю так и к студенту.

С первых же учебных недель студента вводят конкретно в круг явлений обучаемой культуры. В начале сентября весь преподавательский состав вместе с первокурсниками уединяется на два-три дня "в глупши" на учебной базе при университете. Студентов-финнов размещают вместе со студентами иностранцами и официальным языком общения - даже для нулевиков - объявляется русский. Новички знакомятся не только друг с другом и с преподавателями, но и с окружающей средой. Они бродят по лесу, собирают, жарят, солят и сушат грибы, пекут пироги, пьют чай с вареньем из огромного самовара и играют на лужайке в жмурки и горелки.

Так, с самых простых средств информации, как ауканья в лесу, окликнов, восклицаний, мимики, жестов и т. д. начинается знакомство с новой культурой. Затем следуют игры, общая баня, парилка с хлестанием березовых веников, купанье в ледяной воде и возврат на ночлег под ясным небом, на котором преподаватель читает карту звезд: "Ну-ка, найдите мне Полярную Звезду!"

Учеба не молоко: из кувшина в кувшин не перельешь. Между учением и постижением существует личное переживание. Переживание всегда целостно, эмоционально, эмпирично. Оно находится в тесном взаимоотношении с этикой культуры и эстетикой среды, и только как таковое оно постигается языковыми средствами.

Постижение новой культуры посредством сопереживания ставит студента и преподавателя на одну черту перед зарождающимся диалогом. Постороннему наблюдателю не известно: кто учит кого.

"Правильной" модели решения вопроса не существует, ибо сопереживание основывается на передаче незнакомого через знакомое: информация новая, эмоция знакомая. Включая студента в эмоциональное отношение к тексту, преподаватель ждет от него личного, пережитого выбора пути. Обучающийся входит в диалог с текстом. Он выбирает из массы незнакомого, знакомые пятна или модули. Модули общие, путь к выбору того или иного модуля индивидуален и "результат" - многолик.

*Velasco Menéndez, Josefina
Universidad de Salamanca*

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИСПАНСКИМИ

В настоящем докладе автор рассматривает достаточно многочисленные и

разнообразные по своей структуре ФЕ, включающие в свой состав числительные, а также пытаются проследить за изменениями, происходящими при перенесении этих ФЕ в испанский языковой контекст. При этом анализируются смысловые, формальные и стилистические различия и совпадения в обоих языках. Особое внимание уделяется безэквивалентным ФЕ и ФЕ содержащим архаизмы.

*Velichko, Alla
Universidad Estatal de Moscú
Federación Rusa*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Объектом рассмотрения в данном сообщении являются синтаксические фразеологизмы (СФ) - особые синтаксические структуры, предназначенные для выражения субъективно-модальных значений (Вот так сказал! Чем не подарок! Чтобы он когда опоздал! Что ни студент, то празднику!).

Основное внимание уделяется семантике СФ - основному компоненту их характеристики. Семантика СФ может быть адекватно раскрыта только в результате их описания с опорой на идеи современной лингвистики, отличительной чертой которой является сочетание чисто лингвистического описания с социокультурным.

При рассмотрении СФ в социокультурном аспекте прослеживается их двоякая природа. С одной стороны, СФ отражают в своей семантике свойства человеческой личности, человека вне его национальной принадлежности. Например, многие СФ (Вот силач! Что за прелесть! Всем пирогам пирог!) закрепляют склонность человека давать оценку предметам, явлениям, фактам реальной действительности, сопоставляя их с идеальным, эталонным; другие фразеологизмы отражают стремление человека выявлять взаимосвязь, взаимообусловленность явлений, фактов (Работа работой, а отдых тоже надо! Уж на что старожилы и те не помнят такой суровой зимы и др.). В содержании фразеологизированных структур проявляется также эмоциональное отношение человека к окружающему миру.

С другой стороны, СФ представляет собой специфически русские построения, так как они отражают особенности русского национального менталитета, характера осознания реального мира именно русским человеком. Можно говорить о прецедентном компоненте в значении СФ. Этим объясняется, например, чрезвычайная детализация оценки, представленная большим количеством оценочных СФ (Вот это цветы! Розы - это цветы! Всем цветам цветы! Чем не цветы! Тоже мне цветы!).

Закреплена в СФ и свойственная русскому человеку открытость, откровенность, общительность. Так мотивом употребления СФ "Хоть * импер." (Хоть уезжай из этого города! Хоть меняй работу!) обычно является привычное для русского человека желание обрисовать негативную ситуацию, пожаловаться, вызвать сочувствие, то есть просто "выговориться и облегчить душу", даже не планируя изменить ситуацию путем исполнения целесообразного действия. А такие фразеологизмы, как Чем же подарок! Мало ли почему он опаздывает! отражают свойственное русскому человеку стремление

убедить собеседника, воздействовать на него.

Описание СФ с учетом социокультурного аспекта позволит во-первых, дать полное их описание для прикладных целей, например, для практики РКИ, во-вторых, провести наблюдения над сходством и различием русского и славянских языков. Глубине и объективности описания способствовало бы изучение в сопоставительном плане возможных вариантов перевода СФ на другие языки.

Перспектива изучения СФ заключается в разработке словаря-справочника русских СФ и их славянских эквивалентов.

Владимирова, Л. В.

Vladimirova, L. V.

Universidad Estatal de Kazán

Federación Rusa

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КОНФИКСАЛЬНОЙ СТРУКТУРОЙ

Известно, что большинство существительных в истории русского языка характеризуется семантической деривацией в определенном направлении: название лица - название предмета, т. е. в том направлении, в котором исторически формировалась омонимия форм с суффиксами -ник, -тель, -щик, -ун и т. д., например **зажигальник** (поджигатель) - **зажигальник** (орудие для зажигания), **будильник** (тот, кто будит) - **будильник** (орудие) и т. д. Ср. в современном русском языке: **дворник** (человек) - **дворник** (устройство). Таким образом, указанное направление семантического словообразования, видимо, следует признать традиционным, «классическим».

На этом фоне обращает на себя внимание нестандартное (противоположное традиционному) направление семантической деривации в кругу форм со структурой **на...ник**: название предмета - название лица, например: **наушник** (прибор) - **наушник** (клеветник), **нашейник** (часть доспехов) - **нашейник** (тунеядец), **нагрудник** (род одежды) - **нагрудник** (любовник) и т. д.

Отмеченная особенность исследуемых форм связана, вероятно, с тем, что в отличие от образований с вышеуказанными суффиксами, где значение предмета исторически является вторичным, формирование имен на **на...ник** со значением лица и со значением предметашло в языке параллельно как два самостоятельных процесса.

При попытке объяснения указанной особенности нельзя забывать и о том, что образование существительных со структурой **на...ник**, называющих лицо, в значительной степени тормозило исконное значение начального на- (отсюда и обращающая на себя внимание существенная разница в количестве названий лица и названий предмета на **на...ник** в пользу последних), а потому часть имен, обозначающих лицо, образовывалась не морфологическим путем, при котором очень сильно локальное значение препозитивного на-, а семантическим способом, т. е. на базе семантического переосмыслиния соответствующих форм с предметным значением, например: **нахребетник** (часть конской упряжи) - **нахребетник** (дармоед, наклебник) и др.

Важно отметить, что семантическое переосмыслиение в направлении предмет - лицо могут демонстрировать не только рассматриваемые образования, оформленные

конфиксом на...ник, но и некоторые другие существительные. Однако в этом случае приходится говорить о развитии своеобразной обратной соотнесенности, так, первоначально: взрыватель (лицо) - взрыватель (устройство) или истребитель (лицо) - истребитель (самолет) и т. п., но в современном русском языке уже можно наблюдать: глушитель (приспособление) - глушитель (лицо).

Учитывая тот факт, что исторически названия предмета (по отношению к лицу) у слов на -тель являются вторичными, указанную мотивацию следует рассматривать как обратную соотнесенность в сфере семантического словообразования.

Однако отмеченный факт обратной семантической деривации невозможно экстраполировать на формы с конфиксом на..ник, поскольку здесь (в отличие от образования с суффиксами -тель, -щик и т. д.) не происходило переосмыслинения отношений первичности - вторичности и, соответственно, не было смены генетических отношений производности на обратные. Вот почему в пределах интересующих нас имен практически отсутствуют случаи образования слов предметного значения на базе семантического переосмыслинения соответствующих форм со значением лица. Все обнаруженные нами в языке образования типа *наушник* (клеветник) и т. п. характеризуются общим направлением семантической деривации предмет - лицо, при этом *их* соотнесенность следует расценивать как прямую.

Власенко С. В.

Vlasenko, S. V.

Academia de Ciencias de Rusia, Moscú

Federación Rusa

ПЕРЕВОД РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ: ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ

Перевод русской волшебной сказки на английский язык связан с дифференциацией видов референции, позволяющей детализировать актуальную номинацию персонажей и релевантных понятий текста сказки в сознании реципиентов. Существенное значение имеют области экзофорической (внеконтекстовой) референции сказочного пространства, представленного в тексте, с гипотетическим (квази-реальным, воображаемым или условным) миром. Именно по линии экзофорической соотнесенности текста сказки с воображаемым когнитивным пространством наиболее вероятно нарушение целостности понимания: возникает смысловой обрыв контура текста. Идентификация областей референтной соотнесенности текста принципиально важна для адекватного означивания и выбора лексико-семантических средств в переводе. Означивание таких традиционно русских сказочных понятий, как, например, *заливные луга* - *high meadows*, *наливное яблочко* - *a red juicy/ripe apple* (ср. **a pink-cheecked/rose apple*), т.п., связано с многоуровневой и многокомпонентной трансформацией образного ряда понятий, которая достигается метонимическим или антонимическим переводом. Перевод национально-специфических понятий и имен персонажей сказок, а также релевантных дескрипций, лексические корреляты которых в течение веков закреплены в сознании носителей языка, оказывается возможным при условии смещения фокуса референции. Интерпретация референции в переводе сказок связана с модификацией референтного выражения в тексте оригинала на уровне

поверхностной структуры, но характеризуется референционно связанным (referentially dependent) означиванием на уровне глубинной (когнитивной) структуры смысла.

Власова, А. О.

Vlasova, A. O.

Instituto de Medicina "Académico I. Pavlov", San Petersburgo

Federación Rusa

ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Терминология - семантическое ядро науки, основная составляющая часть научного стиля речи, поэтому аспект "язык специальности" является одним из важнейших при обучении иностранных студентов-нефилологов.

В отличие от студентов-филологов учащиеся нефилологических вузов (к которым относятся медицинские высшие учебные заведения России) заинтересованы в русском языке не как в профилирующем предмете, объекте специализации, а как в средстве ее приобретения. Отсюда следует, что преподавание русского языка студентам-нефилологам должно как можно раньше приобщать их к профессиональной коммуникации, знакомить с ее спецификой. Такой точки зрения придерживается большинство современных исследователей, в частности, В.Г.Костомаров и О.Д.Митрофанова.

Медицинская терминология в настоящее время представляет собой одну из самых обширных и сложных в понятийном отношении систем терминов. В ее состав входят несколько десятков терминологических подсистем отдельных отраслей медицины, количество которых постоянно увеличивается.

В центре любой медицинской дисциплины стоит человек и его здоровье. Это обуславливает наличие в медицинской терминологии большой группы общемедицинских терминов, называющих понятия единые для всех отраслей медицины и органично входящих в любую посистему медицинской терминологии. Это названия основных направлений медицинской деятельности (профилактика, лечение, диагностика), термины, указывающие этапы развития болезни (кризис, приступ, ремиссия), термины, характеризующие течение заболевания (синдром, симптом, клиническая картина), обозначение отклонений организма от нормального состояния (патология, болезнь, расстройство функций) и т.д.

Введение подобных терминов на раннем этапе языковой подготовки студентов-медиков позволит обеспечить преемственность в обучении русскому языку и ликвидировать разрыв, возникающий между подготовительным и основным курсами.

Wawryński, Michał

Escuela Superior de Pedagogía de Bydgoszcz

Polonia

POLSKI ROMANTYCZNY BOHATER IRONISTA, JEGO KREACJA I WPŁYW NA PÓŹNIEJSZE LITERACKIE WZORCE OSOBOWE

Kreacja polskiego ironisty romantycznego na trwałe zaważyła na kształcie późniejszych literackich kreacji osobowych oraz, co można nazwać "zgubnym" czynnikiem, stała się kanonem kulturowym naszej rodzinnej rzeczywistości.

Pragnę udowodnić, że polski bohater romantyczny po pierwsze: wyróżniał się na tle kreacji osobowych literatur słowiańskich tamtego okresu; po drugie: jego kreacja, mimo iż wypływała z głębokich korzeni kultury narodowej, nie była od wpływów zachodnioeuropejskich, nie tylko im nie uległa ale jeszcze stwożyła nową kategorię estetyczną i filozoficzną; po trzecie: kreacja ta miała i ma "zgubny" wpływ na kształt wzorców osobowych w literaturze polskiej ponieważ istota egzystencji bohatera romantycznego opiera się na buncie a ten prowadzi do paradoksu i chęci rozwikłania go, a to cecha znamienna dla wielkich kreacji osobowych np. w literaturze współczesnej.

Wolny, Kazimierz

Rzeszów

Polonia

TEORIA LITERATURY I JEJ NAUCZANIE POLSKICH STUDENTÓW

Teoria literatury jest przedmiotem ciekawym nie tylko ze względu na eksperymenty w zakresie badań dzieł literackich, ale także ze względu na sposób jej nauczania. Wiadomo, że tyle może być teorii na temat danego zjawiska literackiego, ilu jest teoretyków. Dlatego problem jest w tym, jak nauczać teorii literatury na kierunkach filologicznych.

W artykule niniejszym zwracam uwagę na porządkowanie materiału badawczego i umożliwienie studentom, co jest przedmiotem teorii literatury i na co należy zwrócić uwagę w trakcie jej nauczania. Poddaję także pod uwagę, jak należy zachętać studentów filologii do uczenia się tego przedmiotu, wyzwalając w nich zainteresowania teoretyczno-badawcze. Zastanawiam się także nad problemem mówienia o teorii w świetle polskich szkół teoretyczno-literackich.

Задорина, А.

Zadorina, A.

Centro de Lengua Rusa "Zlatoust"

San Petersburgo

Federación Rusa

О КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИХ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «РОССИЯ В ХАРАКТЕРАХ, СИТУАЦИЯХ, МНЕНИЯХ» С.-Пб., 1996)

Национальная специфика русского менталитета, русского национального характера может быть понята только при обращении к духовной культуре нации. Исходя из традиции понимать культуру как совокупность образцовых текстов (Ю. М. Лотман), в докладе обоснованы некоторые принципы, использованные при составлении книги для чтения по русскому языку.

Образцовый текст отражает, прямо или опосредованно, различные стороны личности человека как носителя типичных черт культуры и характерную для них систему ценностных ориентиров.

Необходимо включать в процесс изучения новый круг текстов:

- художественные тексты, ранее недостаточно использовавшиеся в практике составления книг для чтения по РКИ (В. Набоков, Тэффи, А. Солженицын, В. Войнович, С. Довлатов, А. и Б. Стругацкие);
- публицистические тексты, обращенные к вопросам национальных, религиозных особенностей русской культуры (Н. Бердяев, К. Леонтьев, В. Белов, Д. Лихачев, А. Тарковский);
- новые для учебных книг фрагменты широко известных художественных текстов, отражающие «социальный архетип» (А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов, И. Гончаров).

Национальное начало может быть выявлено как через логику характера персонажа, его поступки, так и эксплицитно - как прямое указание автора, что написло отражение в структуре книги (Характеры, Ситуации, Мнения).

Тексты, объединенные в одну книгу, несмотря на разнообразие эпох, стилей, жанров, авторских позиций, представляют собой некий макротекст, обладающий всеми текстовыми характеристиками. Его составляющие взаимодействуют между собой на разных уровнях, что усиливает возможности культурологической и литературоведческой работы с ними.

Характер послетекстовых заданий и вопросов дифференцирован в зависимости от учебного уровня текста. Они направлены на решение коммуникативных задач, но также предполагают, что грамматика может быть усвоена только в интеллектуально значимых контекстах и предоставляют выбор направлений работы.

Целесообразно применение компьютерной системы адаптации текстов для разного уровня владения языком и расстановка ударений в текстах всех уровней. Лингвострановедческий и литературоведческий комментарии касаются слов и выражений, которые имеют сильную «культурную ауру», находящую выражение в литературе, философии, собственно в языке («блаженный», «странник», «Великороссия» и т. п.).

В докладе будет проиллюстрирована практическая реализация указанных принципов на примере книги «Россия в характерах, мнениях, ситуациях».

Zaitzeva, Vesselina

Universidad de Sofía "S. Kliment Ojridski"

DEPARTURES FROM THE SOURCE TEXT RESULTING FROM THE ISSUES RELATED TO THE SOCIAL ROLE OF SIMULTANEOUS INTERPRETER (BASED ON A CORPUS OF RUSSIAN-BULGARIAN TRANSLATIONS)

Analysis of transcripts from conferences using simultaneous interpretation (as well as our observations) has revealed that certain types of departures from the source text (ST) are related to the problem of the social role of simultaneous interpreter.

These departures (omissions, additions and substitutions) in general lead to the following differences between the ST and the text of translation (TT):

- standardization of the language means;
- systematic increase in the degree of politeness; and
- changes in the modal framework (specifically, in the evaluation given by the speaker to the proposition of the utterance).

The reasons for these phenomena as we believe are related to the fact that the profession of the simultaneous interpreter is a comparatively new one, and hence the social norms of the simultaneous interpretation are not fully established yet.

Moreover, because of this and some other reasons some of the expectations to the social role of simultaneous interpreter can be regarded as inconsistent and this results in a certain degree of role ambiguity.

Some types of departures also reveal the issue of a person-role conflict in specific situations, typical for simultaneous interpretation.

Apart from the description of the most common departures and the concrete reasons for their occurrence in the TT, the paper offers recommendations which might be useful in training simultaneous interpreters.

Zarek, Józef

Universidad Silesiana de Katowice

Polonia

PROBLEMATYKA SERII TRANSLATORSKICH Z ZACHODNISŁOWIAŃSKIEJ PERSPEKTYWY

Za punkt wyjścia bierzemy klasyczne dziś na obszarze Zachodniej Słowiańszczyzny, a powstałe w kręgu myśli neostrukturalistycznej, prace przekładoznawcze takich autorów, jak: Jiří Levý (Czechy), Edward Balcerzan (Polska), Anton Popović (Słowacja). Inspirują one nadal młodszych badaczy przekładu, akceptujących choćby przyjęte tam rozróżnienie między oryginałem a przekładem, gdzie oryginał posiada status inwariantu, zaś przekład przybiera postać jednego z wariantów w realnej czy potencjalnej translatorskiej serii. Te właśnie założenia, dotyczące zarówno oryginału jak i przekładu, pragniemy nieco skomplikować. Po pierwsze bowiem pojawiły się utwory literackie, nawiązujące do twórczości oralnej oraz muzycznej techniki wariacyjnej, które istnieją w postaci serii kilku tekstów już w oryginale, co

stanowi wyzwanie nie tylko dla tłumaczy. Po drugie w serii przekładów nie mniej ważne od relacji między przekładem i oryginałem stają się relacje między przekładem nowym a wcześniejszym lub między dwoma przekłady równoczesnymi. W związku z tym można wyróżnić serie translatorskie w płaszczyźnie diachronicznej oraz synchronicznej. Ich pojawianie się i rozwój trzeba interpretować jako przejaw dynamiki związków międzyliterackich oraz wyraz metarefleksji, ważnej dla translatologii, ale również istotnej dla rozumienia dzieła literackiego. Problemy tego typu analizują między innymi prace z cotycznych konferencji w Katowicach 1988-1996, poświęconych problemom przekładu artystycznego.

Жданова Владислава

Zhdanova, Vladislava

Universidad Lomonosov de Moscú

Federación Rusa

РУССКИЙ РОК: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Рок - уникальное явление социально-культурной жизни бывшего СССР: это не только музыкальное направление (в узком смысле), а некое ставшее реальным виртуальное пространство (в широком смысле), задавшее в определенный момент совершенно особый стиль жизни, отягощенный собственным мировоззрением, которое проявляется и в рок-музыке, и в рок-поэзии, и в свойственной представителям этого стиля манере вести себя, говорить и одеваться). В своем докладе мы постараемся показать, что дает нам право отнести русский рок к одному из жанров современного фольклора: 1) политico-экономические и культурные предпосылки его появления; 2) сходство и разлияне русского рока с западным: воздействие народной песенной традиции; невозможность разделения рок-композиции на рок-текст и рок-музыку: определенный синкретизм жанра; 3) мифологизм рок-н-рольного сознания, формирование устойчивых, воспроизводимых по определенной модели и устно передаваемых мифологем; 4) влияние - в связи с этим - рока на иные сферы жизни социума и появлением особого "рок-н-рольного" стиля жизни; 5) способность культурного противостояния несвободе; 6) место и значение рока в контексте современной цивилизации и культуре. Столкновение цивилизации и фольклорной традиции оказывается продуктивным постольку, что рок вообще, а русский рок - в особенности, - формируется и развивается как жанр (или - шире - стиль) только в условиях жестко заданного противостояния: культурного, социального и политического. Рок, отвергая предлагаемую социумом систему ценностей, всегда создает свою, проявляя при этом свой творческий потенциал и лингвистически: т.е. представляет новый арготический язык.

O.Ф.Жолобов

Zholobov, O. F.

Universidad Estatal de Kazán

Federación Rusa

DUAL - DUOPLURAL - PLURAL

1. В единственной до сих пор монографии (А. М. Иорданский), посвященной описанию двойственного числа в истории русского языка, начало процесса утраты двойственного числа отнесено к дописьменному периоду и связывается с двумя разновидностями двойственного числа - с так называемым свободным двойственным числом и с двойственным числом личных местоимений. Однако при анализе соответствующих примеров обнаруживается, что это положение книги А. М. Иорданского является целиком ошибочным и основывается на отсутствии анализа дистрибутивного употребления свободного двойственного числа и функциональной характеристики местоименной номинативной формы *вы_*, которая в древнеславянском употреблении входила как в плюральную, так и в дуальную парадигму. Анализ очень показательных в этом смысле берестяных грамот показал, что свободное двойственное число должно было быть известно народно-разговорному языку еще в начале XIII в., а в прономинально-вербальном комплексе двойственное число используется по крайней мере до середины XIII в. Необходимость выделения прономинально-вербального комплекса доказывается не только древнеславянскими, но и типологическими данными, и это ставит перед исторической славистикой новые задачи, так как до сих пор прономинально-вербальное двойственное число первого и второго лица, выполняющее коммуникативно-номинативную функцию, не было полно описано.

2. Интерпретация фактов варьирования плюральных и дуальных форм в древних текстах как доказательство утраты двойственного числа не согласуется с общей лингвистической теорией, в рамках которой подобное варьирование необходимо связать с образованием дуоплюрального числа, имеющего значение 'два, оба и больше' и включающего маркированный и немаркированный член.

3. Если образование двойственного числа, которое является квазиуниверсалитетом, выступает как наиболее яркий образец грамматической категоризации феноменов ментальной сферы, то утрата двойственного числа в русском языке и в других славянских языках связана по крайней мере с четырьмя ступенями генерализации. В русском языке четвертая ступень по языковым данным должна быть отнесена к концу XVI - началу XVII в. В это время происходит распад дуоплюрального числа в счетных номинативно-аккузативных формах в результате обобщения маркированных по роду форм на -*a* типа *два дома, три города* и образования счетного множественного числа со значением ограниченной квантификации.

Золотова, Г.А.

Zolotova, G. A.

Instituto de Lengua Rusa de la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú

Federación Rusa

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА КАК ЦЕЛЬ И ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

1. Текст рассматривается как основной объект лингвистики, поскольку язык существует и функционирует в процессе коммуникации и ради коммуникации в форме текстов, письменных и устных, подготовленных и спонтанных. Знания о языковой системе извлекаются лингвистикой из множества текстов. Соответственно, полноценным это значение может быть тогда, когда единицы языка осмысляются как части, элементы целого, в их служении тексту.

2. Слово "организация" избрано из ряда синонимов (строй, структура, устройство текста), потому что в нем соединены и активно-процессуальное значение (создание, построение, порождение текста субъектом речи) и результативное (текст как данность, как объект восприятия и анализа). В этом единстве получает выражение одна из идей доклада - о взаимообусловленности теоретических и практических интересов в изучении текста, репродуктивных и перцептивных компонентов в освоении языка.

3. Стой текста определяется соотношением речевых, коммуникативно-смысловых единиц. В многообразии текстовых форм и структур обнаруживаются основания для типизации, признаки сходств и различий. Выявлены 5 коммуникативных типов или регистров речи. Показана роль говорящего в разграничении и композиционном объединении регистров. Анализируются видовременные функции глаголов и другие языковые средства организации текста.

4. Наблюдения над текстовыми функциями языковых форм в свою очередь способствует решению ряда трудных и дискуссионных вопросов грамматики.

5. В ходе обучения текст выполняет двойную мотивационную нагрузку: порождаемый - как средство общения, воспринимаемый - как носитель знания, лингвистического, филологического, специального, общекультурного.

ÍNDICE

<i>Adelgeim, Irina</i>	3
<i>Akhmedov, German</i>	3
<i>Alekseenko, Mijail</i>	4
<i>Aleksieva, Tatiana</i>	5
<i>Amirova, A. A.</i>	6
<i>Ampel-Rudolf, Miroslawa</i>	7
<i>Aparicio Cortés, Elena</i>	8
<i>Bagaeva, Daria</i>	53
<i>Baranov, V. A.</i>	8
<i>Baschmakoff, Natalia</i>	9
<i>Baschmakoff, Natalia</i>	106
<i>Bashieva, S. K.</i>	10
<i>Basylev, V.</i>	11
<i>Bazilievski, Andrei</i>	12
<i>Bednářková, Božena</i>	12
<i>Bizheva, Z. J.</i>	13
<i>Bobran, Marian</i>	14
<i>Böcker, E.</i>	15
<i>Boeva, Liudmila</i>	15
<i>Boiko, V. G.</i>	16
<i>Bondarko, A. V.</i>	17

<i>Chernokozhev, Nikolai</i>	18
<i>Chongarova, Irina</i>	18
<i>Čmejrková, Světla</i>	19
<i>Collado Cañas, M^aJosé</i>	20
<i>Czasak, Adam</i>	20
<i>Da Conceição Glória, Amália Maria</i>	21
<i>Daneš, František</i>	21
<i>Denchewa, Dilyána</i>	22
<i>Dotchenko, Natalia</i>	23
<i>Fadeeva, I. E.</i>	24
<i>Fałowski, Adam</i>	25
<i>Gabunia, Zinaida</i>	26
<i>Ganapolskaia, E. V.</i>	27
<i>Garcia Fernández, Francisco</i>	20
<i>Gogolewski, Stanisław</i>	28
<i>Gudkov, D. V.</i>	29
<i>Guillén Monje, Gonzalo</i>	28
<i>Guzmán Tirado, Rafael</i>	30
<i>Hádek, Karel</i>	31
<i>Hádková, Marie</i>	31
<i>Hirschová, Milada</i>	32
<i>Hlavíčková, Vlasta</i>	33
<i>Hita Jiménez, José Antonio</i>	33

<i>Ignaczak, Lidia</i>	34
<i>Ionova, Maya</i>	35
<i>Istominā, T. V.</i>	36
<i>Jaidarov, A. F.</i>	37
<i>Jászay, László</i>	38
<i>Jristova, Iskra</i>	39
<i>Jromushina, S. A.</i>	40
<i>Juez Gálvez, Francisco Javier</i>	41
<i>Kaczorowski, Aleksander</i>	41
<i>Karagyozov, Panayot</i>	42
<i>Karaúlov, Yu. N.</i>	44
<i>Katnić-Bakaršić, Marina</i>	45
<i>Kirova, Milena</i>	45
<i>Klimenko, A.P.</i>	45
<i>Kohrs, Helga</i>	46
<i>Komárek, Miroslav</i>	47
<i>Konieczna-Twardzikowa, Jadwiga</i>	47
<i>Kortava, Tatiana</i>	48
<i>Kotova, Vera</i>	49
<i>Kotylev, A. Yu.</i>	50
<i>Kowalczyk, Witold</i>	51
<i>Krainova, E.</i>	51
<i>Králová, Jana</i>	52

<i>Krasnyj, V. V.</i>	53
<i>Kraus, Jiří</i>	54
<i>Krauz, Maria</i>	55
<i>Krč, Eduard</i>	56
<i>Kuczyńska, Marzanna</i>	56
<i>Kusumageeta Manasagangotri</i>	65
<i>Láleva, Tania Dimitrova</i>	57
<i>Lesiów, Michał</i>	57
<i>Leszczyński, Zenon</i>	58
<i>Lisauskene, Maria</i>	59
<i>López Díaz, Ana Belén</i>	75
<i>Magdalena Nom de Déu, José Ramón</i>	59
<i>Maldjieva, Vjara</i>	60
<i>Malicki, Jan</i>	60
<i>Marín Estremera, Mª del Carmen</i>	61
<i>Mencwel, Andrzej</i>	61
<i>Miczka, Tadeusz</i>	62
<i>Minkova, Liudmila</i>	63
<i>Mironesko, E. M.</i>	64
<i>Molina Moreno, Francisco</i>	65
<i>Molle, Kunka</i>	65
<i>Morozova, Elena</i>	66
<i>Muñoz, Alejandro</i>	67

<i>Nagórko, Alicja</i>	67
<i>Nemshilova, Z. Ya.</i>	68
<i>Nikolaev, G.</i>	69
<i>Olivares Niqui, Alfons</i>	70
<i>Ol'jovikov, D.</i>	71
<i>Olshevskaiia, L. A.</i>	72
<i>Ondrejovič, Slavo</i>	73
<i>Orłowski, Jan</i>	74
<i>Osipova, I. A.</i>	74
<i>Otero Macias, Fernando</i>	75
<i>Oussiatinckaiia, Irina</i>	76
<i>Pérez Molero, Pedro Antonio</i>	77
<i>Petrujina, Elena V.</i>	77
<i>Pjeshjov, L. A.</i>	78
<i>Ponariadov, V.</i>	79
<i>Projorov, Yu. B.</i>	80
<i>Puchkov, Andréi</i>	81
<i>Quero Gervilla, Ángeles</i>	81
<i>Quero Gervilla, Enrique</i>	82
<i>Quintana, Emilio</i>	82
<i>Rasulov, I.</i>	83
<i>Resutíková, Kornélia</i>	84
<i>Rudenko, V.</i>	85

<i>Ruzhnikova, Natalia</i>	100
<i>Sadvakasova, Sabina</i>	86
<i>Salbieva, V. A.</i>	87
<i>Salieva, Liudmila</i>	88
<i>Sánchez Muñoz, Inmaculada</i>	89
<i>Shaijieva, T. N.</i>	90
<i>Shulgina, M. V.</i>	91
<i>Šipka, Danko</i>	90
<i>Soboleva, Raisa</i>	92
<i>Sokolova, L. V.</i>	93
<i>Soldatenkova, T.</i>	94
<i>Sorokin, Yu.</i>	94
<i>Spasova, Rimma</i>	95
<i>Stadler, Wolfgang</i>	96
<i>Stefanov, Valeri</i>	97
<i>Suprun, A. E.</i>	98
<i>Tatár, Bela</i>	99
<i>Tereschenko, Anna</i>	100
<i>Timoshik, Mikola</i>	101
<i>Tokarz, Božena</i>	102
<i>Torquemada Sánchez, Joaquín</i>	103
<i>Torres Soto, María Dolores</i>	103
<i>Tungusova, G. I.</i>	104

<i>Tungusova, Galina</i>	92
<i>Turover, G. Ya.</i>	105
<i>Vacheva, Angelina</i>	106
<i>Väistönen, Tuula</i>	107
<i>Velasco Menéndez, Josefina</i>	107
<i>Velichko, Alla</i>	108
<i>Vladimirova, L. V.</i>	109
<i>Vlasenko, S. V.</i>	110
<i>Vlasova, A. O.</i>	111
<i>Wawrzynski, Michał</i>	112
<i>Wolny, Kazimierz</i>	112
<i>Zadorina, A.</i>	113
<i>Zaitzeva, Vesselina</i>	114
<i>Zajarenko, I. V.</i>	29
<i>Zarek, Józef</i>	114
<i>Zarovniaeva, Liudmila</i>	59
<i>Zhdanova, Vladislava</i>	115
<i>Zholobov, O. F.</i>	116
<i>Zolotova, G. A.</i>	117